

Андрей Белянин

Дело трезвых скоморохов

Что ни говори, а на Руси завсегда
сыскарю дело найдется...

Annotation

Имя: Ивашов Никита Иванович. Должность: начальник первого милицейского управления г. Лукошкина, или, по-местному, сыскной воевода. Родился и вырос в Москве, сюда, в полусказочное царство-государство, попал случайно, вернуться не сумел, за год привык и уже никуда не дергаюсь. Работаю по специальности, успешно сформировал хорошо слаженный коллектив и даже распутал несколько звучных дел. Живем всей командой в тереме Бабы Яги, старушка та еще... В плане хозяйства и экспертно-криминалистической деятельности равных себе не имеет, ну а характер, как у всех пенсионерок, с загибами и перепадами. Еще Митька, пальцами подковы гнет, лбом гвозди заколачивает, применять голову для шевеления мозгами я ему обычно запрещаю. Фантазия у парня слишком буйная, такую без смирительной рубашки на люди выпускать не рекомендуется. А в остальном классический милицейский работник младшего звена. Еще при отделении есть стрелецкая сотня Фомы Еремеева, куда входит мобильная конная группа быстрого реагирования. Я хотел еще специальный отряд, типа «Альфы», утвердить, но не успел – столицу захлестнули структурные преобразования, начавшиеся после женитьбы царя Гороха...

-
- [Андрей Белянин](#)

-

Андрей Белянин

Дело трезвых скоморохов

«Начальнику и сыскному воеводе
Лукошкинского управления милиции
Ивашову Никите Ивановичу

ЧЕЛОБИТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Отец родной! Отпусти душу на покаяние, за что буду по вас весь век бога молить. Истомилось сердечко, изболелось ретивое, а на уме одни картины детства голопятого: вона маменька бельё валиком колотит, вон ребята соседские с горки на задуге едут, а вона и сам я яйца разноцветные с Пасхи за пазуху сую, не пойман за ухо покудова... А только сами видите, сколь горе моё велико, борзо и лае! Явите отсель сострадание христианское, инше мне уж и жизнь молодая не мила. Засим остаюсь извечно ваш, покорный раб и младший сотрудник,

Дмитрий, Васильев сын, Лобов».

Я медленно перечитал желтоватую бумагу, искренне удивляясь про себя отсутствию грамматических ошибок. Наверняка переписывал раз пять или шесть. Сосредоточенный Митяй, стоя посреди горницы на коленях, продолжал методично бить поклоны, словно рассчитывая взять меня измором. Яги дома не было – выходит, придется разбираться самому, а не хочется...

– Ну и что всё это значит?

– Не погуби, отец родной!

– И не собираюсь... Митя, у тебя лоб не болит? Смотри, на столе уже чашки подпрыгивают.

– Нет мне прощения, ни людского, ни божеского, а только всё одно на своём стоять буду... – непреклонно ответил он, на минуточку отрываясь от основного занятия. Вообще-то полы в тереме дубовые, но башка у парня чугунная, вот ведь, ей-богу, половицы проломит...

– Прощение написать дяк Филимон надоумил? Митя, не стучи, пожалуйста, уже щепки летят... Подпишу я тебе отпуск, и так подпишу, успокойся только! Вот разберёмся с конокрадами и... Митя, я же просил!

Нет, его тоже можно понять. Мы с этими ворюгами уже неделю «разбираемся». И дело-то плёвое, а вот... завязли мы в нём, как дети в пластилине! А в чём проблема? А в царе! Вернее, в матушке царице и её культурных преобразованиях... Нет, мне уже самому смешно, но давайте я начну сначала, по порядку, как положено.

Имя: Ивашов Никита Иванович. Должность: начальник первого милицейского управления г. Лукошкина, или, по-местному, сыскной воевода. Родился и вырос в Москве, сюда, в полусказочное царство-государство, попал случайно, вернуться не сумел, за год привык и уже никуда не дёргаюсь. Работаю по специальности, успешно сформировал хорошо слаженный коллектив и даже распутал несколько звучных дел.

Живём всей командой в тереме Бабы Яги, старушка та ещё... В плане хозяйства и экспертно-криминалистической деятельности – равных себе не имеет, ну а характер, как у всех пенсионерок, с загибами и перепадами.

Ещё Митька, вот этот самый, пальцами подковы гнёт, лбом гвозди заколачивает, применять голову для шевеления мозгами я ему обычно запрещаю. Фантазия у парня слишком буйная, такую без смирительной рубашки на люди выпускать не рекомендуется. А в остальном классический милицейский работник младшего звена.

Ещё при отделении есть стрелецкая сотня Фомы Еремеева, куда входит мобильная конная группа быстрого реагирования. Я хотел ещё специальный отряд, типа «Альфы», утвердить, но не успел – столицу захлестнули структурные преобразования.

Зайдём издалека. Горох – человек в целом хороший. Умный, толковый, деятельный, может быть, горячий иногда, взбалмошный (с кем не бывает?), но в общей массе нормальный русский самодержец! Этой зимой он у нас женился. Всем народом уговаривали, невесты ко двору едва ли не со всего света понабежали. Ну там то-сё, нам с ребятами удалось вскрыть один не слабый заговор австрийского дипломата, как-то всех спасти, и государь в результате успешно женился. Успешно – значит и по любви, и в масть с соображениями политического плана. Отныне в нашем городе появилась Лидия Адольфина Карпоффгаузен, принцесса австрийская. Тоже в общем-то вполне милая особа, однако... несколько поведённая на порядке. И заметили это не сразу...

Мы-то думали, что немецкая кровь не позволит ей в государственные дела лезть, сообразно впитанному с молоком матери принципу: «киндер,

кюхе, кирхе» – всё. Дети, кухня, церковь как место общения – в идеале Гороху от неё больше ничего и не надо. Увы, Лидочка оказалась девочкой дисциплинированной, уважающей порядок, но требующей, чтоб и все прочие этот порядок уважали. Ничего такого очень уж невыполнимого... так... исподволь... понемногу, начиная с любимого отделения милиции.

Раньше мы как поймаем вора, разбойника или убийцу, так докладную напишем и с рук на руки в тюрьму. Там государевы служивые дело рассмотрят и вперёд – по всей строгости закона. Теперь нет... Теперь у них адвокаты завелись, юристы, суд присяжных планируют, а преступника гуманно выпускают под залог или подписку о невыезде. Всё как в цивилизованной Европе! Слов нет, мат один...

Вот вернёмся к тем же конокрадам. Двое их было, впёрлись ночью на территорию отделения, Сивку-бурку воровать, а Митька на сеновале спал. Дальше можно не рассказывать... При его любви к «госпоже лошадушке» попробуйте с трёх раз отгадать, что он с похитителями сделал. Формулировки типа «убил на месте!» пропустить как неоправданно гуманные... Наутро обоих сдали в пыточный приказ компактно уложенных в бочонок из-под кислой капусты. А в обед нас оповестили, что мерзавцев выпустили «за недостаточностью улик» и они уже катают жалобу на «милицейский произвол»! Как в таких условиях работать, я вас спрашиваю?! Митька с горя в отпуск проситься стал, на деревню к матушке, расшатанные нервы парным молоком лечить. А у меня в отделении раскрытых, но незакрытых дел – чёртова дюжина! Ну и как они вам, наши демократические преобразования?..

– Никитушка, а вот и я пожаловала! – В горницу, прихрамывая, шагнула Баба Яга – стыд, честь и совесть нашего отделения. – Всё за отчётами корпишь, милый? Небось и не поел ещё, меня дожидаясь? Митенька, пошёл бы ты телегу разгрузить, я на базаре всякого свеженького накупила.

– Бабушка, вы что же, не видите разве – занят я!

– Вижу, вижу, касатик, опять лбом пол долбишь... – жалостливо вздохнула Яга. – А тока всё одно – прервись да сходи! Не доводи до греха меня, старую...

– Угрозы сотруднику милиции, превышение должностных полномочий, использование товарища по службе не по прямому назначению, – привычно пробурчал «касатик», но пошёл, имея за плечами яркий опыт непродолжительных споров с нашей бабушкой.

Яга осторожно присела на скамью, обмахиваясь платочком, а кот Василий, приподняв одно веко, ленивым зевком доложил хозяйке, что дома

всё в порядке. Правильно, в беспорядке только я...

– Развеемся бы тебе, Никитушка, – вполголоса, словно бы разговаривая сама с собой, задумчиво выдала бабка. – На вечерки ты не ходишь, по праздникам не гуляешь, на свадьбах...

– На свадьбах – был!

– Дык по делу же... – гнула своё Яга, неспешно ставя самовар. – Это когда Танюшку Бакулину замуж выдавали, а жених мелкий попался да робкий, так его дружки, смеху ради, всех там так упоили, что поп невесту в купели крестильной едва не утопил, а жениха с тестем в обнимку повенчали... Отец Кондрат тогда самолично милицию вызвал. А только ты меня зазря вокруг кривой берёзы кругами не води, речь-то не о том шла. Хватит тебе бобылём сидеть!

– Бабушка-а...

– А то уж люди на базаре вслух удивление имеют. – Не обращая ровно никакого внимания на мои протесты, Яга сунула мне под нос блюдце с царскими пряниками и ласково потрепала по затылку. – Дескать, не занедужил ли участковый наш, что от роду женского шарахается, как грач от пугала? Да и не все ж девки у нас настока страшные!

– Бабушка, эта тема закрытая, – кое-как успел вставить я. – У меня есть одна кандидатура, вы о ней знаете, так что давайте не будем переливать из пустого в порожнее...

– Так ить весна ж на дворе! Май месяц на носу! Кажный пенёк беззубый ромашками процветает, а ты что ж?! Вот возьмусь я за тебя сама...

– В каком смысле?!

– Да тьфу на тебя, Никитка, вот в каком! – не выдержав, надулась моя домохозяйка.

Я пожал плечами и потянулся за вторым пряником. Все эти бессмысленные разборки имеют место лишь потому, что нам, по совести говоря, заняться нечем. Отоспавшаяся за зиму преступность ещё потягивалась, зевала, не доставляя милиции никаких особенных хлопот. Доклады, отчёты, заявления, прочая писанина нервировала, конечно, но всё же это работа сидячая. С мелкими правонарушениями отлично справлялись еремеевские ребята, в царёвом тереме установились мир и согласие, шамахань по весне набегам не тревожат... Соответственно крупных проблем – ни одной.

Разве что Кощей бежал... Так это ещё в начале апреля было, и, по словам той же Яги, он к нам в Лукошкино носу не сунет, домой дёрнет мясо на костях наращивать. Если исключить служебную рутину, то просто божья

благодать вокруг, хоть со службы увольняйся да мемуары пиши. Того гляди, дьяк Филимон пожалует объявить о закрытии отделения «за служебной ненужностью»...

– В цирк бы ходил, что ль...

– Куда-куда? – невольно заинтересовался я. Память услужливо нарисовала красивый дом на Цветном бульваре, лошадок у входа, яркие афиши, особенный, упоительный запах манежа и детский вкус знаменитого эскимо на палочке.

– Да в цирк же! – носом чуя слабинку, подобралась Яга. – Балаган, по-нашему, там скоморохи пьяные пляшут с медведём, сцены всякие показывают, истории нравоучительные али смешливые с Петрушкой в бабьей рубахе. Вот и ходил бы. Потешился...

– В принципе почему и нет? – пожал плечами я. – В конце концов, глупо заикливаться на одной службе, должны же у нас быть и какие-то культурно-массовые мероприятия.

– А то! И Митеньку с собой возьми, не побрезгуй! Ужо ему-то радости полны штаны будет...

Вот так незаметно, незатейливо и абсолютно непонятно зачем мы дружно влезли в одно из самых тёмных и запутанных дел моей милицейской карьеры.

* * *

Цирк был настоящий. Я имею в виду, что скомороший балаган обычно ограничивался разбитой телегой да кукольным театром за сатиновыми занавесками. А тут, на Колокольной площади, раскинулся высоченный шатёр из пёстрых тряпок, на входе бородатый тип неопрятного вида собирал с входящих по грошику, а внутри уже размещался лукошкинский люд. Арены как таковой не наблюдалось: площадка для выступления скорее квадратная, чем круглая, посередине небольшой помост, два разноуровневых каната и зачем-то привязанная в уголке коза. Крупная такая, но драная...

Два небритых клоуна, размалёванные хуже ирокезов, бесплатно раздавали малышам карамельные шарики. Митька заграбастал себе сразу три, но я отобрал и вернул детям. Мой младший сотрудник всерьёз обиделся и дулся до тех пор, пока я не купил ему петушка на палочке. Нам предоставили места в первом ряду, по соседству с зажиточным купечеством и свободными от службы царскими стрельцами. Бояр и

приближённых к государю лиц не было – им такие мероприятия посещать высокомерие не позволяет. Со всех сторон доносился смех, приглушённые разговоры да балалаечное треньканье. За моей спиной двое молоденьких приказчиков чинно обсуждали предстоящее зрелище:

– А что будет-то?

– Так я тебе и сказал.

– Да небось я и без тебя знаю! Баб без одёжи покажут, медведя в красном платье, а ещё как цыган шило ест... И козу говорящую! Вона она у колышка-то за шею привязана, поди, чтоб не сболтнула чего...

Я слегка повернулся в их сторону, и молодцы разом притихли. Мой младший сотрудник не отрываясь смотрел на помост, чисто по-детски забыв про сахарного петушка на палочке. Вот ведь простая душа, как ему для счастья мало надо...

Шёпот за спиной осторожно возобновился:

– Слышь, а участковый-то что здесь рыщет?

– По делу, поди...

– Нешто заарестовывать кого?!

– А то! Баб твоих без одёжи, медведя за платье не по фасону, цыгана, чтоб не жрал что ни попадя, ну и козу, знамо дело, кто ж ей болтать-то позволит?!

На секунду захотелось обернуться и высказаться, но не успел, загремели медные трубы, и в центр площадки выкатился разбитной толстый мужчина с хорошо поставленным оперным басом:

– Э-э... счастлив приветствовать почтеннейшую публику! Я... э-э... мессье Труссарди, антрепренёр и глава самой замечательной цирковой труппы, э-э... колесившей когда-либо по пыльным дорогам Европы! После Дрездена и Парижа, проездом в Вену и Стамбул, всего... э-э... одну неделю блистательный цирк Труссарди – перед вами!

Из распахнувшихся занавесей, под аплодисменты горожан, высыпала разношёрстная толпа балаганных артистов. Я насчитал трёх клоунов, одного неопрятного типа с замашками фокусника, четверых прыгучих акробатов, девушку, жонглирующую шарами, традиционного силача и цыгана с медведем. Вполне приличная труппа, должен признать, и представление они тоже выдали на уровне. Митька сидел как зачарованный, даже в ладоши не хлопал. Просто тихо млеял от неопишуемого восторга. Теперь наверняка и в деревню возвращаться не захочет, маменьку свою сам сюда перевезёт, цирк смотреть...

Ну а так – баб без одёжи не показывали, разве что девушка выступала в полупрозрачном персидском наряде и под вуалью, но всё что надо

должным образом прикрыто. Коза, вопреки ожиданиям, оказалась неговорящая, в её задачу входило лишь бодать клоунов, но народ это страшно веселило. Силач был, конечно, впечатляющий: железный лом в узел завязывал и цепи рвал. Хотя, если, например, того же Митяя хорошенько дразнилками довести, так он не хуже чудеса покажет...

Фокусник мне совсем не понравился: пара дешёвейших трюков с голубями и кроликами, угадывание масти карт, чтение мыслей через подсознание, а на десерт – неизменный номер с исчезновением человека в ящике. Вызвали какую-то симпатичную девушку из зала, сунули в шкаф, три раза обернули, громом хлопнули, дверцы открыли – и нет её! Подсадная утка, все так делают... Вот акробаты умелые, я всегда завидовал парням, умеющим ходить на руках и с места кувыркаться через голову. В общем, нормально всё, хорошее представление, просто это я такой привереда...

По окончании программы вновь вышел их руководитель, торжественно попрощался, лишний раз напомнив, что цирк Труссарди задержится в Лукошкине ровно на одну неделю. Так что милости просим заходить ещё. Младшего сотрудника мне пришлось уводить силой, парень нипочём не хотел уходить, в надежде что ему ещё «чё-нить волшебственное покажут».

На выходе встретили двух наших стрельцов, их Яга послала, как оказалось, меня опять царь-государь требует. Ладно, загляну, не жалко... Митьку отправил обратно в отделение, пусть по хозяйству помогает. Заодно поучится метлу на носу держать, как настоящий циркач...

До гороховского подворья шёл спокойно, никто особенно не приставал, с заявлениями не лез, всех делов – только здороваться успевай. Первая неприятность – встреча с дьяком думского приказа Филимоном Груздевым, нагло преградившим мне дорогу в царский терем.

– Куда прёшь, милиция?! Али с утречка глаза не разумши? – Тощий дьяк старательно вытянул шею, словно надеясь, что я не сдержусь и дам ему по загривку. В принципе мне давно хотелось это сделать, но уж больно подозрительную готовность он проявлял...

– Что это с вами, гражданин? Опять пили на рабочем месте?

– Кто пил? Я пил?! Да ить это ж и есть полнейшее оскорбление! Матушка царица-а, слуге твоему оскорбле-ни-е-э!!! – И, подхватив рясу, бодрый скандалист опрометью бросился прочь.

Ничего не понимаю...

– Ребята, кто его со вчерашнего колокольной в лоб приложил?

Царские стрельцы только усмехнулись в усы, дескать, даже не

спрашивай, сами удивляемся. Я покачал головой и неспешно потопал на второй этаж. Меня ждали. Вошёл без стука, едва не прищемив государя дверью. Горох, подпирая спиной косяк, суетливо наливал себе стопочку. Меланхолично стряхнув с парчовой рубахи капли, тихо выругал меня матом и, вновь наполнив рюмочку, опрокинул её одним махом, смачно занюхивая рукавом. После чего без предисловий попытался сунуть водку мне. Посмотрел жалостливо, я бы даже сказал, затравленно:

– Пей. За моё здоровье.

– На службе не положено...

– Знаю. Не как царь, как мужик мужика прошу – выпей!

– Пятьдесят грамм...

– Соображаем, края видим, не прольём! – Горох воровато огляделся, кивнул мне и даже достал из кармана половинку кренделя. Я быстро выпил, так же, как он, отказываясь от закуски. Крендель был явно несвежий, в каких-то серых крошках и прилипших ниточках... Ну его, и так прячемся, как два алкаша в парке культуры и отдыха.

– Вызывали?

– Нет. Ещё налить?

– С утра достаточно. Я так понимаю, у вас тут очередное ЧП. В чём на этот раз горе горькое?

– Всё хорошо...

– ...прекрасная маркиза, – сурово закончил я. – Уж мне-то могли бы и не врать.

– Так я и не вру, вот в чём парадокс! – ввернул научное слово царь-батюшка. – Неоднозначно всё у меня, понимаешь?

– И без поллитры не разберёшься...

– Ой, вот морали-то по мою душу читать не надо, чай, не с малолетним правонарушителем разговариваешь! – поправив корону, напомнил государь. – Томно мне...

– Бояре заели? Международная политика хромает? С молодой женой проблемы?

– Да в порядке всё! Я ж тебе русским языком говорю: томление у меня в душе образовалось... Хочу чего-то, а вот чего хочу – не ведаю... Шамахань б напали, что ль?! Или самому на кого войной пойти?

– Говорят, вязание очень успокаивает...

– Пробовал, вон пряжа перепутанная под лавкой валяется. Тоска у меня, Никита Иванович, а ить я в таком разрезе сам себя боюсь – ну как руки наложу?! Не от пожара сердечного али разочарования любовного – из интересу! В запредельное краешком глазу глянуть – и назад. Мысли всякие

посещать начали...

– Вам бы к психологу надо, – посочувствовал я. Хотя, по совести говоря, какие психологи в их время? Любую хандру лечат водкой, не помогает – так дубиной! А уж откачивают потом всё той же водкой... Русская терапия!

– Может, вам в цирк сходить?

– И чего я там не видел?! У меня в собственном тереме каждый, почитай, день такой цирк... хоть всех святых выноси! О, главная циркачка идёт, слышишь?

Из-за дверей раздалась гулкая армейская поступь. Горох расправил плечи и спрятался за мою спину. Ну, правильно, если что – сразу под защиту родной милиции!

– О майн гот, кого я есть рада видеть! – Румяная австриячка от души расцеловала меня в обе щеки. При отсутствии посторонних Лидия Адольфина могла позволить себе некоторые вольности. Ей почему-то казалось, что я как-то причастен к устройству её счастливого брака. На мой предвзятый взгляд, ничего подобного не было... – Мой добрый дрюг-полицайн! Я ошень искайль фас по фашному делу. Мне приходится много... как это, битте... жалостей? Жалобностей?!

– Жалоб, – безошибочно угадал я и даже на девяносто процентов был уверен в том, кто их поставляет.

– Я, я! Именно, жалоб! Мой супруг, ваш король, ошень занят, я есть помогать ему слегка, мало-мало... Но закон должен бить!

– Быть, – поправил я.

– Бить! – подтвердила государыня. – Битте, взглянуть вот здесь.

Горох икнул, извинился по-немецки и попытался улизнуть, но его нежно перехватили:

– Майн либен, ты опять пиль до обеда? Но твоя красивый голова будет есть болеть! Как ты меня огорчать...

– Лидочка, уж прости, пожалуйста, но тут участковый пришёл, предложил по чуть-чуть за его здоровье. Как я мог отказать такому человеку? – беззастенчиво соврал царь. Австриячка глянула на меня с таким мягким укором, хоть сквозь землю провались...

– О та! Я понимайт, то есть ваш рюсский народний обычай – пить «за встречу», «за здоровье» и «за давно не виделись»! Зер гут, я буду привыкать...

Самодержец ласково чмокнул её в лоб и счастливо сбежал. Передо мной легла толстенная стопка доносов, жалоб и заявлений на милицейский произвол. Из более чем семидесяти бумаг две были написаны не дьяком

Филимоном, остальные... И каждый лист приходилось разбирать со всей немецкой дотошностью и пунктуальностью! Утешало одно – я уйду, а вот Гороху с ней жить...

* * *

В отделение вернулся к вечеру. Подшил бумаги, часа два играл в «подкидного дурака» с Ягой и её котом. Угадайте, кто остался? Хорошо, хоть не на деньги играли – я бы вообще без копейки ушёл. За ужином вернул своё, бабка обиженных судьбой жалеет и кормит, пока не лопнешь. Если я за всё это время ещё не колобок, то это только от нервов...

Кстати, одна из причин вечных стрессов – петух! Наша ненависть с первого взгляда успешно переросла в окопную войну. За зиму он успел отъестся, продумать новую стратегическую линию и теперь будил меня, предварительно укрывшись за бруствером из близстоящих куриц. Эти влюблённые дуры самоотверженно прикрывают его от любых моих происков. Я начал всерьёз задумываться о найме киллера.

Митяй заявился от силы на полчаса раньше меня. Где шлялся, не сказал. Но никого не «заарестовал» и ни во что не влип, трудился на уборке конюшни до первых звёзд. Парень умнеет на глазах, кто бы поверил... В целом всё шло так тихо и ладно, что я бухнулся спать рано, а сны снились полноцветные с цирковым уклоном. Бабке пришлось трясти меня дважды, случай редкий, обычно я просыпаюсь... хр-р-р...

– Никитушка! Да проснись же, сокол ясный! Беда!

– Ам...пым, я м... чё т...там, сплю я...

– Вставай же, люди пришли...

– Подача заявлений в отделение с девяти утра до пяти вечера без перерыва на обед! – всё ещё на что-то надеясь, отпихивался я, пока Яга не рявкнула:

– Подъём, сыскной воевода, а не то водой студёной оболью! Пришла беда неминуемая в ворота милицейские...

– Без меня никак?

– Никак! – подтвердила бабка, её вид со свечой в руке был суров и патетичен, как у американской статуи Свободы.

Я старательно зевнул и, скинув одеяло, потянулся за брюками. Домохозяйка стыдливо отвернулась...

– Ты уж, как наготу прикроешь, вниз спускайся, ткачи Брусникины тебя там ждут, дочь у них пропала. Двенадцатая, средненькая...

Несколько секунд я молча переваривал последнее предложение. Двенадцатая и средненькая?! Ё-мое, да сколько ж их там вообще имеется? И все дочери?! Ну... тогда Брусникин-старший в этом нехитром деле любого кролика переплюнет. Замуж, наверное, попытается сдать оптом...

В горнице меня ожидала пожилая супружеская пара. Жена оказалась женщиной тихой, незаметной, а муж – рябой мужичок щуплого телосложения – умудрился во время разговора строить глазки даже Бабе Яге! И вправду шустрый дядька, из таких виагру варить надо...

– Итак, записываю: кто пропал, когда, где и при каких обстоятельствах?

– Дочь, стерва, по ночи домой не вернулась! Прибыю ить...

– Что-то вы грубо так...

– Да уж небось как есть! – грозно вскинул бородёнку ткач. – Ославила отца на всю улицу – до милиции довела! Вы уж, батюшка сыскной воевода, явите милость – отыщите дуру, а я с ней по-свойски, ремнём потолкую! Прибыю, как бог свят, прибыю...

– Имя и особые приметы пропавшей, – мысленно махнув рукой на чужие внутрисемейные отношения, продолжил я.

Брусникин о чём-то перемигнулся с женой и обстоятельно ответил:

– Зовут Дуняша, возрасту девичьего, ростом пониже меня будет, волос русый, красной лентой коса заплетённая, над бровью родинка малая, ровно мушка. Одета в рубаху с вышивкой да сарафан простой, а ещё лапти неновые. Но прибить я её обязан просто...

– Когда пропала?

– С утра из дому сбежала с подругами гулять, так вот до сей поры и не возвратилась. А ить ночь уже! Раньше надо было прибить...

– Не огорчайтесь, какие ваши годы... У подруг спрашивали?

– Нет, не сподобились... – Многодетный отец задумчиво почесал маковку. – Дак она вроде раньше-то так не сбегала... Но ныне точно прибыю, как возвратится...

– Ладно, понял, записал. – Я обернулся к его жене. – Имеете что-нибудь добавить?

Она только отрицательно покачала головой. Глаза встревоженные, нервы на пределе, ещё чуть-чуть – и ударится в банальную истерику. Я оглянулся на Ягу, бабкино лицо было самым серьёзным...

– Хорошо, я сейчас же попрошу нашего младшего сотрудника оповестить патрули. А вы успокойтесь, идите домой, может быть, беглянка уже сама вернулась... Если что, я постараюсь обязательно заглянуть утром.

– Благодарствуем на уважении, Никита Иванович, – в пояс поклонился

ткач и даже не пообещал прибить. Дочь, разумеется...

– Так будут искать-то? – впервые подала голос мать пропавшей девушки.

– Обязательно, – уверил я. – Бабуля, Митька всё ещё спит?

– Дык как всегда, – подтвердила Яга. – Он же деревенский, с солнышком ложится, с ним же и встаёт, а в промежутки его и оглоблей не разбудишь.

Тоже правда, традиционно он спал у нас в сенях, на топчане, то есть мимо никак не пройдёшь, но сном недобудимым. В русских сказках такой обычно называют богатырским, в чём я лишний раз и убедился...

– Митя, подъём, служба зовёт! – проорал я прямо ему в ухо и отпрыгнул в сторону. Ведь если вскочит спросонья, то насмерть зашибёт, прецеденты были...

Потом я его ещё четыре раза будил, кричал, тормошил, толкал, как мог, а рядом люди стоят – бдительная у нас милиция, правда? Чета Брусникиных, словно нарочно, застряла в сенях, откровенно любясь моим позором. В отчаянии я схватил дрыхнущую каланчу за ногу, попробовал сдёрнуть одеяло, он буркнул нечто неразборчивое и перевернулся на другой бок. В тот же миг жена ткача громко вскрикнула, указывая на что-то пальцем. Я тоже не сразу понял и даже дважды протёр глаза... Из-под Митькиной подмышки высовывалась русая коса с заплетённой в неё мятой красной ленточкой!

Брусникину отрывали от безмятежно храпящего Митяя силами четырёх стрельцов, а потом ещё с час отпаивали настойками пустырника и валерианы. Её муж ругался на чём свет стоит, но шёпотом (Яга сквозь зубы пообещала посадить его на пятнадцать суток, ежели будет сквернословить в отделении). Вещественную улику в виде отрезанной косы у нашего сони изъяли, и при детальном осмотре родители девушки дружно признали её Дуняшиной. Мне не оставалось ничего, как отправить их под охраной домой и погрузиться в глубокие, нерадостные размышления...

– Чует моё сердце беду. – Бабка тихо присела рядом на лавочку. – Кабы чего дурного лиходеи с девчонкой не сделали. Ить, глянь-ка, коса под самый корень срезана...

– Ну и что с того?

– Да как что?! Куды ж ей, горемычной, теперь без косы – опозорили на всю округу! Ни замуж не возьмут, ни в работницы, а на улицу выйдешь – подружки задразнят... В прежние времена-то как потеряет девица косу, то одна дорога – в омут с головой!

– Чушь какая-то... – недоверчиво буркнул я. – Косу и поддельную

купить можно, помните, сколько Митька в прошлый раз на базаре надёргал?

– Ты уж в вопросах чести девичьей меня слушай, а не Митеньку. Чай, я больше разбираюсь, сама девицей была...

– В каком веке?

– А тебе пошто? – резво отбрила Яга и вновь пустилась запугивать меня бесчеловечными местными традициями. – Косу отрезать – дак то срамота похлеще, чем ворота дёгтем изгваздать. Новую-то, поди, годков десять отращивать надо, а до той поры тока и судьба, что слезами умываться, горем хлеб заедать, печалью-кручиной плечи кутать...

– Тогда один логичный вопрос: откуда данная коса оказалась в наличии у нашего сотрудника?

– Нашёл! – уверенно заявила бескомпромиссный эксперт, но под моим пристальным взглядом отвела глаза.

– Вот именно... Не помню, чтобы у нас в Лукошкине девичьи косы направо-налево вдоль улицы пачками валялись. Да и если бы действительно подобрал где, так о такой находке доложил бы непременно! Может быть, поэкспериментируете с уликой на досуге?

– Проверить на предмет колдовства да чародейства, что ль...

– Бабушка, а вы кто у нас по штатной должности? – начальственно прищурился я.

– Совместитель, – отмазалась бабка, но косу взяла. – Шут с тобой, Никитушка, иди с богом да спать ложись. Утречком, как личико умоешь, будем чай пить, глядишь, за разговорами чего и прояснится. А мы покуда с Васенькой моим покумекаем...

На этот раз я не настаивал на личном присутствии во время экспертизы волос. Яга – специалист опытнейший. Порой такие вещи выдаёт, ни МВД, ни ФСБ, ни ЦРУ проклятое рядом не лежали! Присутствовать на её опытах и страшно и интересно, но сейчас спать хотелось больше. Не считайте меня бесчувственным, просто судьба пропавшей дочери Брусникиных всё равно не разрешится до Митькиного допроса и результатов следственной экспертизы. А потому вполне можно баюшки-баю вплоть до самого утра. Петух... чёрт с ним, пусть разбудит пораньше! На этот раз прощу...

* * *

– Ку-ка-ре-ку-у-у!!!

– Спасибо, уже встал, – вежливо поблагодарил я, кивая мерзавцу в окно. Петух отработанным, на уровне генного автоматизма, движением спрятал гребешок за тыном.

– Ку-ка...?!

– Я же сказал «спасибо».

– Ку? – окончательно обалдел он, вытаращив на меня круглый, как бусина, глаз.

Я широко улыбнулся, поправил перед зеркалом галстук и вполне довольный собой спустился вниз, в горницу. Петух за окном надрывно вопил на одной ноте, до глубины души обиженный тем, что сегодня в него ничем не пульнули.

В горнице у русской печки каялся Митька. Не подумайте чего плохого – покаяние было непривычно тихим. Общая композиция, значит, примерно такая... Наш младший сотрудник, чинно сложив совковообразные ладошки на коленях, сидит на лавочке, уставясь пустым взглядом на русую девичью косу. А её, в свою очередь, держит в передней лапе кот Василий, немигающе вперившийся зелёными глазами в Митяя. Оба молчат, ни одного лишнего движения, лишь красный бантик методично покачивается перед носом кающегося... Под моей ногой случайно скрипит половица, сеанс испорчен. Кот косится на меня и резко хлопает в лапы.

– Нет, – словно проснувшись, дёргается наш герой, – всё одно ничего не помню. Спасибо тебе, добрая животная, зверь домашний, а тока молчат мои глубины подсознания...

– Кхм... – демонстративно напомнил о себе я, вопросительно изгибая бровь. Трюк простейший, на простейших и действует, как правило, безотказно.

– А-а, Никита Иванович, с добрым утречком! Бабуленька на базар отправилась, средь народу лукошкинского потолкаться, разговоров послушать, слухов в корзинку насобирать... А мне вас завтраком откормить велено. Вот, прошу за стол. Докуда блинчики не остыли, дожидаясь, Василий их миской прикрыл. Так вы и не чинитесь – в сметану макайте, да и в рот их, в рот их, в рот их всех!

Утро начиналось просто замечательно, – аппетит пропал разом... Василий вернул следственную улику на стол, сделал финт хвостом и исчез предрассветной тенью. Митька торопливо доставал чашки с блюдцами, судя по поведению, вины за собой не чувствовал, но выступить со слезами на людях не постесняется.

– Действительно ничего не помнишь? – просто так, для разговору, спросил я. И зря...

– На сей вопрос однозначного ответа как есть не существует. Ибо память человеческая суть терра инкогнитая и запоминанием занимается избирательно до причудливости. Как говорится...

– Митя, не умничай.

– А почему нельзя?

– Потому, что государыня сама вчера призналась, что ты у неё книжку по психоанализу выпросил, на немецком. Кто переводил-то?

– Кнут Гамсунович не отказали, – с неким вызовом вскинулся он. – Вчерась, почитай, всё время после цирка в Немецкой слободе провёл, и беседовали со мной на равных – зело я индивидуум яркий!

– С этим не поспоришь... Методику дачи показаний под гипнозом ты оттуда выудил?

– Никак нет, это ж фокусник давеча на арене показывал, али забыли? Вот я и решился подвергнуться, а ну как и впрямь припомню чего... А бабуля-то со мной ещё до петухов собеседование провела. Говорит, вроде чистый я...

– Это хорошо, если чистый. Попроси Еремеева ко мне.

Обычно глава стрелецкой сотни регулярно являлся к завтраку самолично, но сегодня где-то задерживался, а мне требовался совет. Я хотел получить максимально точные данные об исчезновении молоденьких девиц в нашем Лукошкине.

Лично я ни с чем таким здесь пока не сталкивался, но слухи были... Хотя бы насчёт всё тех же злосчастных Настенок, выгнанных на мороз бесчеловечными мачехами. Причём, как помнится, повезло-то одной, прочие возвращались домой с отмороженными носами. Однако всенародная вера в «авось» была воистину неистребима: парни отпускали на свободу пойманных щук, девицы пёрлись посередь зимы в лес, сёстры прятали малышей от перелётных птиц и не давали пить из лужи от козьего копытца. Не жизнь, а сплошные суеверия...

– Никита Иванович, там стрельцы задержанного привели с пострадавшей! – из сеней доложил Митька.

– А Еремеев где?

– Не появлялся покуда! Дак что, запускать?

– Естественно, рабочий день начался, – лениво потянулся я и, быстренько достав планшетку, приготовился к записи. Хотя мой московский блокнот давно кончился, желтоватой гербовой бумагой государь пока отделение обеспечивал. Вот карандаш сточится, придётся учиться писать гусиным пером... или Филимона Груздева в милицию штатным сотрудником переманить. Каки-и-е протоколы будут – пальчики

оближешь!

Ладно, отложим чёрный юмор, кто у нас там на сегодня? Стрельцы ввели здоровенную тётку лет сорока пяти, в самом «ягодковом» возрасте, и молодого тщедушного, но хорошо одетого паренька, явно боярского рода, которого она для надёжности держала за шиворот. Судя по горящим глазам женщины, юноша понятно куда влип – по самое некуда...

– Лейтенант Ивашов, глава Лукошкинского РОВД, – дежурно представился я. – Проходите, присаживайтесь.

– Благодарствуем, батюшка, а только мы постоим-с, – густым голосом Монтсеррат Кабалье ответствовала тётка, демонстративно встряхивая жертву.

– Это, как я понимаю, задержанный?

– Он и есть, змей-искуситель!

– Ясненько. – Я кивком головы отпустил стрельцов и ещё раз предложил: – Вы присаживайтесь, пожалуйста, и расскажите всё подробненько.

– Благодарствуйте-с, постоим мы.

– Господи, зачем же стоять-с, садитесь.

– Мы постоим-с! – значимо, с нажимом повторила потерпевшая, сдвинув соболиные брови.

– Как хотите, – непонимающе пожал плечами я. – Так в чём, собственно, дело?

– Сухово-Копыткина Мария Сидоровна, можно просто Мария, – с поклоном представилась женщина. – Вдовствующие мы-с, из купеческого сословию будем, две лавки на Базарной да склады с рыбою, солью опять же приторговываем. Ни за чем таким не числились, добрую славу о себе бережём-с, а ежели кто худое слово скажет...

– Долго не проживёт, – под нос довершил я, а вдова купчиха, выдержав весомую паузу, неспешно продолжила:

– Вот и получается, что, раз уж такой расклад, пуцай теперь-с, как честный человек, женится!

– На... э-э... в смысле, на ком?

– Как на ком-с?! – нервно сглотнула Мария Сидоровна, постучав себя кулаком в колыхающуюся грудь. – Дак на мне, на мне же!

– В смысле он, – я указал карандашиком на юношу, – должен жениться на вас, так? Вообще-то на первый взгляд возрастная разница, как у Киркорова с Пугачёвой, но... почему бы и нет?! Раз им можно, совет вам да любовь, как говорится. А милиция-то здесь при чём? В церковь идите.

– Смилуйся, батюшка участковый! – плаксиво скривив губки,

всхлипнула вдова. – Как же не в милицию-то, ить дело совсем уголовное! Мало того что чуть не убили приличную вдову-с, дак теперича и жениться, изменщик, не хочет. Говорит, дескать, в другую целил... но попал-то в меня! Пуцай и ответ даёт по всей строгости-с, законным браком!

– Минуточку, я никак не пойму, где проблема?

Купчиха резко повернулась ко мне, и я едва не рухнул со скамьи... Упс-с, теперь понятно ГДЕ... Пониже спины, в... в... внизу в общем, торчала тонкая оперённая стрела!

– И главное, колется же...

Я рухнул на стол, пытаюсь жевать скатерть, едва дыша от распирающего хохота! Да-а, начитался боярский сын сказок... Пустил стрелу в небеса, а на чей двор упадёт – там, значит, и суженая его. Что тут скажешь? Стреляет парень отменно (хотя в такую мишень и спяну не промажешь!), а вот с везением... это у каждого индивидуально. И главное, уж попал так попал! И кто здесь, спрашивается, пострадавший?

– Я больше не буду. Пустите, тётенька...

– Молчи, сердцеед коварный!

Меня спасла Яга. Вовремя вернувшаяся с базара бабка, быстро смикитила, что к чему, и, правильно оценив ситуацию, под стрелецким конвоем отправила обоих к отцу Кондрату. Пусть уж он с этим разбирается, у нас в отделении и других забот предостаточно. Тем паче что новости наша глава экспертного отдела принесла неутешительные...

* * *

– Уже полбазара шумит о том, что-де Митька милицейский дочку Брусникину со двора свёл. Правда, большинство говорит, раз свёл – стало быть, за дело! Якобы за просто так у нас не арестовывают...

– Нет, конечно, – поспешно согласился я, – ну, иногда... бывает... в крайне редких случаях, но потом мы всегда извиняемся!

Яга рассеянно кивнула и задумалась о чём-то своём. Вообще-то если честно, то обычно за всё отделение извиняюсь я один. Бабке гонор не позволяет, а Митяй только прощения просить горазд, и то в лучшем случае у меня, Яги или государя. Перед прочими так «извиняется», что люди на него и жаловаться боятся. Нет, мы перевоспитываем парня помаленечку, но количество «жалоб на превышение...» пока не убавилось...

– А что по самому факту исчезновения?

– Тоже радости мало: у подруг её нет, соседи не видали, из города

вечор никто не выходил, а поутру в дом всё одно не заявила. Мать плачет, отец горькую пьёт...

– Значит, действительно пропала?

– Значит, так оно и есть... – Баба Яга повернулась ко мне и строго напомнила: – Тока уж Митеньку зазря подозрениями не обижай. В преступлении энтот его вины никакой нет!

– А коса откуда?

– Подложили.

– Вот так, прямо в отделении?! У нас же весь двор под охраной!

– Про то не ведаю, касатик! Тут уж ты меня, старую, словил, как бобёр лису за хвост с весенней целью... – Бабка шумно хлопнула себя по коленям и встала. – А не пройтись ли мне да в экспертизе колдовской косу не опробовать? Авось где чего и проглянется...

– А я думал, вы её уже...

– Ну, знаешь! Мне ить тоже когда-никогда, а спать надо!

– Извините, ляпнул, не подумав, – честно повiniлся я. – Помощь нужна?

– Сама управлюсь, а вот ты бы сходил к Брусникиным-то, может, в доме ихнем какую ни есть зацепку и углядишь. Вона Фома в ворота заходит, с ним и прогуляйтесь.

– Договорились, заодно и к Гороху загляну, попрошу матушку царицу нашим сотрудникам научной литературой мозги не засорять. В вопросах прогресса и образования спешить не надо...

– Неужто Митеньку соблазнила? – ахнула Яга.

– Увы, – сурово подтвердил я. – Он теперь всё отделение психоанализом достанет, так что без крайней надобности постарайтесь не пересекаться.

– Свят, свят, свят...

– Вот именно!

С Еремеевым поздоровался уже во дворе. Молодой начальник стрелецкой сотни за этот год успел стать мне надёжным и многократно проверенным товарищем, которому я доверял практически безоглядно. Хотя отношения наши строились исключительно как служебные, то есть в кабаках вместе не сидели, по девкам на пару не бегали и в баню на Новый год не ходили. Определённая субординация, может быть, и добавляла некую толику холодности, но, с другой стороны, избавляла от фамильярности, в плане которой тот же Митька – просто бич божий!

– Доселе не было у нас такого, чтоб девиц красть да косы резать. Потому как проку в том ни на грош... – неторопливо рассуждал Фома. – За

девичий позор одно наказание – родственники башку оторвут! Так что полюбовно оно выгоднее будет. А косу резать? Это уж совсем падшая девка быть должна, и то за баловство по головке не погладят...

– С твоих слов получается, что весь смысл преступления в попытке очернить работника милиции?

– Выходит, что так... Однако зачем, опять не пойму?! Митьку твоего и так, почитай, всё Лукошкино как облупленного знает. Дурак он, конечно, да сердцем отходчив и зла на душе не таит. Такой безвинную девицу зазря не обидит...

– А если она сама ему косичку с бантиком на память оставила? – от нечего делать предположил я (версия глупая, но...). – Хотя тогда бы он помнил... Яга его полностью оправдала и сейчас проводит экспертизу на предмет дознания чужеродных запахов, отпечатков пальцев и прочего.

– И велика ли надежда?

– Шанс есть, но, честно говоря, очень зыбкий, мелкий и дохлы-ы-ый...

У ворот Брусникиных нас встретила небольшая группа соседей и вездесущий дьяк Филимон Груздев... в новом парике. Ей-богу, я сначала глазам своим не поверил! Макушку дьяка украшало косо сидящее сооружение из белёной пакли – классический парик английского судопроизводства. Засаленный колпак гордо венчал узкое чело, а на затылке вызывающе торчали уже две косички. Я мысленно помянул нехорошим словом активную государыню и не ошибся...

– Вот как спешит милиция простому человеку в подмогу и утешение! – громко начал опытный скандалист, обращаясь, собственно, ни к кому, но ко всем в целом. – Сколь велико горе материнское, глубока печаль отцовская, безмерна скорбь сестринская, необъятно отчаянье братское, а они и не торопятся, собаки сутулые!

– Гражданин Груздев, освободите проход от греха подальше, – вежливо козырнул я.

– Ан не будет по-твоему, злой сыскной воевода! – трусливо приосанился дьяк, стараясь держаться подальше от Еремеева. – Ибо волей матушки царицы, дай ей господь долгих лет и процветания, назначен я народу лукошкинскому наипервейшим ад... адв... адвокатом! Сие означает – от произвола милицейского заступник и оградитель!

Мы с Еремеевым обменялись взглядами, полными зубной боли. Лидия Адольфина Карпоффгаузен – женщина хорошая, старательная, но, как большинство австриек, честная и доверчивая. Неистребимый Филимон Митрофанович легко обнаружил её слабую струнку и теперь изо всех сил корчит из себя едва ли не доверенное лицо государыни.

– Фома, будь другом, пообщайся тут с местной адвокатурой, – вздохнув, попросил я. – Только по голове сильно не бей – парик помнёшь, он нас по судам затаскает. А я пока в дом пройду.

Сотник коротко кивнул, но уже в воротах меня встретил негостеприимным иканием пьяный отец семейства:

– Чаво надоть?

– Пришёл поговорить о вашей дочери.

– С чавой-то?

– Гражданин Брусникин, что за тон?! – несколько сбился я. – Ночью вы с супругой явились в отделение с просьбой отыскать вашу пропавшую дочь. Мне нужно...

– Вот и ищи! Затем ты и милиция, а в дом не пущу!

– Но... почему?

– А вот так! Потому как на то моя хозяйская воля! Мы теперича права знаем, умны люди объяснили... – продолжал изгаляться мужик, и у меня непроизвольно сдвинулись брови. Дьяк демонически хохотал, издали показывая нам язык: дескать, обломись ты на этом месте, ирод в погонах!

Положение самое идиотское... На моей памяти никогда ещё не было случая, чтобы отец (в здравом уме!) чинил препятствия тем, кто (по его же заявлению!) ищет его же пропавшего ребёнка! Самоуверенную ухмылочку жутко хотелось смахнуть кулаком. Это как раз-таки было бы очень педагогично!

Я сосчитал в уме до десяти и медленно повернулся к Фоме:

– Сотник Еремеев, пожалуйста, отпустите дьяка, он мне понадобится как понятой. А вот гражданина Брусникина следует немедленно сопроводить в отделение. Ни свет ни заря, а он уже пьёт в рабочее время!

– Да ты не ополоумел ли, участковый?! – пытаюсь встать на цыпочки, взревел ткач, бледнея и краснея попеременно.

– А за оскорбление при исполнении дать пятнадцать суток! – безжалостно добил я. – Будете трудиться на озеленении родного города, строительных объектах и чистке общественных канализационных систем. Филимон Митрофанович, прошу вас, не откажите поучаствовать!

Дьяк мгновенно надулся от важности и, первым отпихнув недалёкого главу семейства, шмыгнул мимо него во двор. Грозный Еремеев молча положил тяжёлую ладонь на плечо жертвы «милицейского произвола»...

В доме нас встретила целая орава счастливых ребятишек, двое нанятых работников и задёрганная, усталая хозяйка. Понятой Груздев, возбуждённо пританцовывая, рвался сию же минуту приступить к повальному обыску, но мне требовалось всего лишь поговорить:

– Значит, так никто ничего и не знает?

– Да уж с ночи, поди, всех соседей да подружек обегала. Совсем запропала девонька моя...

– Найдём, не переживайте.

– Да тока бы живая была, – тихо всхлипнула женщина. – Сотрудник-то ваш, бугай известный, про косу девичью молчит небось...

– Мы проверили, он ни в чём не виноват. Баба Яга на данный момент проводит ряд следственных экспертиз, может быть, появятся новые улики. – Опустив глаза, я попытался перевести разговор: – Скажите, а почему ваш муж так неадекватно себя ведёт – грубит, что-то из себя изображает, в дом меня не хотел пускать...

– Кто ж его разберёт, что у пьяного на уме... С утра деньги где-то раздобыл, zenки залил, вот и хорохорится. А может, и так угостили, ему вольно языком трепать. Да вон хоть конфеток детям принёс...

– Конфеток? – непонятно зачем переспросил я.

– Гороху цветного, сахарного. Говорил, будто циркачи-скоморохи на площади задарма горстями раздают.

Больше вопросов не было, зацепок и информации тоже, а бесцельно просиживать штаны рядом с матерью, потерявшей дочь, как-то, знаете ли, не очень...

Я надел фуражку, попрощался, потрепал самого маленького ребятёнка по голове и шагнул за порог. Дьяк Филимон за моей спиной шумно распинался насчёт того, что «ежели Митяй и виновен, то участковый его нипочём не отдаст, потому как в милиции ихней порука круговая, кровавая!». И ведь кто-то ему ещё верит...

* * *

От Брусникиных я направился напрямиком в царский терем. Раз даже дьяк Филимон в курсе произошедшего, то уж государю-то тем более доложили. Значит, всё равно вызовет, так какой смысл ждать, если можно самому прогуляться?

Прохожих на улице было немного. Середина рабочего дня, у всех свои дела-заботы, а кто без дел, тот в цирке. Из знакомых лиц попался разве что авангардный иконописец Савва Новичков. Несмотря на кубистическую манеру живописи, парень как-то умудрялся зарабатывать себе на хлеб, пару раз мы давали ему кров и защиту, поэтому он первым приветливо помахал мне рукой. Помнится, дня три назад забежал к нам в отделение, измерял

стену в горнице, прикидывая размеры картины для подарка Яге. Обещал нечто аллегорическое, но симпатичное, без шести рук и глаз на пузе. Яга, вообще, настаивала на религиозном сюжете с предельным реализмом. Ну, дело их, пусть пробует, бабка у нас творческих людей любит, правда, называет их почему-то «юродивыми»...

На государевом подворье чинно поздоровались с Кашкиным, как я уже упоминал, это самый прогрессивный боярин при дворе царя Гороха. Для прочих я постоянная заноза в заднице... Чёрт, главное, чтобы Новичков меня так именно и не изобразил!

– Рад приветствовать!

– И тебе поклон, сыскной воевода. К государю ли путь держишь? Так учти, во гневе он...

– А-а, опять царица бутылку спрятала?

– Хуже, скучно ему... А батюшка наш от скуки суров не в меру, да и в суде неразборчив. Ты уж поспешай, он к милиции завсегда неровно дышит. Глядишь, на тебя поорёт – да душой и развеется! А уж коли что, дак я тебе завсегда в острог калачей тёплых пришлю и кваском домашним побалую...

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил я. – Попробуем обойтись без крайностей.

Старый боярин по-отечески обнял меня на прощание, перекрестил, как покойника, а потом долго смотрел вслед, смахивая скупую слезу. Иногда создаётся такое впечатление, будто бы царь наш – редкостный тиран и деспот, но это не так. Горох воплощает в себе классические черты искренне любимого народом государя: строг, но справедлив; буен, но отходчив; пьёт, но в меру, и главное, душу готов положить за возлюбленное Отечество! Таких на Руси любят, и даже я невольно попадал под влияние его самодержавной харизмы...

Царские стрельцы доложили, что меня примут в отдельных покоях. Для бояр попасть туда значило получить полнейший разнос. Но, как правило, только там мы с Горохом могли говорить без лишних свидетелей.

– Заходи, Никита Иванович! Пить будешь? Ох и наливка нынче хороша...

Надёжа-государь оказался не один, а с супругой. Причём, судя по ярко-розовым щёчкам Лидии Адольфины, оба уже слегка «тёпленькие». Хорошая у них семейная жизнь, завидую...

– Спасибо, я по делу.

– За дело и выпьем! Ну уважь, уважь, участковый... Али не видишь, сам царь с царицей тебя потчуют?!

Я вопросительно покосился на государыню.

– По щють-щють, – милостиво подтвердила она. – Дас ист зер гут шнапс-облепиховка!

В общем, пока я с ними не выпил, никакого разговору не было. Потом Горох очень серьёзно меня выслушал, незаметно поглаживая мечтательную жену по бедру. Судя по всему, в самое ближайшее время меня отсюда попросят...

– Всё понял, разобрал, простил и к сердцу принял. Воля моя такова: службу неси, как и доселе нёс! За парнем твоим вины не держу, – видать, и впрямь злодеи на него поклёп возвели. Так вот и отыщи тех паскудников, что у нас в столице девкам на ходу косы режут! Отродясь ведь не бывало такого, а?

– Мм... практически, – несколько смутился я, вспомнив, сколько кос наобрывал тот же Митька во время дела о летучем корабле. – Но так, чтобы с исчезновением девушки, такого точно не было!

– А как будешь ихнюю «малину» брать, меня позови, – заранее предупредил Горох, красуясь перед супругой. – Давненько я никому с поличным рук за спину не вертел!

– О, майн либен! Ти есть перл харбор... храбур... нет, перл храбрости, так, да?! – страстно поддержала мужа бывшая австрийская принцесса и, целуя ему руку, покосилась на меня. – Я ходить под вас! Нет? С вас ходить?! А, ходить под руководством вас, герр полицайн!

– В смысле, на задержание? – не поверил я, беспомощно глянув на Гороха.

– Ну, не прелесть ли?! – восхищённо воскликнул он, крепко обнимая царицу Лидию. – И в огонь и в воду за мной готова. Делать нечего, сыскной воевода, придётся тебе нас обоих на следственный подвиг брать!

Короче, я ушёл от них злой и недовольный. Толку – ноль! Зато проблем теперь... И Кашкин этот ещё – скучает, дескать, государь! Да чтоб мне так хоть раз довелось поскучать... в обнимку с любимой женщиной! Ладно, простите, это всё от зависти. Пора жениться, пора, пора. Олёна, ау-у-у!

* * *

Возвращаясь в отделение, лишний раз прошёлся по Колокольной площади, мимо цирка. Народ стекался туда со всех сторон, длинная, галдящая очередь была видна ещё издали. Ну что ж, хорошее развлечение, людям – радость, дирекции – полные аншлаги, а значит, всё складывается к

общему взаимоудовольствию. Рядышком важно прошествовали двое приказчиков, те самые, что во время прошлого представления сидели за нашими спинами.

– Чёй-то я про козу не всё понял. Уж больно морда у ей осмысленная...

– Да и баб без одёжи показано не было! Небось уж сёдни-то не отвертятся...

Я сделал вид, что не замечаю их болтовни, и ускорил шаг. Парни понимающе приотстали:

– А участковый-то куда несётся, нешто опять кого под арест волочить? Вот ведь человек деятельности неумеренной...

– Дак недаром, видать, вчера он на представлении так к козе присматривался. От нынче по рогам и повяжет! А представь, ежели б ему там баб без одёжи показали...

В прежние времена я бы, наверное, покраснел или обиделся. Сейчас уже ничего, привык, даже не оборачиваюсь. Лукошкинцы – народ общительный, широкой души и безграничного любопытства, уследить за каждым просто невозможно... Пусть себе болтают, это скорее проявление заботы, нежели желание похохмить над органами. Мне так кажется...

Всю дорогу до отделения думал о пропавшей девушке, и, признаться, мысли мои были не особенно весёлыми... С одной стороны, все твердят, что обрезанная коса – это решающая улика: раз отрезана – значит, всё, девушка наверняка мертва. С другой стороны, пока труп не обнаружен, всегда остаётся какая-то надежда...

Попробуем поискать более-менее логичную причину похищения. В конце концов, женщин крали во все времена, вопрос – с какой целью: женитьба, насилие, выкуп, шантаж? Пока мне почему-то представлялась самой конструктивной версия психа-одиночки. Почему? Не знаю, какая-то смутная ассоциация с «кошачьим маньяком», обезглавливающим безвинных мурок и барсиков. Хотя вообще-то строить предположения на пустом месте бессмысленно, глупо и даже опасно...

– Митька не пробегал? – мимоходом полюбопытствовал я, козырнув нашим стрельцам.

– Был, да в Немецкую слободу утёк, – доложили мне, – вроде как тесто какое ему там наобещали.

– Рецепт, что ли?

Стрельцы виновато пожали плечами, дескать, кто ж его начитанного разберёт...

Задержанного гражданина Брусникина для профилактики и протрезвления сунули в поруб. Там и летом холодно, а уж в конце мая – хоть волков морозь... Через пару часов выпустим шёлкового... Сам Еремеев отсутствовал, посему я немного постоял на крылечке и шагнул в дом. В горнице – картина маслом!

Баба Яга, крупнейший авторитет в области знахарства и ведьмовства, сложив сухонькие ручки на коленях, сидит, выпрямив спинку, как школьница, а перед её крючковатым носом покачивает девичьей косой с бантиком сосредоточенный кот Василий. По-моему, Митькины эксперименты становятся чуточку заразны... Я посмотрел коту в глаза и покрутил пальцем у виска. Василий обиделся, фыркнул и ушёл мрачный, скрестив лапы на груди. Бабка чихнула, вздрогнула и, глянув на меня, ужасно засмушалась:

– Охти ж тебе, Никитушка! Стучать бы надобно, мало ли чем мы тут... занимаемся...

– С котом?! – сухо уточнил я. – Ну, ваше дело молодое...

– И то верно, – согласилась Яга, чем ввергла меня буквально в предобморочное состояние. – Дело молодое, необкатанное, а тока что ж мне, с перву разу новых методов экспертизных не опробовать? Чай, я не дура запечная, поперёк прогрессу с ухватом не попру.

– И на том спасибо... Ну, так получилось? В смысле, докопались до глубин подсознания?

– Чуток не успели... – вздохнув, призналась наша домохозяйка и, не прерывая разговора, взялась накрывать стол. – Вот уж и ноженьки потеплели, и рученьки покалывать стало, и веки отяжелели приятственно так, а в башке-то, слышь, ни единой мысли – одна Великая Пустота! Чую, чуть-чуть, да и нирвана меж ушей заплещется... Я-то, наивность старая, сперначала думала, что нирвана – энто вроде девки незамужней! Но она, оказывается, глубина разуму неподвластная... Эвон как! А тут ты явился не запылелся! Нет, всё ж таки стучи в следующий раз.

– Честное оперуполномоченное! – побожился я. – Приношу глубочайшие извинения, но, если позволите, один вопрос, как прошли исследования непосредственно по текущему делу? Есть какой-нибудь результат?

– Есть, есть, Никитушка, как не быть... Да тока ты сядь покуда, вот вареничков ежевичных откушай да чайку с медком под ватрушечку. Небось весь день так не обедавши носился... Вот и давай не зевай, полны щёки набивай! А я тут буду пред тобой полный отчёт держать.

Тоже правильно, у бабки пунтик на эту тему – пока не поешь,

нипочём рассказывать не будет. Так мы давно пришли к компромиссу: я – ем, она – докладывает. Довольны все, старинные обычаи вроде бы не нарушены, и экономия времени тоже весьма существенная.

– Значится, вот оно как было... Во первых делах, косу ейную не ножницами резали, а топором рубили! И не иначе как на плахе мясницкой. Ибо щепоть мелкая дубовая да кровь говяжья, уж такой специи... цифи... чн... в общем, едкий запах имеют – ни с чем не перепутаешь! Никита... Никита, сокол, ты что ж забледнел-то так, али дурно стало?

– Ба-буш-ка... – кое-как отдышавшись и не дав вареникам выпрыгнуть обратно в миску, просипел я. – Можно без столь детальной описательности?

– Охти ж мне, прости, касатик, – честно повинулась Яга и безыскусно продолжила в том же духе: – Так вот, опосля того как косу-то топором немытым отсекли, на ей много рук пальцами потными отметилось. Посередь волосков даже мел тёртый попадался... И рубили, видать, её не за просто так, а с им, злодеям, целью ведомой!

– Милицию подставить? – решив не искушать судьбу, я тихо отставил вареники в сторону.

Бабка уважительно подмигнула:

– В самое яблочко бьёшь, сыскной воевода! Одного не разберу, зачем кому-то отделение наше позорить? Нешто мы опять ненароком чью-то честь и достоинство меж двух пеньков защемили...

– Ну-у... недоброжелатели у нас есть, – не стал спорить я. – Хотя мне лично непонятно другое: если требовалось подбросить нам какую-то часть похищенной и зарубленной топором на мясницкой плахе девушки, то почему именно косу?! Почему не руку, не ногу, не палец с колечком, не... Бабуля... бабушка Яга! Что с вами?!

– Ти-пу-н... тебе на язык, участковый, – делая глотательные движения и зажимая руками рот, кое-как простонала моя домохозяйка. – Нешто можно старую женщину на ночь глядя такой ужасью пугать?! Я ить теперича до свету глаз не сомкну, девицу загубленную представляя!

– Хм, вам ли бояться покойников? Тем паче что тело потерпевшей пока не найдено и...

– Да кто ж тебе сказал, что помершая она?! Сам своим умом дошёл, али я какую информацию упустила? – взвилась Яга. – И неча на меня пальцем тыкать, я говорила, на чём да чем коса ейная рублена, а ты уж сюда и труп приплёл! Сперначала результаты экспертизы моей до конца выслушай, запротоколируй, да вот тогда и выводы строй. Схоронил девку раньше времени и меня под рвотную статью едва не подвёл...

– Так она жива?!!

– Сядь и не трясина меня, вона пылищи-то поднялось... Жива, уж как с косою расставалась, точно жива была. Волос мёртвого человека иной блеск имеет, а эту хоть щас на базар неси – лысые купят!

Не буду врать, что я, счастливый, начал ходить по горнице колесом, но от осознания того, что Дуня Брусникина, скорее всего, всё-таки жива, у меня словно камень с души свалился. Причём здоровенный такой, вроде железобетонной панели, хорошо хоть никого не ушиб... Бабка тоже не любитель с трупами возиться (о её буйной молодости и уголовном прошлом промолчим...), поэтому дальнейшее обсуждение предварительных планов расследования текло как по маслу, пока...

Нет, особо ужасного ничего не произошло, просто зашёл Митя. У нашего младшего сотрудника было настолько просвещённое лицо, что я вздрогнул. Как правило, это верный признак очередных неминуемых неприятностей, в которые он влез сам и намерен втянуть всё отделение.

– Ну и где ж оно, тесто немецкое? – Оказывается, Яга отлично знала, куда он направился. Я тоже вопросительно вскинул бровь.

Митяй торжественно выудил из-за пазухи три-четыре мятых листочка и гордо потряс ими над головой:

– Всё как есть раздобыл! Ох и мудрёная же штука-а...

– Чёй-то не поняла я... Немцы-то, поди, один рецепт и дали, а с тестом пожадничали?!

– Неправда ваша! – горячо вступился за иностранцев Митька, на манер самца гориллы бухая себе кулаками в грудь. – Кнут Гамсунович – человек благороднейший и скупердяйства лишён, ровно крот подштанников. Вот, все тесты с однова взгляду перевёл! Со всеми вытекающими последствиями, и ныне нет мне секрета ни в душах людских, ни в характерах! В единый миг психотип любого просчитаю, и никакой лазейки преступности от меня не отыщется!

– Никитушка, что ж он врёт-то? Сам в слободу Немецкую за тестом ходил, а нам бумажки в нос тычет...

– Всё в порядке, – улыбнулся я, сдвигая посуду и освобождая место на столе. – Давай показывай, чему научился.

– А вот не извольте ли для начала домик изобразить, лес, дорогу да солнышко. Я вам такие чудеса поведаю – ахнете! И вас, бабушка, попрошу... Нет-нет, не увиливайте, уж вас особенно!

Как понимаете, вечер прошёл весело. А вот с наступлением ночи...

Собственно, я ещё даже не успел уснуть. Только-только разделся и лёг, как внизу раздался шум голосов, и мне стало кристально ясно, что вторая ночь тоже пошла насмарку. Пока вставал, одевался и спускался вниз, поправляя фуражку (милиционеру, как и царю, без головного убора на людях появляться нельзя!), всё постепенно стихло. Баба Яга, захлопывающая за кем-то дверь, подмигнула мне, приложив палец к губам:

– Тсс! Ужо я Фому Еремеева с ними отправила, а про тебя, касатик, сказала, будить-де не велено! Не ровён час, осерчает батюшка участковый, так и расследования никакого не сообразуется...

– А кто был-то? – так же шёпотом поинтересовался я.

– Да купец Обмылкин с приказчиками, начал было мне тут нрав проявлять, тебя к ответу требовать... Да я ему быстро заворот дала, впредь в отделении глотку драть не будет!

– Заколдовали?!

– Самую чуточку... – несколько смутилась бабка. – Поменяла голос с мужского на бабий. Он и теперича орать горазд, да только то-о-ненько так, что самому стыдобственно...

– Бабушка! Вы же слово давали! Мы сколько разбирали с вами противозаконность и неэтичность применения колдовства против...

Яга молча сунула мне под нос толстенную девичью косу, соломенного цвета, в метр длиной, с атласной жёлтой лентой. Так... значит, проблемы пошли колесом по второму кругу. Я тихо опустил на скамью, достал из планшетки блокнот и приготовился записывать.

– Дочь купеческая по вечеру в хоромы отцовские не вернулась. Зовут Глафирой Потаповной, росту среднего, весу крупного, одета сословию соответственно. Заявление от батюшки ейного, горлопана, я самолично приняла. Ныне стрельцы его до дому провожают, по спине хлопают, успокоения ради. Почерк преступления всё тот же – девицы нет, коса вот она.

– Откуда коса? – уточнил я, доподлинно зная, что она ответит.

– Знамо дело, у Митеньки из-под подушки выдрала, – ровно кивнула бабка. – Он-то спит, аки младенец нетронутый, а я, старая, решила своим умом следственную версию проверить – вот и нашла...

– Что ж, – задумчиво протянул я, – по крайней мере, теперь точно известно, что Митька ни при чём. Кто-то дважды подставил его, извращённо, но однообразно. Законный вопрос: кому он так помешал?

– Не о том думать надо, а как мальчишечку нашего от обвинений облыжных уберечь. Не ровён час, Брусникины с Обмылкиными у отделения столкнутся да бедами своими взаимно поделятся – шуму буде-э-эт...

– Согласен, – решил я, – завтра же утром собственной рукой подпишу этому обормоту приказ об увольнении в отпуск. Пусть отправляется к маменьке на деревню, а мы уж тут сами как-нибудь...

– И то верно, – согласилась Яга, – пущай девкам тамошним тесто немецкое на уши вешает, от греха подальше. А то ить когда он меня едва ли не при всём честном народе...

– Там был только я.

– Ни за что ни про что холерой обозвал...

– Холерическим психотипом.

– ...Вот и поглядим, какими словами он теперича маменьку свою родную накроет. А Кнута Гамсуновича я впредь за переводы книжек таких оскорбительных и на порог не пущу!

В результате мы ещё на часик задержались у самовара. Я – безуспешно выгораживая психологию как науку. Бабка – убеждённая, что раз она без «эного дела» жизнь прожила, так и неча под старость лет из неё дуру делать. А у Митьки, надо признать, в последнее время это лихо получается...

Остаток ночи прошёл спокойно. Обеспокоенный моей вчерашней выходкой, петух демонстративно устроился на заборе и орал, раскинув в стороны крылья, как революционный матрос на расстреле. Я проявил редкостную силу воли, приветливо помахал ему в окошко и, зевая, спустился вниз. Пернатый злодей впал в глубокую задумчивость, свесив набок гребешок и распахнув клювик...

После завтрака я приказал построить личный состав во дворе отделения. Еремеев насобирал около двух десятков стрельцов. Яга торжественно уселась на крылечке, и действие первое началось:

– За проявленное в ежедневной борьбе с бандитизмом мужество и отвагу, за успешное выполнение особо опасных заданий и непосредственное участие в задержании наиболее крупных преступников младший сотрудник Лобов Дмитрий Степанович премируется пятью рублями и кратковременным отпуском на родину!

– Ура-а-а! – завистливо грянули стрельцы.

Я снял фуражку и кивнул:

– Вольно! Всем разойтись, продолжая службу согласно дневному расписанию. Митя, деньги и увольнительный лист получишь у кота

Василия. Отправляться можешь хоть сейчас. Бабушка, дайте ему пару бутербродов в дорогу.

– Но... это... как же, Никита Иванович, – неуверенно хлопая ресницами, стушевался наш герой. – Какой такой отпуск, за что?!

– Как это какой? Тот самый! Ты мне заявление писал? Вот мы, посоветовавшись, и решили твою просьбу удовлетворить.

– Дык... а это я писал?!

– Нет, Лев Толстой! – как можно строже рявкнул я, доставая из планшетки мятый лист бумаги с Митькиными каракулями. – Зачитываю: «Начальнику и сыскному воеводе... истомилось сердечко ретивое... картины детства голоштанного... явите отсель сострадание христианское... извечно ваш... Дмитрий Лобов». Просил – получи! Поздравляю, заслужил, маменьке привет и от лица отделения устная благодарность за хорошее воспитание сына.

– Но я... нельзя же... дело ведь важное, запутанное, а косу-то ейную всё одно у меня за пазухой обнаружили! Чё ж я, в сей тяжкий для Отчизны час в деревне сиднем сидеть буду?!

– Сотник Еремеев, возьмите четверых ребят и под ружьём сопроводите нашего товарища за ворота города, – вежливо, но твёрдо попросил я. – Бедняга от радости совсем ум потерял, собственного счастья не понимает.

– Бабуленька-а! Хоть вы-то вступитесь...

– Иди, Митенька, иди, – холодно вздохнула Яга. – А по дороге-то и помысли, каково это людей пожилых, заслуженных, «экстравертами» за глаза обзывать...

Парень дёрнулся туда-сюда, понял, что обложен со всех сторон, и, едва не плача, покорился судьбе. Ничего, в конце концов, выгонять его никто не собирается, вот отдохнёт недельку в деревне, вернётся со свежими силами, а мы за это время успеем разобраться с этими «косорезами»...

Одно время, после нападения на меня в моей же комнате, бабка ставила некую «сигнализацию» и точно знала, когда в тереме посторонний. Потом, к сожалению, защиту сняла, вроде бы из-за того, что по весне голуби на крышу садятся постоянно, а у Яги от этого в левом ухе звенит! Правильно, кому нужна такая радость по двадцать раз на дню... А вот теперь неизвестные лица уже дважды проникали на территорию отделения, беспрепятственно проходили в сени и подсовывали бедному Митьке убийственные улики. Могли и вовсе прирезать, кстати...

Про стрелецкую охрану вообще молчу, им сегодня Еремеев выволочку устраивает. Но в любом случае злодеи как-то должны были проникнуть в

дом. Неужели опять магия? А может быть, всё гораздо проще... Я мигом взлетел на крыльцо, залез на перила и внимательно осмотрел козырёк. Так и есть, на чистых досках виднелись чёткие отпечатки узких маленьких ног, ведущие на крышу!

– Ох, сраму-то мне, бесстыдство какое! – возмущённо всплеснула руками наша домохозяйка, узнав о следах преступников над собственным крыльцом. – Что себе позволяют, безобразники! Уж ты, Никитушка, энто так не оставляй, а то ить, не ровён час, и на голову с ногами немытыми сядут!

– Скажу Фоме, чтобы усилил караулы. А вы вторую косу допрашивать не собираетесь?

– Глафиры Обмылкиной-то? Дык смыслу нет. Судя по волосу, и она до сей поры в живом обличье обретается.

– А как-то выяснить, кто рубил, где, с какой целью? – продолжал допытываться я.

Бабка невыразительно пожала сухонькими плечами и занялась домашними хлопотами. Ладно, пойдём традиционным путём, будем методично разматывать каждую ниточку, возможно, хоть что-то проявится.

Я уселся поудобнее и, кликнув стрельцов, приказал доставить отоспавшегося (и поумневшего!) в порубе гражданина Брусникина. Яга, не глядя в мою сторону, оттопырила левое ухо, им она лучше слышит, хотя правое у неё не в пример симпатичнее...

– Вот он я... – тихо раздалось от дверей.

Вчерашний пьянчужка стоял сгорбившись, опустив голову и тихий, словно лютик в чистом поле. Поруб успешно используется нами как вытрезвитель и камера предварительного заключения, а уж его воспитательное значение вызывает в Лукошкине глубочайшее уважение. По-моему, мужики даже царской пыточной боятся меньше. В любом случае два раза сюда попадать не стремятся...

– Слушаю вас, гражданин.

– Дык... что ж тут... виноват, ясное дело...

– Значит, осознали? – подчеркнул я. – Это хорошо. Впредь от сотрудничества с работниками правоохранительных органов уклоняться не станете?

– Упаси господь!

– И это приятно. А теперь скажите-ка, пожалуйста, с чего это вам, рабочему человеку, взбрело напиваться с утра?! Вроде ведь не праздники, не выходной... Нехорошо получается!

– Грешен... – вытирая нос рукавом, всхлипнул ткач. – Да ить я ж сам с

утречка к вам в отделение бежал, об судьбе дочкиной беспокоился. А тут, как на грех, балаган этот на площади! Ну и... вот...

– Рассказывайте, рассказывайте, – как можно равнодушнее попросил я. Левое ухо Яги стало красным и мелко задрожало – верный признак живейшего интереса. А бабкину интуицию никогда нельзя сбрасывать со счетов...

* * *

Это было уже что-то... Нет, в деле резки кос и похищения девушек мы не продвинулись ни на шаг, но появилось хоть какое-то направление для дальнейших поисков. В общем, сумбурно и поминутно краснея, задержанный объяснил, что с пути его сбили проклятые скоморохи.

Дескать, перехватили прямо на улице, затащили в шатёр, силой влили в глотку пол-литра государственной водки и, насыпав на закуску горсть конфет в карман, выпроводили восвояси. Причём сами не пили ни капли! Идти в нетрезвом виде в отделение гражданин Брусникин не посмел, боясь меня огорчить. (Я от их душевной простоты скоро сесть начну раньше времени...)

Баба Яга тихо хихикала в кулачок, сказать, где этот тип врёт, мог бы и пятилетний ребёнок. На вопрос, с чего это заезжие циркачи впали в такую благотворительность, он внятно ответить не смог. Мне кажется, дядечка вполне мог орать о своём «горе» на всю улицу, а сердобольные акробаты, естественно, не отказали угостить разнесчастного родителя. Это, знаете ли, как-то более понятно. Там же, у цирка, он встретил достопамятного дьяка Филимона Груздева, в пять минут подвергся активной промывке мозгов и, преспокойненько отправившись с новым другом к себе домой, терпеливо дождался визита сотрудников милиции. Кстати, зайти к ним я сам обещал...

Разумеется, ничего такого криминального ни в чьих действиях нет, по-человечески всё вполне объяснимо. Но в целях профилактики я сделал ткачу ещё одно грозное внушение и отправил к жене и детям.

– Так... дуру-то мою искать будут? – уже с порога робко обернулся он.

– Ищем и продолжаем искать. Определённые подвижки есть. Следствие будет держать вас в курсе.

Когда мы остались одни, бабка очень серьёзно спросила:

– Чёй-то ты там, сокол, про подвижки врал... Может, я опять упустила улику какую ни есть?

– Издеваетесь?

– Господь с тобой, да рази ж я посмею, – искренне открестилась Яга, что-то высматривая в окошке. – Ты глянь, навроде парнишечка наш в дорогу дальнюю собрался. Надо бы выйти попрощаться, чай, не на один день ценного сотрудника теряем...

Митяй, собранный и снаряжённый, как на край света, не преминул устроить отдельный спектакль из самого факта своего отъезда. Для начала он в обнимку попрощался с каждым из наших стрельцов, Еремеева вообще облобызал троекратно, а для нас с Бабой Ягой традиционно заготовил целые речи:

– Отец родной, Никита Иванович! Вот те крест – не забуду вашей любви да ласки! Ежели б у кого другого жил, ходил бы битым, а под вашей рукой нежною – тока холилска да лелеялся... За науку личную, что на меня тратили, как вернусь, ноги вам мыть стану да ту воду пить вместо чаю духмяного! Вы ж мне сердце своё отдали, я вам душу открыл, и нет ныне в Митьке беспутном местов для вас сокрытых! Дозвольте ж облобызать щёчки ваши лишней раз на прощание...

– Без поцелуев! – едва овладев голосом, хрипло просипел я, красный, как кустодиевская купчиха.

Болтливый изверг не обиделся, трогательно пожал мне руки и переключился на Ягу:

– Бабуленька-красатуленька! А ить без присмотру вашего материнского я в городе большом в единый день от голоду обе ноги протянул бы. Без наставлений ваших напутственных, без поучений жизненных, без советов ежеутренних, по часу кряду передыху не знаючи, ох и скучно б было моё существованьце! И щенком был, и петухом оборотистым, и каких ещё бед с руки вашей на мою башку тока не сыпалось... Да рази ж забавы ради али нрава вашего психического?! Нет! Токмо в заботе об поумнении моём пёкшися! Дайте хоть обниму, а то кто ж на старости лет-то позарится?

Мы все инстинктивно пригнулись, понимая, что сейчас будет взрыв и в деревню к матушке поедут Митькины обгорелые сапоги. Но, видимо, Яга после таких слов впала в столбняк полнейший, и нахал ушёл безнаказанно. Стрельцы помахали ему шапками от ворот, а Еремеев тихохонько увёл бабу в терем, успокоиться...

Я хотел уточнить, не поставит ли она новую систему охраны, но передумал, в голову пришла гораздо более интересная идея. Негодяев ведь можно отвадить и другими способами, не обязательно прибегая к колдовству. Гвоздей, например, набить или стекла колотого насыпать...

Шучу, простите, глупая шутка получилась. Мы сюда не членовредительством заниматься поставлены, а правомочным задержанием хулиганствующих граждан. Стекло и железки острые – это негуманно, вполне достаточно натереть доски салом. Эх, полковника Чорного на меня нет, его бы обморок хватил от такого святотатства!

Я подозвал двух ближайших стрельцов и популярно объяснил план действий. Парни удивились, но, слазив на козырёк, спорить не стали, разве что предложили заменить сало более действенным смальцем. Иначе якобы мы с крыши замучаемся котов приبلудных прогонять – они нам всё сало до досок слижут...

Потом меня вызвали за ворота: один из наших ребят доложил, что на Колокольной площади дьяк Филимон очередную проповедь устроил. Как всегда, на любимую тему: «Милиция – не от бога, православные, и нет при ней стыда!» Причина выступления – освобождение под залог до суда двух, тех самых, конокрадов, что пытались свести у нас Сивку-бурку. Помните, в каком виде их Митяй в пыточный приказ доставил? Бочонок пилить пришлось, иначе бы вообще не извлекли бедолаг гуттаперчевых...

Да, вовремя мы сотрудника нашего на деревню спланили, он в юридических тонкостях плохо разбирается – набил бы жулью хари по второму разу и грехом бы не счёл! Надо попробовать ещё раз поговорить с государыней, всё-таки мы не в Европе, и демократия по Явлинскому к добру не приведёт...

Сходить, что ли, дьяка послушать, пока не побили? Его, разумеется, не меня же! Или к отцу Кондрату заглянуть, поинтересоваться, как там новобрачная вдовица со стрелой в ягодице? Я усмехнулся ярким воспоминаниям... Потом ещё постоял немного под тёплым весенним солнышком и решительно развернулся обратно, в терем. Буду сидеть и думать! А мысли в голове – ни одной... То есть те, которые есть, в деле о похищенных девушках никуда нас не продвигают. Может быть, ещё раз в цирк зайти, развеяться?

– Садись, Никитушка, попечалуемся вместе, – гостеприимно предложила Яга, подвинувшись на лавке. Бабка крепко обнимала недовольно попискивающего Василия и украдкой смахивала скорбные старческие слезинки.

– Эй, что это вы? Зачем? Ну, всё бывает, справимся как-нибудь, плакать-то к чему?

– Ми-теньку-у жалко-о...

– С чего вдруг?! – не сразу нашёлся я. – Да мы его час назад еле-еле выпроводили!

– Ить совсем молоденький... мальчонка-то, – раскачиваясь из стороны в сторону с ритмичностью китайского болванчика, запричитала Яга. – Ить один-одинёшенек пошёл, злобой людскою травленный, друзьями брошенный, в ссылку-изгнание супротив воли своей подставленный!

– Бабуля, но...

– А вот ежели его, сиротинушку, в пути обидит кто?!

– Э-э... ну... мн... мы, вообще, об одном и том же Митьке говорим?

– Дак это он тока с виду медведь причёсанный, лбом сваи забивает, ногтем поле пашет, оглоблей в носу ковыряет... Душа-то у него нежная, всяк прохожий плюнуть норовит!

– Не преувеличивайте, самоубийц у нас мало...

– Да что ж ты такой бессердечный, Никитка?!

Мокрый от бабкиных слёз кот вылупил на меня умоляющими глазами, отчаянно сигналил о тактической капитуляции, мол, «соглашайся со всем, а то она меня с горя окончательно придушит...». Я махнул рукой, абсолютно не имея желания ни с кем спорить, и вышел обратно во двор.

Несущие службу стрельцы доложили, что особенных происшествий нет, дьяк вроде бы с чего-то навернулся (а может, и получил-таки!), балаган крутит уже по два представления в день, народ о похищениях наслышан, но воли чувствам пока не даёт. В любом случае с этим делом надо как-то поспешить, если Яга пришла в себя, то пора совет держать. А может, в баньку? Баня здесь всегда на первом месте. Сходить, попариться, расслабиться кваском да чаем, а там уж...

В ворота постучали, и на двор отделения бочком шагнул наш добрый знакомец Савва Новичков. Под мышкой оригинальный иконописец держал нечто большое, плоское, укутанное в мешковину.

– Здравствуйте вам! Вот, картинку обещанную занёс.

– Очень приятно, – крепко пожав ему руку, улыбнулся я. – Заходите в терем, нашей домохозяйке как раз требуется добавить положительных эмоций.

– Непременно добавим, у меня тут, если позволите, одна вещица крупная, а к ней эскизы в четырёх изображениях будут. Пусть бабушка ваша сама цветовую гамму выберет.

– А картина, она... реалистичная? – на всякий случай уточнил я.

– Как бог свят! – даже перекрестился доброй души художник. – Не кубиками, не пятнышками, а по природе срисовано, без искажений, с пониманием.

Между нами говоря, мне, наверное, стоило бы сначала посмотреть живописное полотно прямо во дворе. Но, во-первых, неудобно как-то...

всё-таки подарок не мне, а Яге. Во-вторых, пакет был перевязанный, и томить хорошего человека на пороге невежливо, ещё бы и стрельцы набежали любопытствовать...

Мы прошли в горницу. Бабка, всё ещё с красными от чувств глазами, обрадовалась и потянулась за самоваром. Мрачный, как трезвый алкаш, кот сидел под скамьёй, с ненавистью вылизывая шерсть. Сострадательный Новичков тут же запустил руку в карман, одаривая домашнего любимца тремя-четырьмя конфетками. Василий презрительно скривился, но шарики взял, будет по полу гонять, когда никто не видит...

– Ну, разворачивай, давай уж покажи, чем решил старуху порадовать, – жалостливо попросила Баба Яга, в нетерпении ёрзая по скамейке.

Савва прислонил картину к стене и, распаковав, торжественно объявил:

– Вот, пожалуйста смотреть. Всё, как просили, с правдивостью и на богословскую тему: «Адам, искушаемый Евой!», с гаммой уж опосля определимся...

Я почувствовал, что краснею. Картина была... ну... предельно реалистичная, хотя правильнее было бы сказать, «чересчур»... Бабку откачивали в четыре руки...

* * *

– Нет, ну с моей, любительской точки зрения Адам как раз получился очень выразительным, очень... Сразу видно, что процесс искушения в полном разгаре! И то, что автор абсолютно отказался от изображения традиционных фиговых листочков, тоже правильно. Тут, знаете ли, тогда уж пальмовый лист надо... – раздумчиво излагал я сидящему на столе Новичкову. Яркий художник настолько опередил своё время, что в настоящий момент возразить не мог по причине резкого изменения своего физического вида. Поэтому лишь раздувал горло и утвердительно квакал...

– Всё одно, Никитушка, пущай даже мужик и хорош, но... Хотя, поверь старухе, не всё размерами решается, – прихлёбывая чай, просветила спокойная, как мамонт, бабка. – Вот прародительница Ева куда как более удалась! Что с переду, что с заду – есть где чему порадоваться... Да вон, кстати, Матрёна-торговка по молодости точно такая была – её завсегда наперёд перевешивало!

– Так, значит, картину всё-таки оставляем? Без обсуждения эскизов...

– Ну а как же! Чай, старался человек, супротив себя шёл, ни те

кубиков, ни брызгов, ни ляпов, ни лишних ног. Тока не обессудь, а висеть она у меня в комнатке будет, – окончательно определилась Яга и, подумав, добавила: – Изображением к стенке!

– Тогда, может быть... – Я указал пальцем на большущую жабу, скромненько таращащуюся за сахарницей.

– Тока со стола его сними. И это... извинись уж потом за меня, сгоряча я...

Извиниться я не успел – расколдованный Новичков удрал от нас с непостижимой скоростью, взяв ворота с разбегу, даже не коснувшись лаптями. Любой олимпийский чемпион удавился бы от зависти! По крайней мере, наши стрельцы пробовали потом повторить – ни у кого не получилось.

Моя домохозяйка после двух стрессов и гремучей разрядки чувствовала себя помолодевшей и свежей. Мои предложения о поимке преступников на крыше восприняла с энтузиазмом, а вот действия с использованием смальца не одобрила. Вроде бы нет нужды зря доски портить, проще заклятие наложить. Правда, под это дело могут попасться и безвинные кошки, и глупые воробьи, а при особо ярком результате даже терем спалить можно запросто. Охранное колдовство – штука весьма деликатная, будь всё проще – бабка гребла бы деньги лопатой, «заколдовывая» купцам склады да лабазы. В общем, на сегодня договорились поэкспериментировать с моим «скользким» планом, но если злодеи не попадутся, то завтра отмывать крышу буду сам.

Под вечер припёрся какой-то невзрачный чин из приказных, доложил, что государю поступила жалоба от купца Обмылкина на «нерадение служебное и голоса искажение постыдное, хоть на двор не выходи!». Горох требует завтра быть с отчётом, значит, опять решил поизображать суровое начальство. Зайду, зайду, мне, может быть, и самому помощь понадобится, надо всерьёз определиться с этим «выпуском до суда». Если так пойдёт, в Лукошкино начнут съезжаться преступные элементы со всего мира, как в «зону наибольшего благоприствования».

После чая Баба Яга наконец поделилась своими соображениями:

– Мыслишка тут одна мне покою не даёт, почему девицы-то пропали? А потому как шлялись невесть где, воли родительской супротив! Ну, положим, Дунька ткацкая от тумачков отеческих на улицу слиняла. Дочь купеческая, Глафирушка, видать, в тепле да вседозволенности капризность собственную проявить соизволила. Вот вам и результат – остались от дур косы одне!

– Хм, поучительно... И к чему вы клоните?

– Да к тому, что свидетелей-то нет. А ить ежели вдуматься, так всенепременно должны были быть! Ну, сам посуди, хоть город у нас и столичный, а всё ж таки не столь большой, чтоб двух девиц великовозрастных ровно бык на ходу занюхал. В одну ноздрю вошли, в другое место облачком вылетели... Нет, сокол участковый, вот хошь что со мной делай, а видели люди, как девки пропали! Видели, да тока внимания энтому факту придать не призадумались...

– Так не бывает, – не согласился я. – За всё время моей службы рядовые лукошкинцы показали себя народом понимающим, а в профилактике правонарушений – гражданами крайне сознательными. Уж кто-нибудь непременно бы сообщил!

– Ежели на улице лихие люди будут красавиц безвинных руками лапать да в мешок совать, народ сего злодейства никак не потерпит. Сами разберутся, милиции не дожидаячись. Тут я с тобой и спорить не стану... А вот коли не всё так откровенно было?

– Намекаете на то, что они «исчезли» по собственной воле?

– Всяко бывает, – развела руками Яга. – Бредни романтические могли в башку вдарить, книжек вредных могли начитаться (вона какие вещи Кнут Гамсунович переводит – один мат на языке!) али и вовсе тайком обвенчаться да сбежать! Чай, священники-то не выдадут...

– Так, – пометил я в блокнотике, – значит, завтра с утра поговорить на эту тему с отцом Кондратом. Он у нас человек обстоятельный, знать должен, а помочь – обязан. Какие ещё будут предложения?

– Ты у нас всему отделению голова, сам думай давай!

– Не знаю, у меня особенных версий нет. Разве что... – договорить не удалось, наш содержательный диалог был бесцеремонно прерван диким кошачьим воплем! Кто выше подпрыгнул, я или Яга, наверняка сказать не берусь, хотя готов уступить пальму первенства даме. Из-за печки, пошатываясь португальским боцманом, вышел опупевший кот Василий. Иного прилагательного я не нахожу! Глаза бабкиного любимчика пульсировали зелёным с красными искорками, язык свешивался набок, как у призового сенбернара, а хвост стоял колом.

– Батюшки светы, это что ж такое деется?! – сипло выдавила наша незаменимая эксперт-домохозяйка.

Василий сконцентрировал на ней взгляд, глупо хихикнул и пошёл по кругу в ритме ирландского степа. На мой, непрофессиональный, взгляд – явное помешательство налицо!

– Васенька, кровиночка моя, ягодка пушистая, да ты трезв ли? Никита?! Ох, Никитка-а...

– Бабушка, я ему не наливал!

Котик ещё раз взвыл столь гнусаво и противно, что у меня волосы дыбом встали. А чёрный псих, косо семеня, бросился мне на грудь, пытаюсь сладострастно лизнуть в шею. Блин, мало Митьки, так теперь ещё и кот целоваться лезет! Может, от меня пахнет как-то не так...

– Вы что ж это тут удумали, охальники?! – Баба Яга, категорически не желавшая разуть глаза, схватилась за веник. – Вот я вас уже обоих! И ты, участковый, мне Васеньку не подставляй, у меня рука тяжёлая...

Чтобы хоть как-то прекратить массовый психоз, я, ничуть не стыдясь, позвал на помощь. Подоспевший Еремеев с двумя стрельцами включились в общее безобразие и кое-как навели порядок, запаковав кота в смирительную рубашку. Бабка поскандалила для вида, но успокоилась быстро, сама понимая, что переборщила.

Ну и вечерок выдался... Динамика событий прогрессирует безоглядно, шагу ступить не даёт – везде в приключения вляпываемся, по самую щиколотку. А тут ещё со двора раздались крики, грохнули выстрелы стрелецких пищалей – и я рванул из горницы на третьей скорости.

– Какого чёрта пальба, идиоты?!

– Дак по шпиону же, что с крыши свалился!

– Представлю к награде, молодцы! – дежурно похвалил я, хотя на деле, как оказалось, преступнику удалось бежать.

Каким образом злоумышленник оказался на крыше, караульные стрельцы объяснить не могли, но смалец сделал своё дело. Здоровенный сквернословящий незнакомец (якобы практически голый!) рухнул вниз, лбом о крыльцо (треснувшую ступеньку мне показали!). Но, несмотря на явную серьёзность ушиба, человек лихо вскочил на ноги и шутя повторил рекорд Новичкова, перепрыгнув через ворота. Кое-кто из наших ребят успел пальнуть вслед, и по крайней мере одна пуля точно нашла цель...

– В колено я ему угодил, батюшка сыскной воевода! На том и крест целовать готов, да тока он, антихрист, на руки стал и ногами кверху побёг! Да резво так, мы и пищали перезарядить не успели...

На всякий случай я отрядил шестерых стрельцов в погоню: если рана свежая, можно попытаться проследить капли крови. Хотя в темноте и проблемно, но пусть хоть факелы возьмут. Сколько просил Ягу разрешить завести при отделении хорошую служебно-розыскную собаку, та упиралась руками и ногами. Дескать, пока её Васеньке драгоценному по двору гулять вольготно желается, никаких кобелей тут и близко не будет! А ведь можно было через того же Кнута Гамсуновича раздобыть в Немецкой слободе такую породистую овчарку. Эх, да что теперь...

Детально осмотрев место происшествия, мне удалось обнаружить ещё одну косу. Или преступники не знали, что Митяй покинул город, или эта «кровавая» улика предназначалась уже мне. На сей раз коса была рыженькая, тощая и невзрачная, с серо-голубой застиранной ленточкой. Опять двадцать пять, как неприятно-то...

Вернувшись в дом, я застал бабуку за откачиванием верного кота какими-то настойками. Толстомордый Василий валялся пузом кверху, как беременный тюлень, а Яга, неторопливо читая заклятия, вливала что-то из пузырька в воронку, вставленную ему меж зубов. Моей помощи вроде бы не требовалось, я молча положил новую косу на стол и отправился к себе наверх.

Если придут родственники пропавшей девушки, меня непременно разбудят. Если же нет, то... утро вечера мудренее, порассуждаем после завтрака. А пока спать, бай-бай, – добрые дяденьки милиционеры тоже нуждаются в отдыхе, и желательно полноценном. И вот на этот раз петух пусть только крикнет утром – убью...

* * *

Как и ожидалось, петух совершил непростительную глупость: ошалев от безнаказанности и оформив за меня акт моей же капитуляции, он взлетел аж на самый подоконник и наглейшим образом обеспечил полный подъём в четыре утра! Не говоря дурного слова, я встал, потянулся и совершенно безоружным шагнул к окну. Наверное, в последний момент по моей улыбке он почувствовал неладное и почти успел раскрыть клюв, но...

Одним молниеносным движением пальца я толкнул оконную раму, и петуха кубарем снесло за забор. Вверх взлетел пук перьев, а злобное кукареканье и птичий мат были слышны до самого обеда. Вот честно, положив руку на сердце, скажу – за участие в борьбе против Кощея я был готов простить ему всё. Но, согласитесь, этот камикадзе с гребешком набекрень ни в какую не хочет мира!

В горнице было непривычно пусто. Бабука исчезла неизвестно куда, кот Василий тоже где-то шляется, в сенях одиноко стоят старые Митькины лапти... На столе ни записки, ни пышущего самовара, ничего, кормить участкового завтраком – некому. На дворе застенчиво мялись караульные стрельцы, меня приветствовали чрезмерно радостно, что уже наводило на некоторое подозрение.

– А где наша домохозяйка?

– Это... бабушка Яга которая?

– Нет, другая, – чуточку удивился я. – Можно подумать, у нас их тут батальон, юбками свистя, с ухватами наперевес носятся... Естественно, Яга!

– Они уйти изволили, – опустив глазоньки, стыдливо признал один. – Вона у Брыкина пицаль стрелецкую забрали, да и пошли себе... неторопливо эдак, с осознанием.

– Как же вы ей табельное оружие дали?! – для профилактики повозмущался я. Попробовали бы они ей не дать!..

Парни это тоже понимали, но для порядка извинились:

– Она ж к нам вежливо, по-человечески, тихо эдак: «Дай-кось пицалью, внучок, мне по делу сходить надобно. Да не печалься, возверну в целости. А коли не дашь, родименький, то (далее ряд образных и ярко запоминающихся физиологических оборотов)... и ходить тебе в сём обличье до старости!» Брыкин у нас самый впечатлительный, он враз и отдал.

– Ладно, доложите обо всём Еремееву. А куда направилась бабка?

– Вроде как священную месть вершить, – неуверенно переглянулись стрельцы.

– Я спрашиваю «куда?», а не «зачем?!»! Что она пицаль не в качестве костыля использует – это и пеньку понятно. Яга когда в таком настроении, полгорода постреляет на фиг! Ну думать же надо хоть иногда!

– Дак мы... и это... тык... мык... – Из невнятного бормотания и малоэкспрессивной жестикуляции я должен был понять, что Яга – бабушка о-о-очень пожилая, а значит, технически необразованная и с таким сложным агрегатом, как фитильная пицаль, нипочём не управится! Ну а уж на самый край, так в стволе всего один заряд, так что много народу не побьёт, как ни верти... Утешили! Значит, один труп – это в порядке вещей? И на том спасибо, да?! Учинить полагающийся разнос я не успел – кто-то вовремя доложил, что-де «вона она шествует!».

Действительно, из-за поворота показалась прихрамывающая эксперт-криминалистка, ведущая под ружьём бледного, как холодильник, Новичкова. Решительную бабку сопровождали счастливые ребятишки, а бедный художник нёс на вытянутых руках очередную авангардную картину. Три богатыря на пёстром фоне, один щит, два копыя и семь ног – в общем, увидев раз, уже не забудешь.

У самых ворот отделения бабка грозно цыкнула на детей и, убедившись, что все отбежали на приличное расстояние, твёрдо глянула мне в глаза:

– Сажай его в поруб, Никитушка, ибо злодей он и есть, а ещё

искусством иконописным срам прикрывал. Всю ноченьку я думала и, метод дедуктивный освоив, начисто применить его по уму-разуму сподобилась. Опять же и Васенька на рассвете показания внятные дал...

– П-пройдёмте в дом, – чуть закашлявшись, предложил я. – И это... оружие сдайте, пожалуйста.

– Вот, стрелец-молодец, пищаля твоя верная. – Яга одной рукой (!), без малейшего усилия вручила тяжеленную бандуру подоспевшему бородачу. – Как взяла, так и возвернула, стрелять не пришлось – преступник при одном виде дула ейного лапки вверх засучил!

На мгновение встретившись взглядом с Новичковым, я понял, какое страшное зрелище являла сухонькая бабка, целившая в вас из допотопного ружья работы неумолимых тульских мастеров...

– Сопроводите арестованного, – громко попросил я дежурных стрельцов и тихонечко добавил: – И без грубостей там, сделайте вид, а сами...

– Не без понятий, – сурово кивнули парни. Проследив, что обречённого художника повели к порубу, Баба Яга соизволила наконец войти в терем. Я двинулся следом, лихорадочно размышляя, могло ли сумасшествие кота за одну ночь перекинуться на нашу домохозяйку? Ведь вроде бы крыша так быстро не съезжает, но, с другой стороны, у бабули с Василием едва ли не родственные связи. Я бы сказал, на самом ментальном уровне...

А если нет, то что же она тогда нарыла? Повод, заставивший её взять художника и привести в отделение под ружьём, должен быть достаточно весомым. Это значит, что завтрак мне никак не светит...

– Садись, участковый, да слушай меня, старую. – Бабка усадила меня на скамью и, видя, как я потянулся за планшеткой, строго прикрикнула: – Э нет, друг сердечный, писать ничего не позволю! Не серчай, Никитушка, а только так дело разворачивается, что ни одной буковки письменной нам оставлять нельзя.

– Масонский заговор? – посерьёзnel я.

– А уж это ты сам решишь, да тока глянь покуда, что сие?

На стол осторожно легли две цветные горошины из набора детских сладостей. Никаких ужасных ассоциаций это у меня не всколыхнуло.

– Конфетки типа карамели. Самые обычные, дешёвые...

– Обычные, да не совсем... – Яга наклонилась к моему уху и заговорщицким шёпотом пояснила: – Одну такую мой Васенька вчера съел, не удержался. Что потом с ним было?

– Рехнулся... – неуверенно предположил я.

– Временно, – поправила бабка, походила по комнате и вновь встала напротив меня. – Тремя конфетками икономазец (прости господи!) Новичков кота моего ввечеру одарил. С барского плеча, широко, не побрезговал... Две я ещё до рассвета проверила – обычные, а вот в той, что Василий откушал, белый дурман был!

– Наркотик?! – не поверив собственным ушам, аж подскочил я.

Яга с драматической торжественностью медленно кивнула и приложила палец к губам.

– Потому и богомаза этого мне пришлось силком вести, ни на миг пищалью не опускаючи, а ить тя-жё-ла-я-а она, подлюка...

– Мм... Вы полагаете, что Новичков как-то причастен к распространению наркотических веществ?

– Ну нешто я так на дуру похожа?! – возмущённо фыркнула опытная специалистка. – Уж честного человека от злодея завсегда как-нибудь отличу. Художник твой душою чист, а ежели с головой не всё в порядке, дык творческие люди завсегда юродивым сродни будут. Они умных советов не слушают, к ним и на небесах расчёт особый...

– Точно, точно, – вспомнив ужасающего размера клоуна с колесом в руках на Москве-реке, поспешил согласиться я. – Выходит, вы специально повели Новичкова под ружьём, чтобы у любого прохожего этот арест ассоциировался с его авангардными атрибутами в живописи.

Яга, высунув кончик языка, что-то быстренько сложила в голове, засунула туда пару новых слов и уверенно подтвердила:

– Творчество, направленное на самовыражение индивидуума, как уголовное деяние не классифицируется, но!.. Пуцай уж все обратное думают, а мы тем временем порасспрашиваем, где он этого «добра» в карманы насобирает.

– А... я знаю. – Неожиданно в памяти всплыли похожие горошинки-конфетки в щедрых руках заезжих циркачей. Опять же если вспомнить, что «преступник», побывавший на нашей крыше, ушёл на руках... И мел на косе, а мелом мажут руки акробаты, чтобы...

Эхма! Да ещё ни одно дело не было раскрыто мною с такой лёгкостью! Ай да я! Ай да герой – сыскной воевода, участковый Никита Ивашов!

Захлёбываясь от упоения собственной логикой и дедукцией, я подробнейшим образом изложил все догадки Бабе Яге и с самодовольной улыбкой ждал её аплодисментов. Их почему-то не прозвучало... Наоборот, в похолодевших глазах моей домохозяйки мелькнуло явное разочарование и даже недоверие. Неужели я что-то упустил...

– Ты тока не забывай, касатик, ить мы теперича в правовом царстве-

государстве живём, нет?!

Лучше бы она мне об этом не напоминала...

* * *

– Инкриминирую распространение наркотиков!

– А они тебе руками разведут, дескать, знать не знаем, конфетки покупали на Кудыкиной горе Кидалкинского уезда, седьмое царство от угла Хрен-поймёшь-по-матери, туда все претензии за качество!

– Найду акробата с огнестрельной раной ноги и посажу по статье!

– А он тебе в отместку: мол, «ружьё чистил, да не усмотрел, сам виноват, обид ни на кого не держу, впредь умнее буду...». И весь ихний цирк в полноценных свидетелях!

– Да, но косу-то наверняка он подбросил?!

– Какую косу? Откуль? В первый раз вижу! Ишь какие подставы милиция чинит, где ж тут наш дьяк Филимоша Груздев – наипервейший защитник, да матушка государыня – поспешливого суда противница? На помощь, милиция забирает!

– Всё, сдаюсь... – окончательно прижатый к стенке, хрипло выдавил я. – Могу прицепиться к жестокому обращению с животными. Была там одна коза...

– Ну, это, может, и прокатит, коли козу заставишь жалобу написать, – поразмыслив, согласилась Яга. – Да тока дело выйдет неподсудное, а за штраф малый они тебе ещё и в ножки поклонятся, чтоб отвязался!

– Бабушка! – едва ли не взвыл я. – Но вы ведь сами видите, циркачи это! Кроме них – некому!

– Всё на свете бывает... – философски выгнув подщипанную бровь, кивнула моя домохозяйка. – А тока в теперешний день с такими уликами – в лесу белок смешить, но уж николи не преступников на скамью подсудимых за штаны усаживать. И то прибавь, они ж ещё и не наши, не местные. Один раз промашку дашь, дык скоморохи тебя на весь белый свет так ославят – папу, маму проклянёшь за то, что родили!

– Ладно, был неправ, погорячился...

– С кем не бывает...

– Действительно, – успокоился я. – Так что вы предлагаете?

– Ну, перво-наперво надоть мне самой в ихний цирк скомороший сходить, представлению посмотреть, выводов настроить, конфеток ихних на экспертизу поболее собирать. А ты, сокол, не ленись, доложи обо

всём государю. Да тока таинственность соблюди! Не ровён час, вспылит батюшка самодержец, а как в балагане улик не сыщется, так на отделении и отыграется...

– Бабушка, ну не надо из царя окончательного самодура делать! – не выдержав, заступился я. – Всё понятно, сегодня же отправлю стрельцов на розыск человека с огнестрельной раной в ноге. Устанавливаем за ним слежку, но под бездоказательный арест не берём. Еремеев пусть почаще прогуливается в районе циркового шатра, при первой же попытке бесплатных раздач карамельных шариков добудет горсть-другую для экспертизы. Да, по поводу последней отрезанной косы никто заявлений не подавал?

– Нет, касатик, и зело мне сие подозрительно!

– Вы выражаетесь, как дьяк Филимон.

– По-учёному, – важно поправила бабка. – А и насчёт третьей косы одна мыслишка есть: что, если девку пропащую никто и не спохватится? Может, она сирота какая?

– Какая ещё сирота...

– Бедная... – дрогнувшим голосом протянула Яга. – Родители померли небось... У злой тётки жила, куска сладкого не видела, ласки материнской не знала, горячими слезами умывалась, в холоде спала, горькой обидой давилась, тумакami обедала и... и... и пожалиться-то некому-у-у...

– Не надо плакать, бабушка, – посуровел я, хотя и у самого комок подкатил к горлу. – Давайте адрес. Что за тётка, где проживает, чем занимается? Живо разберёмся...

Какую-то долгую секунду мы вопросительно глядели друг другу в глаза, пока абсурдность ситуации не стала очевидной.

Откашлявшись и отбросив лишнюю сентиментальность, наша неполная опергруппа вновь вернулась к рабочему обсуждению, когда в горницу вошёл Фома Еремеев. Стрелецкий сотник поклонился хозяйке, кивнул мне и без предисловий начал:

– Мы тут покумекали с ребятами, ты уж как хочешь, участковый, а тока циркачи это!

– Продолжайте, – победно развернув плечи, попросил я.

– Ну а какой же ещё злодей на всё Лукошкино сыщется, чтоб, ловко на руках бегая, ушёл?! Опять же на крышу столь лихо лазил, что и заметить не успели. А ещё ворота наши с разбегу взял!

– Ну и?..

– Ну, парни говорят, дескать, менять их пора да повыше ставить – энти уже второй человек перепрыгивает, – неуверенно резюмировал Фома,

подумал и предложил: – А циркачей мы хоть сегодня повяжем. Ежели всей сотней разом пальнём, так и... Тока как-то противозаконно получается, государыня заругает.

– Хорошо хоть сам понимаешь, – сухо подтвердил я. – Садись, у меня тоже серьёзные подозрения относительно этих скоморохов. В общем, план действий следующий...

Минут десять мы втроем сидели, переговариваясь самым заговорщицким шёпотом, так что даже первые весенние мухи старались жужжать потише, безрезультатно пытаясь подслушать секретно-оперативную информацию...

К Гороху я пошёл один. Яга, подцепив под локоток Еремеева, разнаряженной павой направилась в цирк. Билеты стрельцы достанут, даже если в балагане полный аншлаг на неделю вперёд. Место для милиции всегда найдётся... само... как по волшебству!

По пути едва не нарвался на дьяка Филимона Груздева. Самодеятельный ставленник государыни спешно улепётывал от кого-то вдоль улицы. В другой раз непременно бы поучаствовал в задержании, но не сегодня. Если он навязчиво попроповедует ещё пару дней – сам прибежит искать защиты в неродном отделении, вот тогда-то... Нет, я не злопамятный, но долгопомнящий.

У царского терема был вынужденно задержан двумя толстыми боярами. Оскорблять меня прилюдно давно никто не рисковал, так эти бородатые «тормоза прогресса» просто мирно беседовали в калиточке, торжественно соприкасаясь пузьями. Просить пропустить бесполезно – «важность» боярской беседы не позволяла даже взглядом отвлечься на подпрыгивающего милиционера. Пришлось обойти терем и через забор кидать Гороху в окно камешки, чтобы сам вышел и отворил.

С третьей попытки получилось. В смысле, цветное стекло не разбил, но царь высунулся едва ли не по пояс, обругал меня для приличия и громогласно велел поставить пред очи грозные! Вылетевшие стрельцы исполнительно сшибли болтливых снобов в канаву и на руках занесли мою светлость в «овальный кабинет». Только там я понял, почему охранники так усердствовали, – Горох был пьян практически в никакую! Хотя, наверное, нет, говорил он более-менее, а вот координация движений хуже, чем у пропившегося Буратино.

– Ваше величество, я всё понимаю, ну до ТАКОЙ-то степени зачем?!

– Русс-сс-кий ч-ловек нн-пивается с горю глубоководно, – неторопливо пустился объяснять на пальцах царь, пока я кое-как усаживал его на

скамью. С которой он столь же упорно норовил сползти на пол! – Либо с радости великой... Себе нн-льёшь?

– Ну и какое у вас горе или радость?

– Нн-никакого... От с этого и пью... от оды-ны-образности бытия! Так ты нн-не будешь? А за мм-моё зд-ровье?!

– Вы из меня дежурного собутыльника не делайте, и так уже государыня косится. – Я плюнул на всё и сел рядом с царём, вытянув ноги. – Слушаю. Записываю. Кайтесь.

– Оххх-тно. – Он приобнял меня за плечи и, тоскливо отпихнув тапкой пустой штоф, просветил ситуацию: – В сей день алк-голем я усерден был по пр-чине ннн-в-стр-б-ванн-сти! Понял, нет? Я ж никому не нн-ужен... Эй! Кому тут нн-нужен царь?! Млчат... ннни-кому не нужен. Всё есть, всё х-рошо, всё мирно, всё благ-денствует-эт! Дума б-ярская – думает, царица м-мл...ладая – царицинствует, народ – трудится, враги, и те, заразы, не в-враждуют... Я туда-сюда, пробовал – не нужен я им! Вот сижу им на ттт-роне, и ладно. А у меня... может... з-дница болит уже просто так на ттт-рне сидеть! П-нимаешь?

– Понимаю.

– Тогда ск-жи, вот ты мне друг, да? Друг, в-верю... Я тебе нужен? В-зьми меня к себе...

– Да ради бога, – не подумав, ляпнул я, отвлекаясь на стук каблучков за дверями.

Государь упоённо приподнялся и, поймав меня за уши, трижды насильно облобызал в обе щеки:

– Я зз-нал! Ты вот не пр-дашь друга... Эх, Нн-кита, как ты там... по бат-юшке... Щас, сапог надену и к... ик!! И к тебе в от-дление, на оперативную долж-н-сть!

– О майн гот... – Лидия Адольфина решительно шагнула в комнату и встала над нами неумолимая, как европейская система правосудия. Горох тихо откатился в сторону, ещё раз икнул и, встретившись плавающим взглядом с любящей женой, молча указал на меня пальцем.

– Нам есть надо очень серьёзно погофорить, герр полицайн!

Я скорбно встал и, опустив голову, покорно последовал за развернувшейся царицей. Пьяный самодержец виновато улыбался мне вслед...

В реальность дела о преступных циркачах рассудительная государыня не поверила. С её точки зрения, отсутствовал элемент материальной заинтересованности. Раздавать наркотики ради продажи билетов на представление? Глупо... Выгода не столь существенна, а выступление своё балаганные артисты отрабатывают честно. На канате не схалтуришь, да и не весь зал пришёл под кайфом.

В чём же смысл? При чём тут отрезанные косы? Хотя сам факт отрезания бывшую австрийскую принцессу испугал искренне, но какова конкретная цель похищения девиц? Обыск в цирке она однозначно не одобрила, потому что маэстро Труссарди – иностранец, а значит, могут иметь место международные кривотолки, ну и так далее в том же роде. Люди приличные, трезвые, заметных шалостей себе не позволяют. Короче, улики не хватает, всё слишком недоказуемо...

Примерно те же сомнения были высказаны и Бабой Ягой, так что моё уважение к царице Лидии только выросло. Тем паче что всерьёз в спаивании мужа она меня не упрекала. Просто попросила, по-человечески, в гости захаживать пореже, а как появится возможность, взять государя на ближайшую облаву, пусть развеется. Да, Гороху молиться надо на такую жену, не понимает мужик собственного счастья...

– Я просить фас не наклоняться?.. не уклоняться?! а, не откланиваться надолго. Ми с мужем без фас весьма скучать... – Милостиво протянув мне ручку для поцелуя, государыня самолично проводила меня к выходу из своих палат.

А за дверями нас ждала... грозная боярская дума в полном составе. Сначала я даже не понял, с чего это они сюда припёрлись? Лица суровые, бороды вздыбленные, посохи дрожат от возбуждения, а на мясистых носах блестят капельки пота. Лидия Адольфина чуть удивлённо покосилась в мою сторону, я вскинул бровь, изображая полнейшее непонимание... Мы простояли так долгую минуту, а то и две. Все вопросы снял дьяк Филька, высунувшись из-под тяжёлого рукава боярина Бодрова:

– Что я вам говорил, а?! Вот он, подлец бесстыжий, срамотит матушку царицу в её же покоях! Обманом под крыло втёрся к лебёдушке белой, голубице сизокрылой, ласточке ясноглазой... И как теперича такой позор царю пережить?

– Гражданин Груздев, – постепенно дошло до меня, – у вас хоть капля мозгов ещё осталась? Думайте, что говорите!

– А ты меня не затыкай, аспид форменный! – под одобрительный гул боярских голосов взвился дьяк. – Вона, ныне на мне парик европейский, самой государыней дарованный, дабы я народу честь и заступничество нёс.

Раз она, невинная, не уразумела, какого змея милицейского на грудях своих белых пригрела – так мы всем миром подсказем! Не дадим сыскному воеводе грязными сапожищами простыни царские марать!

Двое стрельцов, что стояли у дверей, прикрыли уши. Я покраснел хуже Наташи Ростовой, и даже простодушная австриячка правильно уловила откровенную сальность намёка.

– Кто посметь допустить его пред мой взор? – медленно поднимая подбородок, спросила молодая царица.

Бояре чуточку стушевались, но не отступили. Суровый Бодров, сжав бороду в кулаке, неприязненно буркнул:

– Наше на то соизволение было, а милицию давно окоротить следует!

– Кто посметь допустить всех вас ходить в мой покой?

– Ну уж коли ты, матушка царица, простым участковым не брезгуешь, так боярству высокородному и подавно... – презрительно выпятив губу, заявил наглец и осёкся. В расширившихся очах Лидии плескалось холодное голубое пламя.

– Если би мой супруг не бил?.. бил не?.. не стал так занят, то не случалось би такой гнусный оскорблений! Но он говорить мне, как уметь вижить бедный, рюсский баба...

Государыня одной левой вырвала у ближайшего стрельца здоровенный бердыш, ткнула остриём в пол, нервно нажала каблучком и, отломав себе изрядный дырн, играючи покачала им из стороны в сторону. Кое-кто круто изменился в лице, от дьяка, например, не осталось даже запаха...

– А теперь ви будете убежать... быстро-быстро-быстро! Кто не есть успеть – того я обходить?.. находить?.. отходить!.. по два раза!

Бояре обомлели... Вместо тихой, традиционно скромной, застенчивой и никуда не лезущей царёвой жены перед ними с плеча помахивала колом рослая иноземная фройляйн, в чьих жилах текла густая кровь истинных арийцев. Я спокойно отступил в угол, искренне наслаждаясь происходящим и примериваясь, кого успею в первую очередь пнуть в зад, когда начнётся свалка. Второго такого удобного случая наверняка уже не будет...

Увы... громом среди ясного неба позади боярских спин раздались гулкие, торжественные аплодисменты. Взорам обернувшихся присутствующих предстал сам Горох в мятых штанах, рубаше навыпуск, в одной тапке и короне набекрень. Однако в его насмешливых глазах не было и тени присутствия алкоголя. Трезвый царь пугал вдвойне...

– Государь, – неуверенно начал пузатый Бодров, пятясь к стенке, – о твоей же чести печёмся. Негоже царице с участковым без твоей персоны

дружбу водить! Мало ли какие у наследника отклонения случиться могут...

Горох, не говоря дурного слова, шагнул к нему навстречу и буднично отвесил несильную пощёчину. Бояре ахнули... Самодержец нежно приобнял грозную супругу за талию и вместе с ней исчез в её покоях, аккуратно прикрыв дверь. Я, естественно, остался снаружи. Почему-то всем потребовалось очень немного времени, чтобы резко отыскать козла отпущения...

– Э-э... так, наверное, я пойду, да? В отделении дел не впрокорот, а вы уж тут сами между собой, как говорится... Рад был конструктивно побеседовать, мне пора, до скорой встречи!

Последние слова я буквально проорал, едва ли не кубарем слетая с лестницы на первый этаж. Вся боярская дума с матом и воплями метнулась следом, кидаясь посохами. Каких только слов, эпитетов, проклятий и угроз я не удостоился! Как вообще не убили, кто бы знал...

Лично мне самому до сих пор плохо верится, что удрал без единой царапинки. С одной стороны, я, конечно, и зарядку по утрам делаю, и пешком много хожу, и спортивную форму поддерживаю. А с другой, догони меня эти бородатые бегемотики, так затоптали бы невзирая на погоны! Спасло то, что один запнулся в воротах, образовав пробку, и я ушёл гоголем, незаметно оглядываясь через плечо, но демонстративно не прибавляя шагу. Вот и ходи к царю в гости после этого...

В районе Базарной площади я приостановился у калашных рядов, купил себе бублик с маком и приблизительно проанализировал дальнейшие планы. Пропорционально, наверное, и хорошего и плохого поровну. Ордер на арест или хотя бы на обыск цирка Труссарди мне не дали, однако и запрета «копать в данном направлении» тоже не было.

Особо напряжённых дел у нас сейчас нет, следовательно, можно бросить все силы именно на это расследование. К сожалению, в моей прошлой, долукошкинской, практике не было ничего, что могло бы хоть как-то помочь в борьбе с наркомафией. А это точно наркомафия, больше некому! Раздавать первые партии «конфеток» бесплатно, подсадить народ, а потом резко оборвать халяву, заявив поднебесные цены – всё равно ведь будут покупать. Дальше – больше, никакие репрессии и наказания не помогут, в моём времени ни одного государства, сбросившего щупальца наркодельцов, я не припомню. Может, ещё раз попробовать объяснить всё царю, а он самолично весь цирк в ответственную позу поставит? Самое обидное, что по спокойном размышлении моя версия выходила настолько притянутой за уши, хоть лопайся со стыда...

Почему подброшены косы? Кто и зачем похитил уже трёх девушек? Будут ли продолжаться похищения? Можно ли на основе показаний кота Василия (которого в суд не представишь) выставить обвинения заезжим скоморохам в нелегальном ввозе одной (!) горошинки (предположительно с наркотическим веществом...) и попытке устроительства разветвлённой торговой сети?!

Как только тщательно проговорил про себя последнее предложение, то понял, какой я дурак... Ну согласитесь, ведь чушь полнейшая! Мало того что недоказуемо, так ещё и непонятно, кому и зачем это надо?! Шамаханьки хотели захватить и разграбить город; пастор Швабс – уничтожить пережитки язычества и насадить католицизм, Кощей Бессмертный – получить высшую власть и подчинить Лукошкино; Алекс Борр – переспать с австрийской принцессой... По большому счёту всё предсказуемо и понятно. А что мы имеем сейчас? Интуиция подсказывала, что очень серьёзную проблему, подстроенную холодным и трезвым разумом. Кульбиты и скоморошья пляски – лишь отвлекающая мишура, так, может, и наркотическая горошинка тоже?..

– Дяденька милиционер...

– А? – не сразу отреагировал я, оглядываясь по сторонам.

– Дяденька милиционер? – Оказывается, меня тормозила за рукав маленькая девочка лет семи-восьми.

– Привет, малышка. – Я опустил на корточки и сдвинул фуражку на затылок. – Что, потерялась на базаре?

– Не-а, вон тятенька мой стоит. – Она ткнула пальцем в сторону плечистого мастерового. – А вы и вправду сыскной воевода будете? Взаправдашний?

– Самый что ни на есть.

– Значит, всякую пропажу отыскать можете?

– Практически, – важно подтвердил я, готовясь в очередной раз услышать горькую детскую повесть о пропавшем котёнке или старой кукле. Но девочка очень серьёзно посмотрела мне в глаза, потрогала пальчиком звёздочку на погоне и, тяжело вздохнув, сообщила:

– Нюша с Лялиной улицы пропала, подружка моя. И в доме её нет, и на улице...

– А ты у её родителей спрашивала?

– Сирота она.

На секунду в памяти всплыли жалостливые причитания Яги.

– Ну-ка, ну-ка, докладывай дяде милиционеру всё, как положено, и поподробнее. Я обязательно постараюсь отыскать твою подружку.

Девочка счастливо улыбнулась и вздохнула пустилась рассказывать всё-всё!.. Появилась первая ниточка...

* * *

В родное отделение я уже прямо-таки летел, окрылённый маленьким безусым ангелом, всегда спасающим честных милиционеров. Итак, действительно есть такая сирота, Аня Бурдина, шестилетняя девочка (вот почему третья коса была маленькой и тонкой!), живущая у дальней родственницы в Весёлом доме на Лялиной улице. Время её исчезновения совпадает с попыткой подброса «улики» на территорию терема Яги. Заявление никто не подавал и не подаст, вряд ли чужой ребёнок кому-то очень уж нужен. Если бы не преданная подружка по детским играм, так про неё бы вообще не вспомнили...

Я проталкивался сквозь шумливую толпу, спеша побыстрее поделиться полученной информацией и отдать должное бабкиной интуиции. На переходе с Базарной площади к Колокольной людские ряды стали плотнеть, пару раз я просто застревал, не имея возможности двинуться ни вперёд, ни назад. Прямо перед носом упорно маячили две знакомые фигуры, по-моему, это уже несколько навязчиво. Хотя самим приказчикам наверняка кажется, что это я их преследую...

– А чёй-то там случилось, а?

– Всё те скажи... Уж случилось так случилось!

– Ой, да я так, для разговору спросил... И без того всем известно, что Яга милицейская, бабка экспертная, весь цирк заезжий на корню спалила! Медведи налысо обгорели, у акробатов канат сожгло (куска хлеба людёв лишили!), один тока фокусник и спасся – на козе ускакал!

Чего, чего, чего?! Я протянул руку для задержания и выяснения, но парней оттёрло вперёд. Откуда-то издалека действительно доносился лёгкий запах гари. Поверить не могу, неужели она и вправду это сделала?! При всех бедах нам только принародно освидетельствованных разрушений на голову не хватало. Вежливо проталкиваясь между двух невежливых тёток, я изо всех сил старался не упустить нить разговора...

– Слышь, а вот участковый-то где? Почему не потушил вовремя?

– В кабаке небось празднует! У них ведь Митьку беспутного вроде из отделения турнули. Рады, поди, что господь избавил...

– А то! Теперича ещё бабку свою заарестует, да и сядет в её тереме единоличным барином!

– Ох, недаром коза из города удрала! А фокусник этот так к хвосту репьем и прицепился...

– Граждане, а ну-ка... Эй, я к вам обращаюсь! – сорвался я, но бесполезно, эта парочка была слишком увлечена своими разговорами, чтобы хоть кого-нибудь услышать со стороны. Людской поток потащил меня совсем в другую сторону, и призвать нахалов к административной ответственности уже не удалось. Но если встречу ещё раз... я им покажу такую козу цирковую с прибабасами, на все пятнадцать суток! Как понимаете, со всей толчеей и суматохой к скоморошьему шатру я вышел только спустя полчаса.

Ну и ничего такого уж непоправимого там не сгорело. Как оказалось, огонь спалил всего лишь пару занавесок, а ящик фокусника начал, но не успел... Мелочи, стоило шум поднимать?! Примерно так или почти так доложили ситуацию наши стрельцы из еремеевской сотни. По приказу командира они ненавязчиво патрулировали входы и выходы из цирка, а потому первыми попали на место происшествия.

Бабка, как я понял, ушла вместе с Фомой; народ эмоционально обсуждал пожар во время представления, а объясняться с господином директором, видимо, придётся мне. Хотя он почему-то не был к этому расположен. Я демонстративно стоял, выпятив грудь, перед степенными стрельцами и ждал, пока от первого лица отделения будут требовать компенсации. Надеюсь, всё будет происходить с истерическими криками, скандальным поведением и привлечет как можно больше внимания – это даст нам повод...

Из цирка никто не вышел. Я торчал уже минут двадцать, заметный, как Родина-мать, а никто и не собирался предъявлять какие-либо претензии... Это неприятно, подозрительно и даже как-то неэтично... Не жалуются – значит, им есть что скрывать! Я поправил фуражку, чуть подтянул галстук и решительно направился к входу во чрево циркового монстра.

– Сюда нельзя. – В проёме мгновенно возникла широкоплечая фигура негостеприимного атлета-силача с каменной ухмылкой в пол-лица.

Я тоже от всей души улыбнулся и козырнул:

– Лейтенант Ивашов, начальник Лукошкинского отделения милиции. У вас тут произошли некоторые неприятности, так вот...

– Ничего не знаем, а пускать не велено!

– Тогда доложите обо мне своему начальству.

– Сказано – не велено! – набычился он, и стрельцы возникли за моей спиной без всякого приказа. При виде шести решительных пицалей с крайне неулыбчивыми дулами, всплывших над моим плечом, атлет резко

сменил тон:

– Проходите, проходите... чего ж гневаться-то сразу? Мы люди подневольные, нам сказали, мы и...

– Разрешите? – Я спокойно обогнул этого типа и нырнул во чрево циркового шатра.

Вынужден признать, внутри ничего особенно интересного не оказалось. На арене, в луже воды, валялись обгорелые тряпки, а в углу стоял высокий магический ящик, обклеенный звёздами, со здоровенной обуглившейся дырой в дверце. Хм... действительно, очень похоже на работу Яги, но совершенно непонятно, что же её до такого довело?! Впрочем, бабушка у нас рассусоливанием не отличается и в особо серьёзной причине не нуждается соответственно...

– Э-э... господин участковый?!

...Опаньки, откуда ни возьмись выкатился директор труппы, отвешивая мне полный достоинства поклон.

– Чем обязан... э-э... счастьё лицедреть?

– А вот это вы мне расскажете. – Я выразительно показал взглядом на всё ещё дымящиеся следы разрушений. Иногда нападение куда эффективнее защиты.

Чёрные глаза хозяина цирка забегали по сторонам...

– Я думаю, если... э-э... господин участковый позволит, мы могли бы продолжить нашу беседу в другом... э-э... месте.

– Отчего же, все улики здесь и налицо.

Труссарди явственно вздрогнул, но тем не менее вежливым жестом попросил следовать за собой. Бояться было нечего, я знал, что он в курсе наличия шестерых стрелцов, ожидающих меня на улице. Ну а вдруг гражданин просто решил сделать чистосердечное признание? Мало ли что взбредёт в голову преступнику, не все они законченные злодеи... Почему же в таком случае я заходя назвал этого типа преступником, было неясно даже мне самому. Но вы бы видели его лицо, прямо-таки лоснящееся от всех пороков и страстей, – такой точно хоть в чём-нибудь да виноват! Мы прошли мимо ящиков с реквизитом, пыльных занавесей, клетки с медведем, флегматичной козы куда-то дальше, в отгороженный досками закуток.

– У вас довольно скромный кабинет.

– Цирк никогда не приносит... э-э... слишком больших денег. Даже соревнования по борьбе не собирают прежних аншлагов, а в вашей стране...

– Слишком много своих силачей? – угадал я.

– Увы, – грустно улыбнулся господин Труссарди. – Но все же мы прекрасно понимаем необходимость... э-э... поддержки городских стражей порядка. Вы не откажете... вот... не сочтите взяткой... От всей души на... э-э... развитие русской милиции!

– Сожалею, но ничем, кроме взятки, счесть не могу. Мы находимся на полном довольствии у государя. К тому же наша сотрудница, как мне кажется, причинила вам некоторые неудобства?

В ответ директор изобразил столь явное недоумение, что я ему едва не поверил. Короче, не то чтобы какие-то претензии – наоборот, они тут готовы приплатить, лишь бы наша бабушка ходила на все представления! Такого успеха, как сегодня, цирк не знал со дня торжественного открытия в пригороде Мюнхена...

Поначалу всё было тихо и пристойно, до той роковой поры, пока на арену не вышел фокусник. До него Яга вела себя крайне доброжелательно, ни во что не вмешивалась, никуда не высывалась, а клоунам даже сострадательно всхлипнула. Ну, тут я её понимаю, если кто с Митькой в одной команде работал, тому клоунские репризы смешными уже не кажутся. Неужели я начинаю скучать по этому разгильдяю? Прошу прощения, отвлѣкся...

Итак, проблемы начались, когда появившийся иллюзионист торжественно объявил почтеннейшей публике, что сейчас будут показаны «настоящие чудеса»! Бабка заинтересованно сощурилась и подалась вперѐд. Еремеев первым почуял признаки надвигающейся бури, но увести Ягу не сумел, хотя пытался рискованно. На третьем фокусе нашу специалистку прорвало, – видимо, решающую роль сыграли бурные аплодисменты лукошкинцев, чего бабуля при своём гипертрофированном старческом тщеславии перенести никак не могла! Она встала и прилюдно, на весь зал громогласно обвинила мужика в жульничестве и очковтирательстве, а «девка цирковая из ящика небось в дырку полезла, и неча тут!». Дальше, как догадываетесь, мат-перемат, девушка-акробатка выпала из бокового люка, красная как мухомор, вследствие чего и возник маленький целенаправленный пожар. Произошедший, по словам господина Труссарди, исключительно по вине самих работников цирка.

В том смысле, что дурак фокусник ради поддержания дырявого авторитета шуточно погрозил Яге превратить её во что-то там... Бабка шуток не воспринимает и на любую угрозу в свой адрес реагирует с похвальной милицейской оперативностью. Цирковой маг, по счастью, увернулся, но огненный шар подпалил две занавески и оставил памятную дыру в реквизите. Публика визжала и хрюкала от восторга, такого они ещё

никогда не видели! Охотно верю, уж я-то насмотрелся...

– Я был готов подписать с ней контракт... э-э... на любых условиях, но она почему-то сбежала...

– Просто в отделении дел полно, и на ужин щи разогревать надо было, – невнятно предположил я. – Так, значит, не будете никаких обвинений выдвигать?

– Упаси бог! Пусть ваша славная старушка ходит сюда хоть каждый день... э-э... совершенно бесплатно, – уверил меня красноречивый директор.

Лучшие версии лопаются прямо на глазах, я сам уже не знаю, чему верить...

– Ну что ж... Цирк у вас хороший, на профессиональном уровне, артисты непьющие, где набирали? Наши скоморохи после каждого выступления пьяные в дугу...

– Э-э... просто мы иначе относимся к своему делу. Всяческое употребление алкоголя строжайше запрещено! Мои артисты обязаны понимать воспитательное значение своего ремесла и... э-э... не давать никому ни малейшего повода для упрёка... Особенно властям!

– Ладно, тогда последний вопрос: а вот эта рекламная акция, раздача карамельных горошинок, вам не очень дорого обходится?

– Э-э... нет, сущие гроши, – доверительно улыбнулся Труссарди. – Дети всех стран любят сладости и непременно... э-э... уговорят родителей привести их вновь. Одна конфетка – один билет, мы берём их оптом, и всё... э-э... окупается!

Больше ловить нечего. Пришлось на всякий случай принести традиционные извинения, пожелать творческих успехов и ненавязчиво откланяться. Две предложенные на прощание бесплатные контрамарки я, разумеется, взял. Плюс приглашение заходить в любой день и час, как к старому другу, без докладов и церемоний. Я поблагодарил, ещё раз предложенные деньги отверг, припугнул, не поверили, попрощался и двинулся восвояси. Пришить им «жестокое обращение с животными» тоже не удалось: улыбочивые коза и медведь выглядели до неприличия довольными жизнью.

* * *

Вечерело... Стрельцы, провожавшие меня до отделения, всю дорогу шли молча. Наверняка парням тоже очень хотелось хоть кого-нибудь

«заарестовать», но однообразной рутины в нашей службе куда больше, чем благородных подвигов во имя спасения человечества. Даже этого хамоватого бугая, что прикрывал мне вход в шатёр, задерживать не позволяла совесть – мужик же извинился...

Уже у самых ворот отделения я приказал парням возвращаться и продолжать наблюдение, а сам почему-то задержался у забора. То ли тень там была какая-то подозрительная, то ли силуэт девичий знакомый, то ли ещё что, не помню... Последнее, что услышал, был глухой свист летящего предмета, а потом холодная верёвка намертво захлестнула мне горло, и две чёрные фигуры возникли словно из-под земли. Матово блеснули ножи... В тот момент, когда злодеев накрыла огромная тень, я потерял сознание. Всё, абзац, приехали...

– Никитушка, сокол ясный, ну будет тебе пугать меня, старую, – откуда-то издалека донёсся встревоженный голос Бабы Яги. Один глаз я с трудом разлепил сам, с другим мне помогли заботливые бабкины пальцы.

Судя по всему, лежу в своей комнатке, на кровати под одеялом, а чёрный кот Василий меняет у меня на лбу холодный компресс. Причём делает это крайне беспардонно, сдёрнув одно мокрое полотенце и пришлёпнув лапой другое.

– На меня... напали... да?

– А уж это тебе видней, Аника-воин, – с лёгким укором ответствовала бабка. – Стрельцы на воротах обернулись – тебя нет! Туда-сюда глядь, а вдоль забору нашего драка идёт! Вроде в сумерках уж и не видно, кто кого, а тока трое их было. Один синий, аки море, велик объёмами, поверх штанишки малые, заграничные, а плащ на нём красный, с сапогами такими же. Двое других помельче и одеты в чёрное, их и задержали молодцы еремеевские. Благо преступники уж и носом пошевелить не могли...

– Значит, на меня... напали? – Немного саднило виски, но в целом голова не разваливалась. Разве что горло побаливало, словно меня неудачно повесили...

Яга сунула мне деревянную ложку с чем-то пахучим и, убедившись, что я покорно проглотил лекарство, продолжила:

– Видать, тот молодец в исподнем красном ноне ночью тебе жизнь спас. Вот глянь-кось, что за штука такая?

– Боло, – уверенно опознал я, – верёвка... с двумя камнями или... деревянными шариками. С такими в Мексике охотятся, я в кино видел...

– Знать, и на тебя, сердешного, охота злая пошла. Ну да преступные силы у нас в порубе лежат, в себя приходят. А тому молодцу, что их одолел, свечку завтра поставлю, пуцай ему на небесах радостно икнётся...

– Но... простите, не понял... он что, умер уже?!

– Стрельцы бают, что-де то дух полночный был, – протягивая мне вторую ложку, поморщилась бабка. – Ты спи, Никитушка, утро вечера мудренее. Да тока у нас в Лукошкине в красном исподнем богатыри не ходют, стыдятся. Значит, либо призрак, либо... псих какой...

Во второй ложке наверняка оказалось снотворное, потому что на меня резко снизошло томное успокоение и в груди мягко потеплело. Я словно провалился в необъятное ватное одеяло, рухнув сквозь кровать, пол, подвал, землю в неведомый потусторонний мир, полный пушистых зайчиков и добрых белочек. Все они очень хорошо ко мне относились, искренне пытаюсь развеселить усталого милиционера хороводами и плясками вприсядку. Я наслаждался их обществом всю ночь, и даже петух наутро разбудил меня не сумасшедшим криком, а деликатным постукиванием клювом в окошко.

Сквозь неплотно смеженные веки я видел, как подскочивший Василий молча погрозил петуху пушистым кулаком. А надо сказать, лапка у нашего котика не уже, чем у хорошей бернской овчарки. Настырной «будильник» окончательно сделал квадратные глаза и сам бросился головой вниз в лопухи. Вверх взлетели пыль и перья! Довольный кот, видимо дежуривший около меня всю ночь, расправил усы и заговорщически подмигнул.

Притворяться дальше не имело смысла, я встал и потянулся за рубашкой. Хитрый Васька тут же занял нагретое место под одеялом, завернувшись так, что наружу торчало только одно чёрное ухо...

– Доброе утро! Лейтенант Никита Ивашов абсолютно здоров и готов к несению службы, – громко отрапортовал я, садясь за стол.

Яга всю ночь накрывала завтрак, о вчерашнем погроме в цирке она не обмолвилась ни словом, поэтому начинать пришлось мне:

– Бабушка, кажется, я нашёл бывшую обладательницу третьей косы!

– Ты кушай, милок, кушай, – одобительно кивнула наша домохозяйка. – Ужо оладушков горячих поешь, так и расскажешь.

– Набитое пузо – лишняя обуза! – подковырнул я.

– Опер на диете, что редька в конфете!

– А-а-пс... – едва не подавился я. – Так нечестно, такой поговорки нет, это вы сами только что придумали!

– Ешь давай! – весело прикрикнула бабка. – Да помни: мужчина в теле – хорош в любом деле, и в поле и в постели! Стрельцы всю ноченьку спасителя твоего разыскивали, чтоб спасибо передать, да не обнаружился герой. Злодеев-обидчиков я самолично допросила, как в чувства пришли, с час назад ещё... Дурни заезжие, из-под села Семенякина, дескать,

заплатили им, чтоб они участковому рёбра сосчитали – нет ли лишнего. А кто заплатил, не ведают... Вроде купец дородный, а голосом – чистая девка!

– Ммн, понятненько, – прожевав, призадумался я, – кажется, таких у нас не очень много. А если вдуматься хорошенько, то и вообще один. Бабуля, вот ведь говорили вам: не чародействуйте на работе! Гражданина Обмылкина по-человечески можно понять: что ж ему теперь, до старости писклявым ходить?!

– Расколдовать – расколдую, – сурово насупилась Яга, – а нападения на главу отделения всё одно не прощу! Еремеев обоих в тюрьму царскую сопровождал, а на обратном пути обещался самого заказчика привести, я тут с ним по-свойски побеседую. Задушевно-о... но без увечий. Тем паче что вещица одна мне покою не даёт.

– Коса? Но, как я уже говорил, мне удалось выяснить, что она была...

– Да тьфу на неё! Ну узнал, какая девка пропала, дальше-то что?! Может, нынешней ночью аж две косы к нам на забор подвешат, ничего, справимся... А вот ежели ещё раз на сыскного воеводу удавку такую чудную забросят, что делать будем?

Хм... Я отодвинул блюдо с золотистыми оладьями и вынужденно согласился. Боло – слишком редкое и экзотическое орудие для спонтанного бандитского нападения двух сельских парней. Чёрт, да если разобраться, это вообще не русская вещь! Откуда оно взялось?

– Вот и я о том же, – в тон моим мыслям продолжила Баба Яга. – Лиходеи говорят, будто бы кто им подсобил в нужный момент. Ты ить, почитай, совсем задушенный к ним под ноги свалился – знай пинай, коли лаптей не жалко! Ежели б не спаситель энтот, со странностями... Ты, кстати, никого на ту роль не угадываешь?

– Судя по описанию костюма... – задумчиво протянул я, ощущая, как страшная догадка ковыряется в сердце. – Вы говорите, высокий, сильный, весь в синем, плащ и сапоги красные...

– Исподнее тоже! – напомнила бабка.

– ...исподнее тоже красное, и исчез так быстро, словно улетел, то... это Супермен!

– Кто, кто, кто, прости господи?!

– А мог бы быть и Бэтмен, – хватаясь руками за голову, признал я. – Это моя вина... Он же всё расспрашивал, книги, комиксы, кино, истории разные из моего времени... Вроде как-то мы этой темы касались, в рамках участия частных лиц в борьбе с преступностью. Ему ещё про Тарзана понравилось... Разве я мог предположить, что вот так всё обернётся?

– Ой, горюшко ты наше луковое! – Яга тихонько приобняла меня, чмокнув в лоб. – Ну думать же надо, какие сказки мальчонке на ночь рассказывать?! У него ить натура творческая. Вот те и отправили на заслуженный отпуск...

– Надо спасать город!

– А может, пущай наиграется? Шучу, шучу, не бледней...

* * *

После завтрака наша эксперт-криминалистка наконец-то раскрыла мне свои тайные и далеко идущие планы. Оказывается, в ту ночь, когда траванулся её любимый котик, на Ягу снизошло божественное озарение. Хотя, на мой, нерелигиозный, взгляд, подсуропить интригу такого уровня мог только дьявол...

Выражаясь языком пошаговой стратегии, бабка прилюдно произвела демонстративный арест Новичкова, а посадив его под замок, направилась в цирк с конкретной целью – учинить там яркие, но в меру исправимые разрушения. Что ж она, в жизни своей фокусников да шарлатанов не навиделась? Ну вроде вспылила, погорячилась, всё такое, а теперь остыла, полна раскаяния и в качестве «политики примирения» отправляет к заезжим скоморохам «на общественно полезный труд» опального художника.

То есть Новичкову всё равно надо своё антисоциальное творчество где-то отрабатывать, вот пусть в балагане ящик со звёздами раскрасит да новых тряпок на занавес поярче намалюет. На самом деле речь шла о том, чтобы тайно запустить нашего человека в их закулисную жизнь. Определённый риск в таком подходе, конечно, был, но...

– Главное, ты уж Савву-то ни во что не посвящай. Слишком он человек доверчивый, к шпионству никаким боком не пригодный. Начнёт сдуру стараться, везде свой нос совать, так и заметут сердешного. Не вправе мы мировое искусство эдак обеднять! Я ему тихохонько иголочку заговорённую в воротник запихну: что игла услышит, про то и нам ведомо будет. Авось счастье хоть на сей раз к нам передом развернётся...

С бабкиной образностью у меня всегда щёки в красном, порой такое завернёт – уши горят, как переходящее знамя. Я, помнится, даже как-то записывать пытался, потом бросил это гиблое дело, всё равно за ней не успеть...

План выдвижения Новичкова в «рыцари плаща и кинжала» мне в

целом понравился. Разумеется, посвящать его ни во что нельзя, а так Яга получила полный карт-бланш. Меня вновь отправили наверх в комнату, а ухмыляющиеся в усы еремеевцы привели отоспавшегося в порубе художника. Предупреждённые стрельцы сразу дали ему туда два тулупа и полштофа самогону с луковкой, так что замёрзнуть парню не пришлось.

Актёрские данные Яги, как всегда, оказались на высоте. По крайней мере, на колени она брякнулась так, что сам Митька волосы бы рвал от зависти на всех местах... Я, замерев у распахнутой двери, искренне наслаждался аудиоспектаклем, кусая губы, чтобы не хихикнуть в неподходящий момент...

– Уж ты прости меня, дуру старую, грешную, неразумную! Засадил я тебя, голубка безвинного, беспричинно, бессовестно! И нет мне за то ни прощения, ни искупления, ни земли пухом, ни царствия небесного!

Ну, Новичков, естественно, бросился поднимать лицедействующую бабу, успокаивать, уговаривать, извиняться, брать всю вину на себя – короче, вполне предсказуемая реакция всякого интеллигентного человека. Балаган пошёл по второму кругу:

– Да ить я не тока тебя в тот день разобидела... Мало не весь цирк на площади спалила, людей позапугивала, у козы вообще молоко могло пропасть. Две занавески крашенные сожгла напрочь и в ящике фокусничьем дыру провертела. А и кто ж им теперича такое дело замажет-зарисует?! Пойду утоплюсь в колодце, пока вода студёная!.. В тёплой уже трагедь не та...

Разумеется, наивнейшей души Савва тут же кинулся обещать, что сей же час побежит в цирк и бесплатно размалюет там всё, что шевелится! Бабуле эта мысль так понравилась, что она силком втиснула ему рубль серебряный на закуп красок поядрёнее и, позволив усадить себя на лавку, довершила:

– За такое дело в монастырь уйду, власяницу надену, да и начну по ночам веригами греметь... Уж ты беги, добрый человек, а руки устанут – в зубах кисть за хвост держи! На меня не серчай, сама себе удивляюсь – то ли возрастное, то ли старческое, то ли чего жидкое в голову вдарило... На днях загляни, я тя при всех пирогами отпотчую, в твоей манере напеку (кривых, кособоких, авангардных!), да вкусненьки-и-их!

Когда дверь за честным художником закрылась, я, отмечая бабкину игру заслуженными аплодисментами, спустился вниз. Моя домохозяйка тихо сидела на скамье у окошечка, задумчиво глядя Новичкову вслед:

– Вот ить ровно ребёнка обманом на глиняной лошадке обскакала, стыдно даже... Отчего ж хорошие мужики так на слёзы бабьи доверчивы?

Ить от смеху плачу, а он сердцем сострадает... Никитушка, а они, живописцы энти, много ли денег гребут?

– Вряд ли, – пожал плечами я, – по крайней мере, по Савве этого не скажешь. Он творец, а не барыга.

– И я о том же... Может, мне ещё какую картину у него прикупить? Пущай хоть бы и голые, тока самый срам от ладошками б прикрыли...

– Иголочку-то вставили?

– А то!

– И вот ещё, пока помню: вы с Еремеевым дармовых конфет для экспертизы насобирать обещали, успели?

Яга важно вытащила голубое блюдечко, полное разноцветных горошин. Я удовлетворённо кивнул и бегло передал свои впечатления от визита к директору заезжего балагана. На этот раз наша оперативница призадумалась, что-то сопоставляя, долго собиралась с ответом и наконец резюмировала:

– Врёт он. Вот хоть локоть свой на арене в том же цирке последним зубом укушу, а врёт! И про заботу, и про цирк, и про трезвость скоморошью...

Правда, где конкретно и почему, объяснить не успела, да у меня и не было возможности слушать – откуда ни возмись к воротам отделения набежала целая очередь просителей. Народ размахивал заявлениями, шумно выражаясь, так что пришлось срочно запускать всех. Яга удалилась к себе в комнатку колдовать над иглой и конфетами, а я, усевшись за стол, раскрыл планшетку.

Вот так всегда – то полная тишь, то обвал проблем. А проблемы в то утро попёрли косяком, я только успевал записывать:

– Избави от лукавого, отец родной! Как пришёл в ночь, всех курей взбаламутил, яйца подавил, змеевик нашёл, да и узлом завязал – всё дело самогонное насмарку! Сам-то синий с перепоею, а задница красная... Со стыда, что ль, покраснела?!

– Ить цепных псов до смертушки запугал, лают – заикаются! Меня голоштанного с супруги законной сдёрнул, в прелюбодействе обозвал некрасивочно и в ухо рывкнул намеренно... Я им и не слышу теперича... Сам, аки бес китайский, синь да красен! Что? Ась?! Щас я другим ухом развернуся...

– Н-ну, нет т-ких закон-ф, шоб у р-рабочего ч-ловека шестую бутыль от-н-мать. Отметьте, н-н-допитую! И водкой м-мне харю мыть – нн-н-зя! И в один м-шок вместях с дру-зями сувать тоже! И в ко-ло-дезью м-м-кать, шоб протрезвели! Так фигу йму, чёрту с-си-нему! М-мы с утра и это...

намстили... н-пос-лушанием! Упились сиречь...

– Я – честная жена и сама решаю, когда и чем мужа воспитывать! Кто позволял от бабы мужика отнимать?! Может, я не каждый день его скалкой привечаю... Я, может, люблю его, дурака, местами... Особливо одно место... Да уж когда во сердцах, то и прибить могу по месту ентому же! А тока на то моё бабье право...

– Ой, он весь синий такой, как василёк... Ну там рост, плечи, живот кубиками и штанишки... Ой, как глазоньки прикрою – так и стоит передо мной весь, плащом развевается... Они, штанишки, значитца, красненькие будут, коротенькие и так облегающие всё там... Ага... да, буквально слюнки текут... Ой, а вы ведь его мне найдёте, правда?

И примерно в этом ключе восемнадцать (!) заявлений. Наш парень решил отыгаться за весь год вынужденного воздержания – под моей рукой он себе таких фортелей не позволял. Нет, ну, разное было... только укладывалось как-то в общепринятые рамки разумного хулиганства и некоторого превышения полномочий.

А тут нате вам – вылез герой пошлых комиксов на лукошкинскую целину! Защитник, блин, добра, справедливости и американского образа жизни! Супермен мадэ ин такая Раша! Надо предупредить ребят, чтоб вернули домой недоумка, пусть с ним Баба Яга разбирается, она умеет...

Единственная печальная обязанность на сегодня – это объяснять пришедшей в самом конце маме Дуни Брусникиной, что её дочь всё ещё не найдена. То есть, конечно, мы ищем; уверены, что жива; разрабатываем все возможные версии, но... утешить пока нечем. Женщина только молча кивала, не поднимая глаз, и это было особенно тяжело.

Самолично проводив потерпевшую до дверей, я лишний раз пообещал, что буду держать в курсе, и кликнул Еремеева. Оказалось, его нет, сотник отправился с десятком молодцов навестить скоропалительного купца Обмылкина. Побеседовать, так сказать, на тему найма двух «ночных» работников. Надеюсь, Фома учтёт, что купеческая дочь тоже пропала и отец, мягко говоря, на нервах... Я сам решил прогуляться на Лялину улицу, проверить полученную информацию относительно девочки-сиротки.

Весёлый дом давно числился у нас в «чёрном» списке. Банальный бордель в старорусских традициях, но, что поразительно, ни церковь, ни даже сам царь его закрыть не могут. Хотя, по бабкиным рассказам, поочерёдно пытались все. Та же Яга, кстати, узаконенную проституцию очень даже оправдывает. Один раз намекнула мне, что классическая фраза всяких там Иванов-царевичей: «Накорми, напои, в баньке выпари да СПАТЬ уложи!» имеет несколько другой контекст, не совсем тот, что

целомудренно преподносят в сказках... Видимо, описание бурной бабкиной молодости требует трудов отдельного скандального романиста.

Заглянув к ней в комнатку, я увидел, что наша эксперт-криминалистка тихо дремлет на кушеточке, кряхтя и посапывая. Сосредоточенный Василий сидит на сундуке, склонив ухо к большой игле, воткнутой в клубок шерстяных ниток, и быстренько выводит пером на листе бумаги какие-то каракули. Что ж, пусть продолжает стенографировать, потом разберёмся...

Я прикрыл дверь и в одиночку отправился по служебным делам. Лучше бы я взял стрелцов...

* * *

– Спасите-помогите! Я кому говорю, спасите-помогите? Да что ж ты стал, аки языческий символ плодородия?! Тебе кричу-надрываюсь, тебе судьбу свою вручаю!

– «Перед тобою слёзы лью, твоей защиты умоляю!...» – автоматически дополнил я, припоминая школьную программу.

Дьяк письмо Татьяны не читал, поэтому плюнул и заегозил снова:

– Да уж и слёзы лить готов, и в ножки кланяться уповаючи, а тока убережь душу христианскую от битья несанкционированного – твоя наипервейшая милицейская задача!

Защитник закона и правопорядка, так и не вернувший государыне судейский парик, не отлипал от меня уже два квартала. Причина проста – на расстоянии десяти шагов за нами упорно следовали двое решительно нетрезвых мужиков и толстая тётка с массивными кулаками. Как и следовало ожидать, «облечённый монаршим доверием» дьяк быстро задрал нос, потеряв чувство меры, и, естественно, нарвался. При его брехливом языке и врождённо скандальном нраве найти приключения на тощий тыл проще, чем споткнуться.

– Дык ить слепому ёжику видно, что евонная жена с евонным же кумом шашни водит! Я уже, как мог, дураку правду-матку в глаза вылепил, соседям на радость. Дескать – приструни супружницу, олень сибирский! А он с кумом мировую выпил, у бабы своей совета «доброго» спросил, да всей семьёй за мной с матюками... Не молчи, сыскной воевода, ты честных граждан охранять должен, так заарестуй преступников!

– Не могу, – на ходу отмахнулся я, – презумпция невиновности. Пока они вас не бьют, состава преступления в их действиях не отмечается.

– А когда ж...

– Вот когда побьют, тогда и приходите... – Мы встали перед Весёлым домом, где мне пришлось с силой отцеплять скользкие пальцы крючкотвора Груздева от своей портупей. – Сожалею, но ничем не могу помочь. У меня дела, честь имею...

– В Весёлом доме?! – оглядевшись, ахнул дьяк. – Нешто при всём честном народе зарплату милицейскую гулящим девкам под подол пустишь?

– Я здесь исключительно по служебной надобности.

– Тогда и я с тобой!

– Гражданин, у меня служебное расследование! Повторить по слогам?

– Не возмёшь, дак я тут на всю улицу твоё отделение испозорю! – в отчаянии оглядываясь на преследователей, взвыл прожжённый шантажист. – Покуда мне бока мнут, пол-Лукошкина узнает, как беспутные шалашовки тело милицейское нахваливают. А матушка царица в плане нравственности уже как строга-а... Эй, люди! Гляньте-ка, что деется! Нет чтоб жениться, так участковый плоти греховной ради...

– Чёрт с вами, идёмте.

Красный от ярости, я строго постучал в ворота.

Обычно к вечеру пять или шесть девушек неспешно прогуливались тут взад-вперёд, завлекая клиентов. Ещё парочка призывно помахивала из окна, но до обеда они отсыпались, поэтому стучать пришлось дважды. Небольшая калиточка без скрипа приоткрылась, и бдительный дед лет ста восьмидесяти сурово потребовал не буяннить, а ежели кому нестерпёж, так он и милицию вызвать может!

Пришлось представиться по всей форме и напомнить погромче, кто именно в этом городе и является этой самой милицией. Дед ойкнул, заизвинялся и, пропустив нас во двор, резко пошкандыбал «докладать». Когда он скрылся в доме, из огромной будки лениво вылез медведеобразный волкодав и, смерив нас «ласковым» взглядом, кинулся пробовать на вкус. Мы с дьяком, не сговариваясь, по параболе взлетели на крыльцо и замерли, вжавшись спинами в дверь. Разобиженный нашим бегством пёс, крупно брызгая слюной, бесновался буквально в полуметре, дальше (спаси и сохрани!) не позволяла цепь. Вот тогда-то я в первый раз пожалел об отсутствии вооружённого эскорта...

– Добро пожаловать, сыскной воевода! – Дверь за нашими спинами предательски распахнулась, и мы рухнули в сени.

Я встал со сквернословящего дьяка, отряхнулся и вежливо козырнул встретившей нас женщине. Дородная красавица в стиле кустодиевских

барышень, на вид лет тридцать пять – сорок, на лице явный перегруз косметики, одета богато, но как-то неопрятно, безвкусно. Или, правильнее сказать, с очень специфическим вкусом. Ну, тем самым, что заставляет мужчин потеть зимой от страсти, а честных жён бессильно ругаться в любое время года!

Марфа Дормидонтовна, как представилась хозяйка дома, цели моего визита скорее даже удивилась. Мы беседовали с ней в главной горнице, пока две зевающие девушки в уголке подвергались массажному охмурению со стороны воспарившего весенним козлом дьяка. Никогда не думал, что ему до ТАКОЙ степени не повезло в личной жизни...

– Ох, да ну яё, дьявчонку глупую... Кака она нам родствяница – сядьмая вода на киселе, три раза остывшая, щербатой ложкой пряшибленная! Снохи моей золовка от нявесьт кого приبلудила, а сама по прошлом годе и помярла. Дяржу сироту из жалости, но, коль Господь прибрёт, плакать не буду.

– Тем не менее вы всё-таки несёте ответственность за ребёнка до его совершеннолетия. Не хочу никого запугивать, но вряд ли царь, а тем более отец Кондрат будет столь лоялен к такому вопиющему нарушению божественных и человеческих законов.

– Где уж государю батюшке за всем-то усладить, – мягко поведя круглым плечиком, безмятежно потянулась хозяйка. – А отец Кондрат по молодости и сам сюда частенько хаживал. Нябось не обидит по старой дружбе...

Я невольно покосился на дьяка, но тот прошлые преступления церковного начальства пропустил мимо ушей, ярко расписывая девицам, как он дрался с Митькой за правду, а одолев, всенародно заставил он его выучиться грамоте. Слушательницы пустыми глазами смотрели сквозь хвастливого героя, тщетно напрягающего цыплячий бицепс в разных позах...

– Хорошо, давайте начистоту: в городе уже пропали две взрослые девушки, третья – ваша маленькая Нюша. Во всех трёх случаях жертвам были отрублены косы и заброшены на территорию отделения. Пока нет прямых улик к тому, чтобы считать их бывших владелиц погибшими. Но... время идёт и работает против нас. Я хочу знать: где была, чем занималась, куда собиралась пойти эта девочка в день исчезновения?!

– А ты побереги сердце, Никита Иванович, на всех никакой сострадательности не хватит. Ежели кака дура по нядосмотру али скудоумию в коровью ляпёшку обеями ногами влезла – так то печаль ня моя. Коса не хвост, отрастёт нябось! Нюшка моя на што девулька шкодная,

а и то знала – без разрешения старших из дому и нос в окно ня суй!

– Так вы знали, где ребёнок?

– Завсягда знала, а тока за так ня скажу, – спокойно ответила Марфа Дормидонтовна, строго погрозив пальцем девушкам, напоминая, чтоб дьяку без предоплаты руки распускать не давали. Мало ли – помнёт чего или поцарапает, а при их профессии каждая часть тела всегда должна иметь товарный вид. Девицы, всё так же зевая, беззлобно отвесили гражданину Груздеву по оплеухе. Минуты полторы дьяк пытался восстановить координацию движений и усесться на лавку обратно. Всё молча, язык, видимо, прикусил...

– Однако, гости дорогия, пора бы и честь знать. Уж ты не обьясудь, участковый, пришёл не ждан не зван, с пустыми руками, без гостинцу. Сам холостой, а девок ровно чумы избегаешь. Али взаправду говорят, будто бы по скудности жалованья с Бабой Ягой, не стыдись, живёшь?

– У нас разные комнаты, вкусы, возраст, вес и представления о браке, – медленно, чтобы не зарычать, выдавил я.

– Ну-у, странности полубовные и ня такие бывают... – понимающе протянула домохозяйка, окидывая меня профессионально-оценивающим взглядом. Не дожидаясь худшего, я встал, сухо попрощался и развернулся к дверям. Больше мне ничего здесь не расскажут, надо было с бабкой идти. Яга бы живо навела тут армейский порядок, временами мне кажется, что в ней умер великий прапорщик.

– Не спиши, сыскной воявода, за дружка-то твою кто платить будет?

Оборачиваться не хотелось, я начинал тихо паниковать.

– В каком смысле?

– А в таком! На лавке сядел? Девок мял? Приятственность получил явную – вона какую!

– Это его проблемы, и он не мой дружок! Так, увязался...

– Ага-а, на дармовщину, знать, облязнулся, – неласково сгустила брови Марфа Дормидонтовна, и в горницу быстренько заглянули двое быкообразных мальчиков.

Дьяк безоговорочно признал, что «разговор да лапанье» тоже денег стоят, и внаглую указал на меня как на главного виновника:

– Помилосердствуй, матушка! Я ить лицо церковное, служебными долгами перегруженное, здоровья хлипкого и в скользком деле отродясь не состоящее. Рази б я сам сюды пришёл?! Всё он, змий лукавый, силком во грех толкнул, за химок волок, невинности лишить грозился!

Не то чтобы ему поверили, однако теперь на меня все уставились с укором. Мысленно сосчитав до десяти и сделав три глубоких вдоха, я

достал из кармана честный рубль, положил его на лавку и твёрдо заявил:

– Остальное он отработает вам натурой. Рекомендую использовать как живую рекламу победы простатита над склерозом!

Дьяк окосел на месте и бесповоротно. Парни-вышибалы правильно оценили обстановку, с поклонами проводили меня до ворот, цыкнув на собаку и распахнув калиточку. Машинально отметив, что мстительное семейство всё ещё пребывает в засаде, я мысленно пожелал им удачи и бодро направился домой. В этот момент одно из окон распахнулось, и пронзительный визг гражданина Груздева наполнил всю улицу:

– Ножницы, ножницы уберите! Меня нельзя-а-а... А-а! У-у-уй-йо-о! О-о-оу? Оу?! Хм...

Впервые в жизни я чувствовал, что за моей спиной происходит настоящее преступление с членовредительством, и не имел ни малейшего желания его предотвращать. Солнце улыбалось, душа пела, вопли и пiski позади постепенно стихли. Вот это я и называю торжеством справедливости...

* * *

Но самый приятный сюрприз встретил меня у родного отделения! На нашем заборе аршинными буквами классической кириллицы было выведено: «Митька – марш домой!» Вместо подписи – схематический рисунок черепа с костями. Не знаю, кто додумался, но выглядело классно. Весь текст дан киноварью с потёками, что психологически усиливало зрительный эффект. Я бы послушался... Наверняка ведь бабка придумала, даже если писала не она.

В тереме меня ждал накрытый стол, – судя по тому как бабка расстаралась, её изыскания прошли более успешно. Ну хоть кому-то из нас повезло... Мой грустный рассказ о практически бессмысленном походе занял всего минуты две.

– Тогда садись, Никитушка, кашку кушай, про результативную экспертизу слушай, – традиционным речитативом начала моя хозяйка, убедившись, что я помыл руки и взялся за ложку.

Каша была знаменитая, гурьевская! Баба Яга ещё добавляла туда белые грибы под особым соусом, а рецептуру не показывала никому. Ребята как-то говорили, что государев повар одно время даже пытался подговорить их на кражу невымытой посуды, дабы выяснить бабкин секрет путём химического разложения остатков. Стрельцы на должностное преступление

не пошли, и не из страха быть превращёнными в валенки, а исключительно по причине уважения к Яге...

– Значитца, дело наше летит вперёд, крылья растопырив, хвост по ветру, а на дороге не стой – сметёт, не заметив! Савва Новичков, человек творческий, горением художественным заражённый, уже вовсю холсты цирковые красками выплёскивает... Ну и ходит с любопытством, где что интересное для себя сыщёт. Вася мой с места не ворохнётся, перо из лап не выпускает, так и строчит, ровно дятел безостановочный. Мусору зазря на бумагу не выносит, а все полезные свидетельства так и шпарит не глядя! Вот тока щас на отдых кратковременный и прервался, пока Савва за новыми красками в лавку побёт.

– С меня сметана, – прожевав, вставил я. Васька, свернувшийся калачиком рядом с Ягой, сонно приподнял одно ухо и даже вроде бы им кивнул, понял, значит...

– Полторы кринки, – поправила бабка, поглаживая любимца. – Так вот, все тридцать семь горошинок карамельных на предмет дурману проверены были – аж в трёх есть! Однако, думаю, Никитушка, что маловат процент будет. Это ж скока конфеток человеку съесть надобно, чтоб нужная попалась, да потом ещё деньги за эту дурь нести, коли раньше всё угощение бесплатственно было? Ить нашему мужику проще весь цирк по кирпичику разобрать, чем кровную копеечку на дурман выложить!

– Наркотическая зависимость бывает разной. Я помню из учебной программы, что определённые наркотики вызывают максимально быстрое привыкание. Вы ещё попробуйте выяснить сам состав дурмана, может быть, причина в нём?

– Уже выяснила – с той дрянью, что в горошинках была, за одну неделю так свыкнешься, хоть на стенку лезь! Да тока взрослому человеку и трёх мало будет, а вот дитю...

– Это плохо. Если такие конфетки намеренно «дарятся» детям, то мы получим бунт! Доведённые детскими слезами родители не позволят ни закрыть цирк, ни арестовать наркоторговцев, – призадумался я.

Яга сочувственно покивала, а потом не удержалась и хихикнула:

– Надпись-то на заборе видал небось?

– Зрелище заметное... Ваша работа?

– Моя! Уж расстаралась, как могла, горба не жалеючи, а тока Митенька наш, не будь дурак, с первым ветром прибежит, образумится, – охотно призналась гордая домохозяйка. – Да ты, сокол ясный, не болтай, вона курочка печёная, яблоком мочёным в пузе натыканная, во печи томится. А пироги ещё, а варенички, а ватрушка свежая, творогу сладкого...

– Я столько не съем!

– И пошто вот так обижаешь старую женщину... Али невкусно? Али со стряпни моей кого когда наизнанку воротило? Али где в другом месте угоститься успел?! Ох, Никитка, не доводи до греха... Съешь хоть кисельку!

От неминуемого обжорства меня спас подоспевший Фома Еремеев. Сотник очень вовремя явился с докладом, был насильственно водворён на моё место и закормлен без жалости, пока я наслаждался короткой передышкой.

Получается, что на данный момент наркотических конфеток раздарено относительно немного. И вроде бы от одной-двух штук особой беды не будет, но ведь в первую очередь они достаются детям, а организм ребёнка в несколько раз восприимчивее. Здесь всё понятно, халявную раздачу следует немедленно прекратить, карамельки конфисковать, директора вызвать к нам и обстоятельно допросить на предмет выяснения адреса поставщика. Думаю, на это государь даст добро. Конечно, с доказательствами у нас туговато, но профилактику преступлений тоже ещё никто не отменял...

– Купца-то лихо пострадал?

– Не извольте беспокоиться, бабушка, до самой бледности довёл! А уж как его парни расстреливать начали...

На секунду мне показалось, что я ослышался... Какой ещё расстрел?! Яга тоже явно заинтересовалась, почти без чувств опускаясь задом на безмятежно потягивающегося кота. Должен признать, что ни воплей, ни истерик, ни применения когтей в порядке самозащиты вышколенный Васька себе не позволил. Просто обмяк под бабкой, как персидский коврик, и свесил язык набок.

– Поучили мы его, чтоб впредь никому неповадно было, – важно вытерев усы рукавом, объяснил Еремеев. – Во двор вывели, к воротам привязали, перекрестили поочерёдно, да и дали залпу холостыми! Хозяин с перепугу такое натворил – дышать нельзя... Вся дворня – в хохот, оценили, значит, юмор милицейский!

– Ты... псих!

– За что ж своих обижаешь, Никита Иванович?

– Молчать! – уже совершенно не владея собой, взревел я. – Сотник Еремеев, с сегодняшнего дня вы уволены со службы в отделении!

– Никитушка... да ить он не со зла же... – осторожно вступилась Яга. – Как лучше хотел, вот и... Зря, конечно...

– Вот и я о том! – неуверенно возвысил голос Фома. – А то что ж,

каждая морда купеческая будет на тебя убийц нанимать, а мы молчи?! Давить их надо, как клопов, – пусть милицию уважают!

– Шеврон – на стол!

– Ой да не горячись, участковый...

– Шеврон сыскного отделения – на стол, и свободен!

Мы встали друг напротив друга взъерошенными петухами, но сотник первым отвёл взгляд. Потом зубами оторвал с рукава крепко пришитую эмблему лукошкинской милиции, швырнул мне её под нос и, развернувшись, ушёл, хлопнув дверью.

Меня трясло ещё минут десять... Бабка сидела, как мышь, так и не вставая с кота. Последний демонстративно не подавал признаков жизни и лишь изредка укоризненно вздрагивал ухом в мою сторону. Происходящее до сих пор не укладывалось у меня в голове...

Еремеев служит в отделении не первый день, иногда вспыльчив, но исполнительен и своих стрельцов держит в железной узде, честно разделяя с ребятами все тяготы и лишения. Участвовал не в одном опасном деле, всегда был человеком, на которого я мог положиться безоглядно, и вдруг... Выкидывает фортели не просто административно наказуемые, а вообще не совместимые со званием работника милиции. И ведь с полным убеждением в собственной правоте!

– Никитушка...

– Да?

– Ты тока не серчай на меня, старую...

– Угу.

– Я те вот что сказать хочу, ежели Фома одумается да в отделение вернётся, ты уж сразу-то не...

– С кота слезьте.

– Чего?!

– Я говорю, с кота слезьте, может, он живой ещё...

– Охти ж мне! Васенька! Любимый, родной, хороший мой, эка тебя наплющило-то... А ты что ж, злыдень участковый, сразу сказать не мог?! Кровиночка моя, дитятко, ягодка сахарная...

Пока Яга, ругаясь и причитая, носилась с симулирующим паралич домашним любимцем, я сдвинул в сторону посуду на столе и сел за написание докладной государю. Помнится, Горох сам просил взять его на ближайшее задание, вот пусть и развеется. Кстати, матушка царица будет только рада: русские мужчины от ничегонеделания дуреют – пьют или лезут в женские дела. Пусть уж лучше с нами побегают, когда пойдём карамельные шарики конфисковывать...

Писать гусиным пером и орешковыми чернилами – забава для экстремалов, лично я всегда перемазывался и клякс ставил столько, что порою доклад походил на творческие изыски Пабло Пикассо. И хотя рука постепенно набивалась, но до совершенной каллиграфии мне было как на карачках до Парижу! Может, писаря нанять в отделение – нам секретарша по штату положена. Только посимпатичнее, хотя... бабка чисто из вредности не позволит.

В очередной раз отложив спотыкающееся орудие письма, я сунулся в карман за платком вытереть пальцы и... неожиданно обратил внимание на выпавший клочок бумаги. Аккуратно сложенная записка гласила: «А вот коли зайдёшь в гости вечером да удалю мужской не осрамишься, – подмогну информацией...» Почерк мелкий, убористый, подписи нет, подразумевается, что адресата я знаю и домом не ошибусь. Кто подбросил, когда, о чём будет идти речь и за какую плату?.. Двух минут размышлений посредством дедуктивного метода мне оказалось достаточно.

– Бабушка, как вы полагаете, можно за подобное предложение попробовать пришить лёгкий шантаж и недвусмысленные намёки по поводу морального облика сотрудника милиции?

Яга на секунду оторвалась от ожившего и прибалдевшего в ласке кота, бегло пробежав глазами три строчки. Потом глянула на меня с неподдельным уважением и радостно ухмыльнулась:

– От и тебе удача полпудом сахарным на руки обломила! Иди, иди, Никитушка, а уж на месте не плошай – с полпути не заворачивай, смеху волю не давай, шибко громко не ори и, главное дело, подольше так-то... там-то... ну а природа подскажет!

– Слушайте, – не сразу нашёлся я с ответом, – вы на что меня толкаете? Я, знаете ли, не...

– Да уж знаю, милоч! А на что да куда тебя толкать, про то другие руки озаботятся... Но для солидности и мундиру непорочности – пойдёшь «получать информацию»! Расскажешь потом, а?

– Никуда я не пойду!

– Ан пойдёшь! – Моя домохозяйка грозно треснула кулачком по лавке. Васька тихо встал и удрал к себе от греха подальше... – Ишь, моду какую взял, меня на старости лет перед соседями срамотить?! Пришло тебе письмецо, так будь добр – иди и проверь! Мало ли чем где платить придётся, а тока на то мы и милиция, чтоб в городе нашем девки не пропадали.

– В каком смысле не пропадали, без дела, что ли?

– А во всех смыслах! Не забыл ещё, как матери Дунькиной дочь

отыскать обещался? И обмылкинскую дуру найти надобно, о сиротке уж и не говорю...

– Но... это же совсем другое!

– Да что бы ни было – тебя долг зовёт, иди! Ништо, не укусят! А и укусят, так до того сладостно-о... Сам повторить попросишься! Эх, где мои семнадцать лет...

– На Большом Каретном, – хмуро буркнул я, хотя уже отлично понимал, что пойду. И не потому что... а потому, что... в общем, действительно надо!

* * *

Ближе к вечеру мы с Ягой проверили записи Василия. С моей критической точки зрения, кот писал как курица лапой! Причём курица неграмотная, хромая и пьяная... Я бы сам не понял ничего – мне переводили. На первый взгляд никаких особенных откровений мы на этом деле не выцепили. Новичков, натура увлекающаяся и любопытная, с детским восторгом бегал по всему цирку, и в принципе его ниоткуда так уж особенно не гнали.

Получалось, что заезжим скоморохам и вправду нечего скрывать? Потом бабка обратила внимание на слово «товар»... Кто-то в беседе с кем-то несколько раз уточнил, всё ли готово к приёму «товара», сколько «товара» прибудет с завтрашним обозом, можно ли доверить получение «товара» женщине? Мирные контрабандисты были во все времена, мы бы, наверное, просто пропустили эту информацию мимо ушей, но далее мелькнула фраза о том, что «оно будет в бочонке с клюковкой»! Я обратился к Яге за разъяснениями...

– Сама не ведаю, Никитушка, – честно наморщила лоб опытная криминалистка. – А тока клюкву у нас по осени собирают, да и кому ж она в Лукошкине целым бочонком нужна? Стока ягоды разом сожрать – так до самой смерти с кислой рожей ходить будешь... Поп отпевать откажется!

– Нет, если я правильно понял, то в балагане ждут некий «товар», спрятанный в бочонке и замаскированный сверху клюквой. Что нам мешает предупредить таможду на воротах и...

– Да говорю ж тебе, участковый, нет сейчас стока клюквы! А значит, и никакого бочонка с нею быть не может.

– Но... вы же мне сами цитировали по записи...

– Сдаётся мне, сокол ясный, – Баба Яга сощурилась и чуть приглушила

тон, – что сказано энтó языком секретным, для постороннего слуху непонятным. «Товар в бочонке с клюковкой» – чего угодно значить может! Вплоть до самого покушения на государя...

– Это ещё с чего?!

– Не знаю... Да мало ли...

– Вы фантастику писать не пробовали? А зря... – Я скептически покачал головой и, мельком глянув в окно, невольно замер.

– А вот ежели у меня предчувствие... Ежели «бочонок» – это терем наш, а «клюковки» в нём – стрельцы милицейские? Тогда и «товар» небось будешь ты, милый друг! И мыслят они завтра дело чёрное провернуть, «покуда товар в бочонке с клювою»... Как тебе такой расклад? Ить есть же повод теперь хоть кого заарестовать, а?! Кто нам помешает...

– Царь.

– Да что царь? Тьфу на него, на царя, – решительно клацнула зубом бабка. – Пущай в палатах своих с молодой женой державу потомством обильным радует, а в дела сыскные зазря носу не суёт – не то какой злодей прищемит!

– Поздно...

– Что, уже прищемил?

– Я говорю, царь у ворот!

– Дык что ж ты молчал-то, ирод?!

Стрельцы спешно пропускали на территорию отделения небольшую кавалькаду из четырёх всадников. Яга кинулась к себе в комнатку наводить марафет. Те времена, когда она законопослушно приседала при одном имени Гороха, давно прошли. Столько дел вместе, неформальное общение, совместные застолья, сами понимаете... Зато теперь на государевы визиты бабка реагирует только одним образом: по-солдатски быстро переодевается во всё новое, подводит губки и бровушки, а потом смотрит на него в ожидании комплиментов. К чести царя, признаю, без похвалы он старушку не оставил ещё ни разу...

– Здравствуй, Никита Иванович, друг сердешный! Вот, зашёл не чинясь, по-людски, хочу к тебе на службу в отделение. Возьмёшь, что ль, али как?

– Минуточку, минуточку, – ещё не вполне соображая, о чём речь, я усадил высокого гостя на табурет. Трое молодых бояр остались во дворе, видимо, они не были в курсе истинной причины визита самодержца в наш терем. – Случилось что-то серьёзное?

– Нет вроде, Господь милостив.

– Вы... пили сегодня?

– Рюмочку за обедом, – не стал врать царь. – А почему ж нельзя, коли организм требует, с хорошей закуской, в присутствии законной супруги и с её благоволения... Сам-то в затылке почешу, участковый, кто меня в отделение зазывал? Ты! Кто божился жизнь мою от скуки избавить? Опять ты! Кто государыне царице советовал моё величество от дел государственных на уголовные переключать здоровья душевного ради? Так уж теперича хоть хвост узлом вяжи, а бери в штат нового сотрудника!

– Но... э-э... вы понимаете... есть определённые причины и не...

– Тока не ври, будто бы у тебя комплектование полное! Доподлинно знаю, что Митька твой в отпуске, а Фому Еремеева я самолично на улице встретил, уволенного... Горюет, кстати, но виду не кажет! За пьянку вышибали превышение полномочий?

– Второе, – откашлялся я и, собравшись было с духом, почти начал перечислять все четыреста двадцать шесть пунктов, по которым мне совершенно невозможно держать монарха на действительной милицейской службе, но... Из горницы выпорхнула сияющая, как флотская рында, Яга и со скрипом поклонилась Гороху в пояс:

– Здравствуй, батюшка! Уж не обессудь, что слова твои слышала, больно они мне по сердцу пришлись. Садись ко столу, чаем с пирогами не побрезгуй, а мы тут и обсудим друженько, к какому делу сыскному твоё величество пристроить...

– Сто лет ещё живи, бабушка, – разулыбался государь. – Да супруге моей секрет свой открой, как на века такую девичью резвость да блеск очей сохранить соразмерно?

Дальнейший бред можно смело опустить за ненужностью. Слушать, как они поочерёдно возносят друг дружку до небес, было просто невыносимо... Это какое-то заболевание психическое, поехало – не остановишь, значит, заразное... Глядя на Ягу, я уже начал скатываться к состоянию отупевшей прострации и был спасён лишь тогда, когда самодержец вышел отпустить сопровождавших его лиц восвояси.

– Никитушка, ты уж при людях-то обо мне так плохо не думай... Вона, на лице прямым текстом сказано, какая бабка «дура». Нешто мне самой не ясно, что царь-милиционер – энтó всем курям прямая смерть со смеху! Но ить такую фигуру да в деле не использовать – тоже грех! Послушай меня старую, не бери в голову, присмотрю я за ним...

– А-а, делайте что хотите!

– Вот и ладушки, чую, пригодится он нам... – значимо закончила моя домохозяйка, умудренно пощипывая волосатую родинку на подбородке. Нет, сегодня все хотят играть в популярных детективов, хотя сходство

между Ягой и мисс Марпл примерно такое же, как между панком и ботаником... Может быть, отпуск надо было брать не Мите, а мне?

Дальше театр абсурда крепчал и ширился на глазах.

Короче, под мою диктовку Горох написал заявление о приёме на работу рядовым стрелцом с обязанностями курьера по доставке. Скажи я кому, что у меня сам царь на побегушках носится, – побили бы за клевету! А потом пошли бы посмотреть...

– Митька не появлялся? – между делом поинтересовался я у заглянувшего в горницу Василия. Кот отрицательно помотал головой и косым взглядом указал на тарелку с ветчиной. Я равнодушно отвернулся к окну, вроде бы не глядя, взял ломтик пожирнее, поднёс ко рту и, делая вид, что о чём-то задумался, незаметно опустил руку вниз. Васька столь же неторопливо подошёл ко мне, сел спиной, демонстрируя полную антипатию, и, осторожно заведя лапу назад, цапнул ветчину. После чего величественно уполз под стол, так и не замеченный бдительным оком Яги. Старушка в последнее время считает, что котика перекармливают, и строго высчитывает калории. Без меня домашний любимец исхудал бы, как спичка...

«Показания» Саввы на данный момент не фиксировались: художник отпросился в цирке на обед. Но на всякий случай надо бы напомнить коту о его обязанностях. Пока все были заняты делом, я достал блокнот из планшетки и схематично начал вырисовывать план наших достижений по скоморошьему делу.

С одной стороны, картинка складывалась в нашу пользу:

1) известны имена, адреса и социальное положение всех трёх пропавших девушек; 2) по результатам экспертизы есть неопровержимые улики о наличии наркотических веществ в карамельных горошинках; 3) успешно предотвращена попытка дискредитирования сотрудников милиции путём подброса третьей косы; 4) есть ряд подозреваемых, и в их штат внедрён «крот»-доброволец, уже давший кое-какую информацию.

Как видите, масса положительных моментов... Только куда конкретно их приложить?!

Пишем минусы:

1) все три девушки так и не найдены; живы ли, где находятся, с какой целью удерживаются – неизвестно; 2) нет никаких доказательств того, что циркачи знают о содержании наркотиков в конфетах и распространяют их целенаправленно; 3) сбежавший, а возможно и раненый, злоумышленник до сих пор так и не найден, несмотря на все усилия наших стрелцов; 4) «крот» и не подозревает о том, что мы его беззастенчиво используем, а

вычлененная информация о «товаре в бочонке с клюковкой» по-прежнему не разгадана ни мной, ни нашим эксперт-криминалистом...

Результат – неутешительный, следствие топчется на одном месте, с чем и вынужден себя поздравить.

– Никитушка, сокол ясный, тебе идтить пора, – неслышно подкралась Яга, заглядывая мне через плечо. – Поди, Марфа Дормидонтовна заждалась уже... Домой не торопись, ежели рано утром придёшь, так меня не буди, двери в терем запирасть не буду. А чтоб ты там от дел служебных дёру не дал, я тебе товарища верного подготовила. Ужо вдвоём-то небось в Весёлом доме не пропадёте...

За бабкиной спиной, прямо-таки лучась от усердия, стоял, умильно улыбаясь, довольный царь. Глаза Гороха горели желанием от всей души помочь родной милиции! О нет, только не это...

– Вы это нарочно? – зачем-то спросил я.

Яга тихонько хихикнула, мило краснея и опуская реснички...

* * *

– Да не робей ты, Никита Иванович, – на всю улицу широко разливался государь, ободряюще похлопывая меня по спине. Я молча втягивал голову в плечи, стараясь казаться как можно меньше и незаметнее... Ничего не получалось, на «нового» стрелца, столь фамильярно болтающего с сыскным воеводой, сразу же обратили внимание. – Я-то по молодости шалой на Лялину улицу частенько хаживал. Тайком от родителей, в платье простонародном, весь сплошное «инкогнито», и, главное, ведь не узнавал никто! Я имею в виду девок. Нет, говаривали частенько, бывало, что-де я их «любил по-царски!», а что я всамделешний царь – и не ведали...

Ага, так мы вам и поверили. Легенды о гороховских шашнях были первое, что я услышал, поселившись в тереме Бабы Яги. В курсе был весь город, от высокородных бояр до последних пьянчужек, и все делали вид, что ни-че-го не замечают...

– А ныне уж, поди, годков пять-шесть не ходил. Хозяйку Весёлого дома, Марфушеньку, такой ещё цацей помню... К ней тогда многие сватались, несмотря на «проказы», замуж звали. Чегой-то не сложилось у ней... А с меня, кстати, она никогда ни копейки не брала! Добрая душа...

С него никто ни копейки не брал. В бизнесе интимных услуг непроходимых дур нет, все прекрасно знали, с кем имеют дело. И оплату,

разумеется, получали соответственную, с надбавкой за молчание. Не от царя, а через подставных лиц, с далёким прицелом на будущее – то есть теперь Горох ни за что не прикроет дом «тёплых воспоминаний» о своей жаркой юности...

– Ты тока не думай чего! Ежели какие приказы мне отдавать будешь, действуй смело, ибо ныне я тебе не государь, а стрелец подчинённый! Надо – так и накричи на меня, не обижусь... Небось насчёт правильной субординации понимание имею – ить я ж царь!

– Ваше величество, тогда не могли бы вы великодушно заткнуться? – вежливо попросил я. – Мы уже пришли, и переговоры хотелось бы вести без ваших комментариев.

– Слушаюсь, батюшка сыскной воевода! – старательно проорал государь, беря пицаль на караул.

Я мысленно пообещал Яге припомнить всё и постучал в ворота.

На этот раз нам открыли практически сразу, без малейших промедлений. Две разбитные девицы во дворе, сверкнув кольцами во рту, тихо улыбнулись, покосившись на нас, но не сказали ни слова. Я счёл это плохим признаком, вроде того что нас уже застолбили и ждут на растерзание. Причём ждут именно меня... Интересно, а если предложить поменяться, царя возьмут?

Первым шоком было отсутствие кобеля и присутствие на его месте незабвенного дьяка! Филимон Груздев, печальственно поскуливая, сидел на цепи, обняв руками костистые колени, на тощей шее блестел новенький ошейник, а вся ряса была столь причудливо изрезана, что скорее напоминала кружевное бельё итальянских модниц.

– Мм... а разве вас... не это... – Я невольно изобразил пальцами ножницеобразное движение.

Дьяк молча постучал себе по лбу и, перекрестясь, попытался прикрыть белеющую отовсюду наготу.

– Оригинальный фасон, – смущённо похвалил я, следуя за двумя мордovorотами в дом. Горох так вообще отвернулся, чтобы его не узнали. Стрелецкую пицаль ему пришлось оставить в сенях, но саблю он не сдал. Ничего, пусть наиграется в милиционера...

Внутри дрожал интимный полумрак, создаваемый зыбким светом заграничного канделябра на три горящих свечи. Стол с белоснежной скатертью заставлен лёгкими закусками и двумя бутылками – в одной вино, в другой самогонка. Сама Марфа Дормидонтовна чинно восседала на огромной кровати. Вроде бы утром этого сексодрома в горнице не было, значит, принесли специально. Видимо, были стопроцентно уверены, что я

приду...

– Заходи, заходи, участковый! – ласково поприветствовали нас. – И ты, стрялец, присаживайся, ня след сыскному вояводе одному по тьмоте возвращаться. Хорошо, что с охраной пришёл, да уж, поди, я-то ты не обижу...

Готов прозакладывать что угодно, эта женщина преотличнейше узнала царя, но тактично промолчала, не подавая виду.

– Я ещё раз взываю к вашему чувству долга. Вы говорили, будто бы знаете, куда отправилась девочка, следовательно, подозреваете, где она может находиться?

– Знать – знаю, да вот скажу ли... Но коли ты так за дявчонку бязродную дрожишь, так сам понимать должен, что ничаво на свете даром-то ня даётся.

– Марфуша, ты б не наглела так уж, а? – попытался вмешаться государь, но я одёрнул его за рукав, прямолинейно спрашивая:

– Сколько?

– Ня всё дянъгами мерится, – накручивая длинные бусы на пухлый пальчик, проворковала хозяйка, улыбаясь самым откровенным образом. – В ином разрезе ласка мужская, мялицейская, подороже будет.

– Так мы и тут готовы посодействовать! Посторонись-ка, Никита Иванович...

– Сядь, стрялец! – резко оборвала Гороха Марфа Дормидонтовна. – Ня в своё дело ня лезь, а вона лучше за двярями подожди, там тябя девки бяз тяпла ня оставят. А уж мы тут с сыскным вояводой полюбовно, по-свойски потолкуям...

Чья-то размытая тень метнулась из-за печки с изразцами, в мгновение ока затушив канделябр и погрузив всю комнату в темноту. Вслед раздался хлёсткий звук пощёчины! Дикий женский визг заполнил всё помещение...

Я так понял, что Марфу Дормидонтовну как минимум убивают! Попытался отступить к стене, но споткнулся и упал. Кстати, очень вовремя, прямо над моей головой в стену врезался тяжёлый табурет! Дальше началась банальнейшая драка вслепую...

– Держись, участковый! Эх, зашибу-у-у!.. – грозно взревел гороховский бас, и кто-то, перевернув стол, успешно въехал мне сапогом в живот. Из сеней высунулись было охранники, но вмешиваться не рискнули, со стуком прикрыв дверь и даже не пожелав удачи.

Звенела разбиваемая посуда, смачно хрустела мебель, из соседних комнат солидарно со всё проклинающими клиентами голосили девушки. Я кого-то поймал за шиворот и, развернув, ткнул кулаком туда, где

предполагалось лицо. Попал в лоб, здорово ушибив пальцы, а этот кто-то шумно брякнулся на пол! Единственный источник света, махонькая лампадка, неожиданно сорвавшись с места, завертелась огненным колесом и с размаху стукнула меня по уху! Не то чтобы очень уж больно, но маслом перепачкался весь... Безобразная, бессмысленная и грязная потасовка продолжалась минут десять, пока кто-то не высадил окно, со звоном исчезнув в ночи! Чуть позже расхраб्रившийся персонал всё-таки вспомнил о служебном долге, сунувшись в двери со свечой. Хм, зрелищность разрушений на поле брани впечатляла и угнетала одновременно...

Марфу Дормидонтовну я обнаружил сидящей под кроватью. Содержательница борделя сжалась в изрядный комочек и тихо подвывала на одной ноте. Горох, шатаясь, держался за стену, и на его царственном лбу зрела объёмистая шишка! Общее состояние комнаты такое – словно здесь только что охотники на мамонтов пробежали (вместе с мамонтами, разумеется...). У меня две пуговицы оторваны, и от боли в боку дышать до сих пор тяжело. Естественно, главного виновника произведенного бедлама никто и заметить не успел, а уж догонять тем более не озаботился. Ну разумеется, им же не за это деньги платят...

– Спасибо за приглашение, – морщась и постанывая, выдавил я. – Мы тогда как-нибудь... в другой раз... заглянем. Побеседуем по-добрососедски, ага... Нет, провожать не надо! Сами доползём...

Да вообще-то, честно говоря, никто и не собирался. Поддерживая друг дружку, мы с государем выкатились во двор. К слову, дьяка Фильки там уже не было, наверняка исхитрился удрать под шумок, вместе с цепью. Нас вежливо выпроводили за ворота, непонятно за что побитых, не добывших ничего в плане полезной информации, зато получивших памятный урок относительно походов «налево»...

Если бы моё состояние и настроение можно было выразить в словах, то это были бы такие «выражения», что я был бы обязан сам себя оштрафовать за нарушение общественного порядка. Практический результат визита – даже не на нуле, а ещё и в минусе! Ох не хотел я туда идти... ведь как не хотел!

– Эхма, сыскной воевода! Ну удружил ты мне, ну развеселил, распотешил! – восторженно делился впечатлениями счастливый Горох, прихрамывая сзади. – Уж и забыл, когда кому самолично морду чистил, а на службе милицейской вон они какие перспективы... Нонче же боярам обскажу, пуцай пожелтеют от завидок!

Я стиснул зубы и молчал. Лично меня полученные тумаки ни капли не радовали, тем более что, скорее всего, были получены мною именно от

царя.

– Слышь, Никита Иванович, а вот тока не припомню, право, кто ж драку-то начал? Уж не ты ли сам свечи-то затушил, красотой зрелой прельстившись?! А на вид скромник такой... Говорил же тебе – женись, естество, поди, требует! А то ить так и будешь до старости по девкам беспутным бегать... Не, как мужик мужика, я тебя николи не осуждаю, даже наоборот, посодействовать готов, но...

– Это не я-а-а-а!!!

– Понял, – тихонько откликнулся государь, когда эхо стихло и на пустынной тёмной улице улеглась пыль. – С чего ж так орать-то, али обиделся?

Я резко развернулся, шагнул к нему, приподнял за грудки, намереваясь честно и нелицеприятно высказать всё, что думаю о его понятиях субординации, служебной этики и элементарном такте, но... не успел.

Впереди сумрачно и грозно, под тусклым светом ущербной луны, возникли четыре чёрных силуэта. Зачем они здесь, кого ждут или ищут, спрашивать не хотелось, хотя в иной ситуации я, возможно, и нашёл бы время на глупые вопросы. Сейчас в голове чётко оформилась только одна мысль – за моей спиной царь! Не просто товарищ по службе, не рядовой гражданин, а человек, облечённый высшей властью, – государь, монарх, самодержец. То есть та самая главная особа, без которой не то что на нашей милиции, но и на всём сегодняшнем жизненном укладе можно ставить жирный крест!

– Вы хоть пиццаль с собой взяли?

– Забыл... но точно помню, где в сенях её оставил!

– Уже прогресс...

Четверо негодяев бросились на нас с ленивой звериной грацией. Отступать было некуда...

* * *

– О, – вдруг вспомнил Горох, – а сабелька-то стрелецкая вот она!

Кривой клинок хищно сверкнул в лунном сиянии. Больше государь не успел ничего ни сказать, ни сделать... Один классический удар ногой в стиле жёсткого карате Окинавы, и сабля улетела за ближайшие ворота, красиво впившись в чей-то наличник. Дальнейшая драка могла бы лишь называться таковою, но на самом деле скорее напоминала библейское «избиение младенцев».

Царя завалили первым, я продержался около минуты. Те, кто нас бил, казались воистину неуязвимыми – они наносили удары из любого положения, кружась в воздухе, как осенние листья, выделявая немыслимые пируэты, ни на секунду не задерживаясь на одном месте. Уже лёжа разбитым носом в подзаборной пыли, я отрешённо подумал, что акробатов в цирке тоже было четверо и кувыркались они столь же успешно. А потом один шагнул к бессознательно сложенному в лопухи Гороху, на ходу доставая из кармана верёвку или тонкую цепь, и...

– Ай’м бэк, беби! – грозно раздалось с небес.

В узком переулке картинно встала массивная мужская фигура в развевающемся плаще. Митька, явление третье, лица те же... А иначе как? Вторая драка за день, и без него – непорядок!

– Вовремя я сюда явился, дабы пресечь злодейство несусветное! А ну, поворотись ко мне, драчуны неместные, щас вы у меня по-иному прыгать станете – аки блохи беременные поперёк сковороды!

Где он мог видеть беременных блох на сковороде, мне уже по барабану. Бедняга просто не представлял, с кем связывается. Физическая сила – это, конечно, да, но такой техники рукопашного боя он и во сне не видел...

К моему глубочайшему изумлению, парень продержался минуты две, а то и три. Поднимался дважды, и они были вынуждены забивать его снова и снова... При любой богатырской мощи на теле человека остаётся с десятков особо уязвимых мест, не прикрываемых никакими мускулами. Вот по этим болевым точкам его и били, хотя одного нападающего он вроде бы слегка зацепил (лбом об землю...).

Потом, когда героическая Митькина туша окончательно грохнулась рядом с нами и я мысленно попрощался со всеми, кого знал, с дальнего конца улицы замелькали огни. Послышались крики, топот, и бешеный Еремеев, с перекошенным лицом размахивающий саблей, обрушился на врага!

Спору нет, один против трёх он бы тоже не выстоял, но десятков стрельцов, на ходу раздувая фитили, уже спешили на выручку. Троица злодеев подхватила оглушённого товарища и молча исчезла, прыгая через тесовые заборы, как через таблички «По газонам не ходить!».

– Живы? – Фома перешагнул через царя, наступил на живот Митьке и, поднатужась, поставил меня на ноги. – Ну, что ж ты, чином воевода, а ведёшь себя ровно дитё малое... Сколь твержу – по ночи, куда бы ни шёл, охрану брать надобно!

– Учту... на будущее... – с трудом прохрипел я. Мы мельком глянули в

глаза друг другу, потом я первым протянул ему ладонь. Он стиснул её до хруста в пальцах, слова взаимных извинений были лишними...

– Сотник Еремеев, постройте людей... и доставьте потерпевших товарищей... в отделение.

– Сам-то идти сможешь?

– Только с тобой под руку...

Фома фыркнул, я тоже, но смех дикой болью отозвался в рёбрах, и он действительно потащил меня едва ли не в обнимку. Митю и Гороха с тем же почётом и пиететом волокли следом.

Как-то не задался сегодня вечерок, не находите? Что-то часто нас стали бить, причём непонятно кто, а значит, вдвойне обидно. Нет, если это всё-таки скоморохи, я завтра весь цирк повально арестую, без всякой санкции, а уж государь поучаствует от души. Доказательств нет и не будет, но и терпеть такой беспредел мы больше не намерены! Вот сейчас доковыляю до Яги, и всё ей расскажу... Она ж их всех... Размажет! Заколдует! Превратит не знаю в кого... Бабка у нас на этот счёт – ух! Ох! Ай... больно-то как... сначала дойти надо...

– Никитушка, сокол ясный! Да что ж враги злостные с тобою содеяли?! Да где ж Господь на небесах, что супротив милиции такое допускает? Да чтоб у них руки отсохли, ноги отвалились, зубы выпали, волосья перхотью изошли! Убили, избили, угробили свет очей моих, участкового-о! – вовсю голосила бабка, пока нас заносили в баню и поштучно укладывали на лавках. Там мы довольно быстро пришли в себя. Не знаю, как и чем бы лечили в московских стационарных клиниках, но здесь, в Лукошкине, всё лечится баней!

Строгий Еремеев, распорядившись усилить охрану, самолично закатал рукава и взялся за веник. Четверо стрельцов поопытнее помогали ему в этом нелёгком деле. Сначала нас по три раза окатили ледяной водой, потом пропарили, потом окатили ещё раз, но уже холодным квасом, и опять в парную. И только после этого, красных и распаренных, переодетых в чистые рубахи-подштанники, с почётом сопроводили в дом!

Яга хлопотала у стола, невозмутимый Василий по-прежнему сидел как приклеенный в её горнице, конспектируя всё, что следует. На белоснежной скатерти никаких разносолов – водка, каша, чёрный хлеб и малиновое варенье.

– А я иду по ночи, без службы, ровно бобыль неприкаянный... Думаю, повеситься али напиться с горю? Как вдруг девка молодая меня за рукав тянет, дескать, в проулке участкового бьют! Благо наряд наш стрелецкий

недалече шёл, я молодцам свистнул, да и на выручку... Пока поспел, вы уж лежите все...

– Ежели б меня с задю между ног в причинное место не саданули... Ежели б они пальцы свои немытые мне в глаза не совали... Ежели б трусы исподние, красные, заграничные, на голову не надели... Ежели б...

– Никита Иваныч, а вот ты как думаешь, они знали, что я царь?! Ить тогда ж дело не уголовное, а политическое вырисовывается. Может, за энтим из боярства кто стоит? Может, Бодров, боров брюхатый, за позор свой мне месть лелеет, бес-пре-це-дентную, во!

Я только молча кивал в ответ всем и каждому, не вдаваясь в обсуждение первопричин и подробностей. Всё произошедшее требовало обстоятельного осмысления и очень тонкого анализа. Где-то тут, вне всякого сомнения, крылась какая-то зацепка, связующая ниточка, и я никак не мог ухватить её за хвостик, хотя казалось, ещё чуть-чуть и... Вот дальше этого «и» ничего не было. Голова соображала из рук вон плохо, синяки и прочие побитости болели нещадно, а от водки перед глазами колыхался призрачный туман, в котором почему-то успешно плавали все, кроме меня.

Баба Яга ни во что не вмешивалась, ни с кем не спорила. Всех утешала, сочувствовала, нахваливала, ловко подливая во все стопки из пузатого зелёного штофа. Разговоры становились всё ярче, эмоциональнее, я тоже начал что-то нести: четыре здоровых мужика грохали кулаками по столу, слёзно просили друг у друга прощения, делились самым интимным и клялись в вечной дружбе. Как и кто уносил меня наверх – не знаю... Спал без задних ног, без снов и без малейшего зазрения совести.

Утром бедный петух едва не сорвал себе горло, пытаясь меня добудиться. Я на него просто не реагировал, то есть игнорировал втёмную как враждебный обществу элемент! Открыл глаза, только когда в дверь осторожненько постучала бабка:

– Вставай, голубок, пора! Да и надобность великая... Ну, может, и не великая, однако ж серьёзная – сама царица к нам в отделение пожаловала! По мужу печётся...

– Ну так... выдайте ей мужа, я-то тут при чём?

– А при том! – чуть возвысила голос Яга. – Неча головоньку забубённую под подушку прятать, сам вон выйди, да и скажи, ты у нас начальник!

– И что, без меня никак? – всё ещё зевая и зачем-то споря на пустом месте, упёрся я.

– Да ты ноченьку вчерашнюю помнишь ли?! Дак ведь государю нашему кормильцу-поильцу так под руководством твоим харю сусальную

расписали, что с утра до вечера не налюбуетесь! Как, что, где, почему – дело не при мне было, значит, сам ответ держи...

Быстренько накинув рубашку, я сунул ноги в тапки и подскочил к окну. Дежурные стрельцы как раз распахивали ворота – Лидия Адольфина прибыла во всей красе, при полном параде, с помпой и половиной боярской думы в придачу. Как же, у них царь пропал! В отделение ушёл и не вернулся, собирай слуг верных, матушка царица, едем на милицию бочку катить! Нет, доведут они меня до инфаркта...

Вниз слетел уже через полторы минуты, при полной форме (домовой в плане глажки и чистки не подводил ещё ни разу!), бодрый, спокойный, разве что неумывшийся и с нечищеными зубами. Горох спал в горнице, на лавке у печи, и, судя по умиротворённому храпу, подниматься ни в какую не собирался. Яга выбежала ко мне из своей комнатки, поправляя праздничный платочек на голове, и торжественно подняла со стола каравай хлеба с солонкой.

– Идут.

– Хорошо. А это... Митька где?

– На базар я его отправила, яиц к обеду прикупить. С его-то побитостями на фасаде каждый продавец скидку сделает, из сострадания...

На мгновение в голову стукнулась трезвая мысль провести логические параллели и самому посмотреться в зеркало – в каком хоть я виде? Скосив взгляд на бабкин самовар, я внутренне содрогнулся и понял, что пропал... Весь, целиком, со всеми потрохами: отделение закроют в связи с недопустимым моральным обликом участкового и его лицом, несовместимым с занимаемой должностью. Под правым глазом у меня горел такой фонарь! А цвет, а полутона, а переливы...

– Матушка светлая царица! – грозно проорали на крыльце. Воспитанные стрельцы распахнули двери, и величественная, как немецкая архитектура, государыня осчастливила нас своим визитом. Двое сопровождающих бояр мрачно сунулись следом...

* * *

– Гутен абенд! Добрый утро, хороший погодка, ништо, что я есть без приглашений напиток чаю? – милостиво улыбнулась Лидия, старательно обнажая все зубы сразу и приподняв на уровень груди перевязанную шпагатом коробочку. – Здесь тут настоящий австрийский яблочный штрудель. Как это... прошу в вашу шалашу!

– Милости просим, – гостеприимно поклонилась Яга и, видимо, переборщила. В бабкиной пояснице что-то предательски хрупнуло...

Государыня ещё раз улыбнулась и обернулась ко мне, старательно стоявшему боком.

– Герр полицайн, я немного поутомить фас на тему, где есть мой венценосный сюзруг?

– Э-э... присаживайтесь, – широко предложил я, ответно улыбаясь одной половиной лица. – Ваш муж здесь, вон на лавочке отсыпается.

– Оу! Тогда ми зря так шалим? мушлим?! шумим! Я буду шепотать... – Она села на край скамьи, поставив штрудель в центр стола, и несколько недоумённо покосилась на всё ещё стоящую в поклоне бабку.

– Никитушка... – осипло выдавила Яга, – не позорь перед людьми – упрись-ка мне коленом в спину, да и выпрями!..

– А... если она сломается?

– Да шиш бы с ней! Тогда хоть в угол какой меня переставь...

Лидия Адольфина с чисто нордическим спокойствием восприняла тот факт, что я, не извинившись, приподнял стоящую буквой «зю» домохозяйку и аккуратно перенёс её в дальний угол комнаты, прижав узким тылом к тёплой печке. Хорошо ещё большинство бояр, дружно выражая мне своё неуважение, предпочли остаться во дворе, а так хоть сквозь землю провалились!

– Как прошёл вчерашний обхват?

– Э-э... захват?! Как по маслу, – беззастенчиво соврал я, потому что отступать всё равно было уже некуда.

– Ах, ви не есть слюшайно упасть?

– Нет! – во всей красе развернулся я. – Мои раны отнюдь не случайны! Мы с государем попали в бандитскую засаду и героически пострадали оба. Ваш муж дрался, как геральдический лев! Он колошматил их сотнями, валял кувырком по улице, разбойники летали от его кулаков, словно бумажные журавлики оригами! Если бы на нас не навалилась ещё одна тысяча (по-подлому, сзади, скопом!), мы бы в одну ночь очистили мир от преступности...

Двое бояр с вытянутыми лицами, слышавшие весь этот бред, молча рухнули навзничь. Лидия Адольфина приподнялась и, вперяя в меня взгляд валькирии, страстно попросила:

– Ещё! Я облайт... нет, обожайт рассказы о войнах!

Меня понесло... Прыгая по горнице, расколов две чашки на столе и вооружась ухватом, я в лицах показывал ярчайшее батальное полотно, попирая славу Невского и Жукова, красочно расписывая наше сражение с

превосходящими силами теневого шоу-бизнеса. В смысле с тонким намёком на цирк, пусть знает...

– Акробаты нам ка-а-ак дадут, а мы их как... Царь одного – через бедро, другого – в глаз, третьему – под коленную чашечку, пятому – бросок с захватом ноги зубами и болевым на копчик! А они сзади, и у каждого нож! А тут я с планшеткой в стиле Джеки Чана – у-у-уа-ую-уйя!!!

Государыня слушала, широко раскрыв глаза и распахнув ротик. Бояре в сенях толкались за первые места, шикая друг на друга в боязни пропустить хоть слово. Яга заткнула пальчиками уши и зажмурилась с такой гримасой, словно у неё заболели сразу все давным-давно выпавшие зубы. В конце рассказа, когда враг позорно бежал, захватив с собой сотни убитых и покалеченных, а мы с царём рухнули, изнемогая от усталости, на руки подоспевших стрельцов, – мне аплодировал весь терем!

Бояре кричали «ура!» и обнимались, поздравляя всех с победой. Еремеевцы, слушавшие у открытого окна, воодушевлённо хлопали друг дружку по плечам и кидали вверх шапки. Матушка царица при всех, не стесняясь, бросилась мне на шею, одарив скупым австрийским поцелуем. Ничего не оставалось, как раскланяться и деликатно отказаться выходить на «бис»...

От шума и криков наконец-то пробудился помятый государь. Глянув на его разукрашенную причудливой гаммой синего, фиолетового, багрового и даже зелёного физиономию, царица Лидия побледнела и, всплеснув руками, взревела во всю мощь динамиков:

– Кто есть посметь так бить мой венценосный супруг?! Я сей же един секунд сама поотбиваю? понабиваю?! я поубиваю всех к... к... ет-ре-не-фене!

– Ути-пуси, моя ненаглядная, – растроганно промычал Горох, распахивая объятия.

– Тогда подпишите ордер на обыск балагана, – вовремя встрял я.

Государь, не глядя, чиркнул автограф гусиным пером на чистом листе бумаги. Всё нормально, прочее я аккуратненько допишу сам. И чем быстрее вы осчастливите меня своим уходом, тем меньше времени у циркачей останется на сокрытие улик. А улики есть! Ведь не только они нас били, мы тоже... одного... Митька по лбу ранил. В общем, один калека у них точно есть!

Из терема царственная чета выходила в обнимку, под приветственные здравицы и слёзы умиления. Хорошо всё то, что хорошо кончается...

– Никитушка-а...

– Иду, иду!

Я вспомнил о страдающей Яге и неуклюже бросился ей на помощь. То есть бросился-то я, наверное, очень даже ловко, а вот что делать и как помочь, увы, и близко не представлял. Попробовал деликатный массаж, бабка расчихикалась, покраснев до ушей:

– Охти ж мне, щекотно-то как... ох... ох...хи!.. Не могу, пощади старую, отпусти душеньку на покаяние, а тока... ох...хи! по рёбрам инше не елозь, ох-хи-хонюшки!

– Я стараюсь.

– Ох и старанья у тебя... ох и... Э? Эй, Никитка, да ты что ж творишь, дитё неразумное?!

– Бабушка, я массирую, не сбивайте меня.

– Ага, массирует он... Жениться тебе надо, вот что!

Я плюнул и отошёл в сторону, демонстративно скрестив руки на груди. Яга отдышалась, подумала и, подмигнув, указала пальцем на полку:

– Во-о-н ту баночку возьми, две ложки отсыпь, с маслом льняным перетри, в трёх водах отпарь, с можжевелевой водкой вскипяти, щепоть перцу брось, соли каменной на глазок и...

– ...стрихнина на вкус! – возмущённо продолжил я. – Нет, ну кто над кем издевается?! В прошлый раз по вашим рецептам мы едва весь терем к чертям не похоронили!

– Но ить ты ж рецептуру не дослушал... – тоже ударилась было в обиды моя домохозяйка, как в двери без стука вломился раскрасневшийся Митяй.

– Батюшка Никита Иванович! Да что ж это такое творится-деется?! Не успел я, добрый молодец, одёжу синюю да красную с себя стянуть, а ворьё недобитое уже по всему базару с ухмылочками наглющими разгуливает! Какой свин судейский энтих двоих на волю выпустил, чтоб они мне пред очи честные, оперативные документами об освобождении мельтешили? Покажите мне сего адвоката, я ж его своими руками в наковальне закопаю!

– Митя, сядь.

– А вот не сяду, ибо нет мне покою! – в отчаянье взвыл он, хлопая шапкой об пол. – Почему милиция воров ловит, а крысы судейские отпускают?! Почему вы как сыскной воевода тока руками разводите? Почему бабуленька, спец экспертизный, у печки ра... в непривычной позе стоит?

– Радикулитом скрючило, Митенька, – жалобно пискнула бабка.

– Дык поможем разом!

И, прежде чем я успел раскрыть рот, этот бугай – рекордсмен в тяжёлом весе – мигом подхватил Ягу, упёрся ей коленом в спину, одним

рывком с хрустом выпрямляя окаменевшую от ужаса старушку. После чего вновь развернулся ко мне, бухнулся на скамью и, повесив буйну голову ниже полутораметровых плеч, тихо заплакал...

– Ну... ты это... зря, не надо... – Я, смущённо откашлявшись, потрепал его по плечу.

Наша домохозяйка стояла ни жива ни мертва, прямая, как берёзка на выданье.

– Всё утрясётся, главное, чтобы мы продолжали заниматься своим делом и не сдавались. Любые указания сверху – они не навсегда. Царица не дура, должна же она понять рано или поздно...

– Всё одно, – мрачно буркнул он, не поднимая глаз. – Не будут более злодеи, что лошадушку нашу воровали, пречистую землю лукошкинскую лаптями грязными марать.

– Митя... ты с ума сошёл?! – ахнул я.

Он гордо вскинул зарёванное лицо и срывающимся голосом доложил:

– Можете уволить меня грешного, а не стерпел я! Как их на базаре увидел, так и вскипело ретивое... Схватил жульё за химок, бочонок ближайший капустный опростал да в ёмкость евонную опять-таки обоих и упёк! До ворот отделения пинками катил, сердце радовал! Теперича хоть казните, хоть расстреливайте, а отвёл душу...

Я честно досчитал до десяти, медленно сделал два дыхательных упражнения китайской гимнастики и только после этого позволил себе пулей кинуться во двор. Заботливый Еремеев поймал меня на ходу, успокоил и оттащил в сторону:

– Не смотри, Никита Иванович, он ить не со зла, а от обиды милицейской. Щас ребята топор да зубило приволокут, и освободим задержанных.

– ???

– А иначе никак... Парень твой их не иначе как ногами утрамбовывал, ни в какую не выковыриваются!

Я застонал и отвернулся в сторону. Минут через десять – пятнадцать всё было кончено... Расклёпанный на досточки бочонок валялся посреди двора, а двум конокрадам стрельцы терпеливо пытались вернуть человекообразную форму. Дразнящий запах кислой капусты разливался в воздухе. Лихорадочно подбирая слова извинений за противоправные действия своего же сотрудника, я не сразу обратил внимание на то, что меня тянут за рукав...

– Батюшка сыскной воевода, а вот не изволите ли глянуть?

Молоденький стрелец протянул мне объёмный свёрток, упакованный в

мягкую кожу и перетянутый верёвочкой.

– Мы с Петровым тока что обнаружили, ко днищу прилип. Может, и не важное что...

– Важное, – автоматически отметил я, снимая со свертка прилипшую ягодку мороженой клюквы...

* * *

– Митя, перед суровым лицом своих товарищей – говори правду и только правду, без всяких лирических отступлений, начиная с того момента, как тебя отправили в отпуск! Кстати, тобой же с пеной у рта вытребованный...

– Никитушка!

– Молчу, молчу, увлёкся. Итак?

– А и пошёл же я, сиротинушка, ой да крестьянский сын! Вдоль да улицы широкия, вдоль заборов высокие, под прицелами стрелецкими грозными! А не по волюшке своей, по желанию начальственному, приказу служебному, во краткосрочный отпуск, на деревню к маменьке! Ай и вот она судьба-кручина злодейская довела парнишечку-у...

– Бабушка?!

– Да вижу, вижу, сокол, у самой от пения его жалостливого аж волосья под платочком на дыбки встают. Митенька, дитятко, уж ты давай по существу, по делу, а не то ить и я залютую-зазверствую! Не вводи старуху во искушение...

– Нет в вас горенья творческого, – разочарованно вздохнул наш артист и, отложив распевно-сказительный стиль, заговорил языком нормальным: – Ребята наши меня до ворот городских сопроводили, на дорогу столбовую вывели, всякого хорошего пожелали, а охрану предупредили – обратно не пущать! Я и побрёл с горя, ибо хоть отпуску и хотелось очень, да рази ж можно отделение родное в сей трудный час без усердия моего оставлять?! Иду себе, глядь-поглядь, а навстречу карета золочёная катит, из окошечка Кнут Гамсунович (святой человек, хоть и немец!) улыбается. Дык я-то и не будь дурак...

Короче, он тормознул попутку, наплёл послу с три короба, под прикрытием дипломатической неприкосновенности пробрался обратно в город и до вечера обретался в той же слободе. Вёл умные беседы с господином Шпицрутенбергом, распевал деревенские частушки юным краснеющим фройляйн, а к вечеру созрел для дела.

В его понимании оставить Лукошкино на меня и Ягу – значит бросить беззащитное общество на растерзание неумолимой преступности. А так как официальные службы правопорядка сосредоточены в отделении, то он, добрый молодец, организует в своём лице – неофициальные... Из моих рассказов о Голливуде ему особенно запомнилась чередка популярных супергероев, спасителей человечества. Для черепашек-ниндзя не было соратников, на Бэтмена не нашлось подходящей маски, а Пауков он и сам до смерти боялся. Получалось, что костюмчик Супермена – самое компромиссное и всех удовлетворяющее решение! Кстати, синее трико, красные сапоги, плащ и короткие атласные панталончики раздобыл всё тот же посол, о чём с ним непременно следует побеседовать...

– Вот целая пачка заявлений на твоё самоуправство. Если этому дать ход, ты загремишь у нас лет на десять!

– Да за что же?! Я ж как лучше хотел... они сами... Ох и нет в жизни места подвигу!

– Ладно, о подвигах потом и отдельно. Как я понимаю, ты был с утра откомандирован на базар за покупками. Там чисто случайно встретил двоих подследственных, отпущенных до суда, и учинил над ними...

– А как же не учинить-то было? – едва не заплакал он, сражённый в самое сердце. – Идут, все из себя такие павы... На меня покосоглазились и шу-шу-шу меж собой! Да с хихиканьем, слуху оскорбительным... Я думаю, ах вы су...

– Стоп! Свои мысли держи при себе, я уже не один раз строжайше предупреждал – на службе матом не лаяться! Значит, ты взял ближайший бочонок капусты, вытряхнул её, а в освободившуюся ёмкость засунул безобразно верещающих конокрадов.

– Ага... тока они сразу не влезли, пришлось сверху сесть да поподпрыгивать.

– А где это было? Чей бочонок? Кто продавец? – дожал я.

Митяй нахмурил лоб, припоминая, но, видимо, этот факт занимал его в то время по самому минимуму. Конечно, если ловишь преступника, разве в пылу борьбы за справедливость смотришь, у кого отобрал столь необходимую тару...

– Девка какая-то стояла... или тётка? Точно, тётка!

– Митя, не надо...

– Да вот как бог свят – тётка! – воодушевлённо подпрыгнул он, злостно клевета на ни в чём не повинного человека. – Я ж её сразу-то не признал, а вот тут-то, после вопроса вашего, как наяву вижу. Тётка Матрёна энта была! Тока замаскированная... Присела, чтоб росту убавить, пузо

втянула для стройности, волосы в чернявые перекрасила и личину свою преступную сменила до неузнаваемости – а во всём прочем точно она!

Мы с Ягой обменялись понимающими взглядами. Тётка Матрёна, здоровущая шестидесятилетняя торговка соленьями, была для нашего молодца больше чем просто классовый враг. Скорее, наверное, некое олицетворение Вселенского Зла в общелукошкинском масштабе...

– Ну почему же мне опять никто не верит?! Ить вы, Никита Иванович, своими глазами там клюкву видели... А кто ж ещё капусту квашеную клюквой кислой портить станет?! Ну как не поймёт, несчастная, что не видать ей теперича царствия небесного! Не попустит святой Пётр-ключник над капусткою такого измывательства...

– Бабушка, – тихо обратился я. – А если клюква была положена именно как опознавательный знак?

– Чую, опять ты белке в глаз бьёшь, участковый... – похвалила наша эксперт-криминалистка, а мне почему-то сразу представилась мрачная мультяшная белочка с подбитым глазом. – Мало ли бочонков на «кислом» ряду стоит, а тут купил себе, да и унёс целиком. Ежели милиция и задержит, так ни на ком вины нет, ить просто закусь домой нёс, новинку клюквенную, а что у того бочонка на дне обретается, ведать не ведал...

– Вот именно! Мы товар на базаре не проверяем, кто с чем стоит – без разницы, поэтому... – Тут я поймал за шиворот мелькнувшую мысль и, развернув её лицом, неожиданно понял. – Нет! На самом деле у нас в отделении есть один человек, который обязательно обратил бы внимание на капусту с клюквой и потребовал бы объяснений! А то и вообще конфисковал бы весь товар как надругательство над национальным продуктом.

– И кой-то? – искренне заинтересовался Митяй.

– Так вот почему злые люди ему косы девичьи за пазуху совали! – рявкнула Яга, хлопая по столу так, что мы подпрыгнули. – Значитца, не одним днём паутина преступная сплеталась, не одним умом продумана, а тока первую ниточку у нас же в городе искать надобно. Уж слишком многое про нашу милицию знает враг неведомый...

– Тогда предлагаю подбить итоги, позавтракать, собрать стрельцов и навестить господина Труссарди с ордером на обыск!

– Возражений нет, – единодушно согласились мои боевые товарищи.

Без завтрака бабка всё равно меня никуда бы не отпустила. Я направился к бадье мыть руки, Митька (по субординации обедающий в сенях) побежал за своей миской (тазик литров на шесть), а наша домохозяйка взялась было за ухват, но...

Непонятные звуки, доносившиеся из её комнатки, стали как-то очень навязчивы, словно кто-то бился лбом о стены и стонал о неразделённом. Я вопросительно посмотрел на Ягу, та недоумённо пожала плечиками. В её горнице мог находиться лишь чёрный кот Василий, получивший спецзадание – стенографировать информацию из иглы в воротнике Саввы Новичкова, находящегося в логове подозреваемых скоморохов. Длинный кошачий вопль, полный неизбывной тоски и нереализованных порывов, застал меня врасплох, и я утопил мыло.

– Свят, свят, свят, – встревоженно охая, бабка похромала разбираться, успела открыть дверь и... едва не была снесена взьерошенным торнадо с задраным хвостом! Кот, не оборачиваясь, дунул в сени...

– Мама-а-а-а... бяк! – Судя по грохоту, нашего младшего сотрудника просто смело и размазало по стенке.

Что могло довести добродушнейшее создание до такого состояния, никто поначалу не понял. Вроде бы подозрительных конфет ему больше не давали, в туалет ходил регулярно, сметану я самолично поставил поближе к бумаге и перу... Ясность внесла экспертизная старушка, глубокомысленно вчитавшись в последние строки:

– Охти ж ты, беда какая... Поди, вчерась дома перед сном Савва иголку нашу в ворота обнаружил. Кольнуло его, видать... А он по рассеянности внимания этому не придавал да иглу, чтоб в хозяйстве не пропала, в раму оконную воткнул.

– Ну и что, многие так делают, – не сразу уловил я.

– Дак весна же! У кошек до лета на каждой крыше да под каждым окном – свадьбы! Уж как поют, как стараются, любой перед кралею пушистою эндаким львом себя кажет! Страсти кипят, сердца из грудей рвутся, естество продолжения рода требует, а инше кота так и разорвёт от неиспользованности! Ой да прости меня старую, сама говорю, а самой и стыдобственно...

Ну если смотреть на вещи в таком разрезе... Тогда, конечно, понятно, с природой не поспоришь. А запертый в душном тереме Василий наверняка просто с ума сходил от зависти, слушая через иглу, чем занимаются его вольные собраты. Короче, кота простили все, даже Митька. Тем паче что он ещё с ночи с побитой физиою ходит – пять лишних царапин на носу общего вида уже не испортят...

Кстати, по совести говоря, надо бы поинтересоваться у Яги насчёт какой-нибудь косметики. Пудрой, что ли, свой собственный синяк присыпать? Сыскной воевода с подбитым глазом должного уважения как-то не вызывает... А тут ещё постучался встревоженный Еремеев, доложив,

что на Колокольной площади у цирка дьяк Филимон опять народ мутит.

– Говорит, дескать, участковый повелел у народа забаву бесхитростную отобрать. Балаган закрыть, скоморохов заезжих взашей из города гнать, а кто не покорится – за химок и в тюрьму! Особенно вроде ты там на козу какую-то осерчал...

– Умнее он ничего не придумал? – безмятежно отмахнулся я.

– А ещё говорил, будто ты у детишек малых будешь конфетки дарёные отбирать!

Упс!.. а вот это уже проблема... Я не донёс до рта ложку с кашей и только поэтому не подавился. Наш неизвестный противник сделал опережающий ход, поставив на гражданина Груздева, и, кажется, не ошибся...

* * *

Обыск не дал ничего. То есть абсолютно ни-че-го! Полный пшик, ноль, никаких результатов. Нет, конечно, если наш визит рассматривать как некое шоу, всенародное гульбище, то в этом плане нам удалось поднять настроение окружающим. Хотя вроде бы всё сделали правильно...

Во-первых, стрелецкий сотник был отправлен с коротеньким письмецом к отцу Кондрату. Крайне колоритный священник, я бы сказал, запоминающийся... Два метра в рост, полтора в ширину, под двести кило весом, голос – мощи шалашинской, страстей необузданных, но если его кипучую энергию направить в нужное русло – то цены батюшке нет! В деле о Чёрной Мессе он проявил себя с лучшей стороны, а за царский кубок по хоккею тоже боролся с непостижимой для спортсмена честностью. Причём команда «Святых отцов» чисто случайно взяла третье место, проиграв запорожцам. Теперь будут тренироваться даже летом, дабы будущей зимой взять реванш!

Во-вторых, чтобы никого не провоцировать, нами было принято решение: никаких стрельцов, никаких повальных арестов, никакого давления на всенародно любимый балаган – просто участковый с другом и старенькой бабушкой зашёл в гости, по приглашению. Нас ведь приглашали, верно? Царскую бумагу с росписью я до поры сунул в нагрудный карман. Одна проблема – лицо... Фиолетовый синяк под глазом благодаря бабкиным усилиям значительно уменьшился...

Митька долго не мог уяснить, почему ему с собой оглоблю взять не разрешают. Ить он же не за-ради баловства, а по мало ли какой нужде –

деревце поддержать, мосток через лужу перекинуть, от комара али мухи оборониться... Пришлось просто рявкнуть поостроже – он и без оружия представляет собой разрушительную силу весьма внушительного калибра, не надо перебарщивать. При повторном требовании наш младший сотрудник выложил на стол всё, что в его руках могло сойти за оружие. Достал из лаптей две подковы, снял полукилограммовый медный крест на собачьей цепи, вынул из карманов два царских пята для утяжеления кулаков и большой «альчик» из коровьего мосла с залитой свинцом дыркой...

– Ровно голый на опаснейшее дело иду, – стыдливо вздохнув, пожаловался он. – Хоть чем бы срам прикрыть...

– Не лей слёз горючих, я тя выручу, милоч! – Сердобольная бабка пошарила за печкой, выудив из небытия большой окаменелый крендель, об который наверняка сломало зубы не одно поколение мышей и тараканов. – На-кося, примерься по руке.

Митя уважительно взвесил кондитерский раритет, постучал им о стену и, полностью удовлетворившись результатом, вопросительно глянул на меня. Я отмахнулся, делайте, что хотите...

По улице шли не спеша, прогулочным шагом, улыбаясь знакомым и вежливо кивая на приветствия. Уже на подходе к площади на фоне пёстрого циркового шатра была видна журавлиная фигура дьяка. К моему изумлению, Филимон Митрофанович красовался в совершенно новой рясе и, по-ленински зажав в кулаке многострадальный судейский парик, вопил во весь голос:

– Православные, грядёт час Сатанаилов! Чую, идёт к дому вашему безбожная опергруппа, и ведёт её слуга Антихристов – Никитка Ивашов! А уж как без мыла в душу лез, каким героем себя строил, ан нет – не растут крылья ангельские из спины милицейской... Истинно глаголю вам, жаждет он сладость конфетную у невинных дитяток отобрать! То ли его не угостили, то ли на взятку ребятня не скинулась... Ужели попустим над чадами своими отнимательство?! Ни царь-батюшка, ни святой синод, ни дума боярская такого и умыслить не могли – скомороший цирк закрыть... Коза ему, вишь ли, не угодила! Отказала, стало быть...

Митька пошёл в обход, в его задачу входил своевременный арест болтливового сквернавца. Мы с Ягой тихонечко проталкивались поближе к входу в шатёр. Народу было не то чтобы много, но всё равно тесно. Присутствию нашему никто и не удивлялся особенно, послушать дьяка всегда интересно, но такого случая, чтоб он своими лозунгами хоть раз поднял толпу на революцию, тоже вроде бы не припоминаю... Бабка

продвинулась вперёд, а я задержался за спинами двух «старых знакомых», чтобы расставить наконец все точки над «i»:

– Чем занимаемся, граждане, почему не на работе?

Двое молодых приказчиков подпрыгнули так, словно их за задницу черепаха укусила.

– Я ж тебе говорил, что он за нами ходит! Чур меня, чур!

– Небось то я тебе долдонил! А ты всё ухмылялся эдак кокетливо, мол, нравится, дак пусть и ходит...

– Угу, правом голоса будете полноценно пользоваться в тюремной камере, – драматически сдвинул брови суровый я. – А теперь быстро и внятно объясните мне, почему вы вечно трётесь у цирка?

– Дык... ведь баб без одёжи до сих пор не показали покуда, а денежки уже в третий раз трачены, – с готовностью зачастил первый. – Медведь опять же плясал без задору, цыган шило есть прилюдно отказывается, а коза ничьих надежд не оправдала... На конфетках одно и утешение!

– И много вы их съели?

– Да самую малость, нешто за то арестовывать можно?! – заныл второй, бочком оттирая товарища в сторону. – Про баб-то он сдуру сболтнул, уж третий день дожидается, а они всё никак... Ну да мы не в претензиях! А ежели вы насчёт козы виды имеете, так нам она завсегда подозрительной была. Она ить не тока на вас, она на всех, мерзавка, смотрит ласково и хвостиком тока туды-сюды, туды-сюды...

– Ребята, сейчас я закрою глаза, а когда открою – вы сделаете так, чтоб я вас до-о-лго искал... и не нашёл.

– Чегой-то он от нас хочет-то?

– Знамо чего! С козой, вишь, не сбылось – вона какой фонарь по себе оставила. От он к нам теперича и щемится... Давай-ка бог ноги!

Когда я открыл глаза, чтобы сказать, что «наступил на грабли», обоих бездельников в обозримом пространстве уже не было. Однако надо поторопить Ягу, у завсегдатаев наблюдаются первые признаки наркотической ломки. Конечно, теперь таможня тщательно отслеживает весь товар, доставляемый в город, перерывая всё на предмет подозрительных порошков, трав и медикаментов. Незвестный некто в Лукошкине так и не получил свой товар. А сверток из бочки бабка перед выходом проверила в две минуты – крепчайшая наркота! Причём производства нероссийского, сложный химический состав, при минимальных дозах дающий самый убойный результат.

Минуточку... только сейчас мне в голову пришла мысль о том, что наркотик-сырец не является готовым продуктом. Из него ведь ещё надо

конфетных горошин понаделать, а это, в свою очередь, значит, что где-то планируют разместить подпольную лабораторию. Страшное производство будет организовано здесь же! Именно поэтому заезжие артисты кормят народ бесплатными дозами – цирк уедет, а разветвлённая сеть сбыта останется. Вот почему никто не видел этих скоморохов пьяными – торговля наркотиками требует трезвой головы!

Приподнявшись на цыпочки, я углядел, как наша Бабуля Ягуля, неспешно дохромав до входа, парой слов перекинулась всё с тем же могучим клоуном. Её он пропустил безоговорочно, видимо получив соответствующие указания от начальства. Митьки нигде видно не было, надеюсь, хоть на этот раз он не запретит нам всю операцию и выполнит задание...

В этот момент меня и заметил дьяк. Неуправляемый защитник народных вольностей даже подпрыгнул на хрустнувших досках и обличающе наставил на меня сухой палец, как револьверное дуло:

– Вот он, православные! Душитель свободы, сатрап при исполнении, царя-батюшки обманщик и государыни матушки клеветник с мордой битою! Всем ли ведомо, что из-за интриг евонных цирк скомороший закрыть собираются?! А он и прилюдно за взяткой откупной прийти не постыдился...

Я кротко опустил глаза и молчал. Народ чуточку отжался в сторону, образуя вокруг меня свободное пространство. Дьяк надрывался вовсю, исходя слюной в самых нелепых подозрениях и обвинениях! Думаю, все ждали, когда я его арестую или в крайнем случае оправдаюсь с убийственной логикой. Ни то, ни другое в мои планы не входило...

– Защитим свои права на места балаганные, конфеты бесплатные и защиту адвокатскую! Сами видите, не зазя сей парик мне доверием высшим даденный – каждый день бьюсь за вас, люди лукошкинские!

– Рот закрой, не ровён час, ворона залетит да там и сдохнет... – густым басом раздалось над площадью, и на мои погоны легли тяжёлые лапы отца Кондрата. Народ ахнул: не часто представители высокого духовенства столь явно берут под своё покровительство скромных сотрудников милиции. Хорошо ещё не стали спрашивать, откуда фонарь, и жалеть...

– Опять рогами бесовскими воду мутишь?!

– Аки... каки... инше смею рази, отче... – поглубже запихивая измученный парик себе в рот, не удержался-таки дьяк. Это уже клиника, он и с Господом Богом пререкаться будет...

– Как смеешь перечить мне, сморчок козлобородый! Мало того что на сыскного воеводу пасть смрадную раззявил бесчестно, так ещё и люд

крещёный в геенну огненную скоморошьими плясками соблазняешь?!

– Ца... царь Соломон увеселения признавал... а участковый всё одно сволочь, сволочь, сволочь!

– ЦЫЦ!!!

От такого рёва, раздавшегося над самым ухом, у меня слетела фуражка, ближайшие бабульки присели, и вся толпа в едином порыве, перекрестясь, смиренно опустила головы перед грозным пастырем. Отец Кондрат был в состоянии, адекватном невменяемому бешенству, – за жизнь мятежного дьяка никто не дал бы и гроша...

– В Святом Писании сказано: «Бегите от игрищ их, ибо действие то – сатанинское! От костров прыганья да в личинах плясания, от бесстыдства и беспотребства срамного!» В голос хохотать – беса тешить! Христианину более улыбка светлая приличествует, души смирение да радость тихая, боголепная...

– Н...не соглашусь, владыко... – петушиным фальцетом перебил дьяк, – потому как милиция всё одно св...

– Проклян, – сурово выдохнул отец Кондрат. – И да падёт на ослушника гнев божий!

Народ замер... Несколько секунд все, затаив дыхание, ожидали грома небесного. Дрожащий в коленях расстрига осторожно общупал себя обеими руками, щурясь, глянул на улыбающееся небушко, присвистнул и от души показал святому отцу кукиш!

– Ха! Вот он, справедливый суд Господень, провалиться мне на этом месте...

Последние слова гражданина Груздева потонули в треске ломающихся досок, и весь помост рухнул, подняв тучу щепок и пыли! Отлично, Митя, на этот раз всё вовремя. Не арестовал, конечно, но помог исполнить карательные функции «суда божьего». Это даже лучше – и зрелищнее, и показательнее в воспитательном плане. Отец Кондрат обвёл величавым взором площадь и царственно перекрестился. Поражённые лукошкинцы дунули в разные стороны рассказывать о новом чуде...

– Спасибо за содействие.

– Аминь.

– Сочтёмся.

– Ко взаимной выгоде. – Значимо улыбнувшись, мы церемонно пожали друг другу руки...

Проходя мимо разрушенного помоста, я осторожно приподнял верхнюю доску и заботливо спросил:

– Митя, ты живой?

– Вроде бы... Поленом по лбу схлопотамши... а так рад стараться!

– Ну и ладушки! Филимона Митрофановича к нему домой отнеси, он сегодня перестарался. Рукоприкладствовать не смей, но, если придёт в себя, вежливо уточни, кто именно и в преддверии каких заслуг одарил его новенькой рясой?

– Слушаюсь, батюшка сыскной воевода, – гулко донеслось из-под руин.

– И без моего разрешения никого не арестовывай!

На этот раз он промолчал, дабы не давать неисполнимых обещаний. А ведь мог бы и соврать! Значит, всё-таки исправляется к лучшему...

Цирковой атлет-вышибала на входе мне препятствий чинить не стал, несмотря на отсутствие стрелецких пищалей. Я, козырнув, прошёл внутрь, почти сразу же столкнувшись с перемазанным краской богописцем.

– Да вот бегу киновари прикупить, летит, ровно вода.

– Понимаю, успешно трудитесь на новом поприще?

– Занавеси малевать – дело нехитрое, – простодушно улыбнулся он. – А вот ящик магический... Вчера красил, сегодня с утра бьюсь – словно утекает цвет! Уж и грунтовал его, и лаком мазал, и... Ой, а у вас с лицом-то что?

– Ерунда, в туалете на грабли наступил. Вы не подскажите, Баба Яга куда пошла? – вежливо перебил я.

– Так у главного она, условия контракта обсуждают, шумно-о...

Ясненько, кажется, наш эксперт-криминалист несколько переувлеклась, мы сюда не за этим собирались. На квадратной арене тренировались обнажённые по пояс акробаты. Никаких зримых следов вчерашней потасовки на парнях заметно не было, буквально ни одной царапинки! Спору нет, побили нас, но неужели даже тот, кого ушиб Митька, нисколько не пострадал? В это трудно поверить... Выходит, это не они, но я что угодно даю на отсечение, те, кто на нас напали, были именно акробатами! И других в городе нет. Вроде бы... мне так кажется...

В кабинет директора цирка я пошёл не сразу, поплутал немного, поприсматривался. Ничего особенно подозрительного не заметил, на меня тоже старались не обращать внимания. Я даже заглянул на их кухню – отдельный закуток с большущей жаровней и корзинами припасов, где сумрачная тётка деловито чистила овощи, придраться абсолютно не к чему. Проходя мимо привязанной козы, невольно показал ей язык. Почему, зачем,

за что, понятия не имею... Нахалка завиляла хвостиком и подмигнула мне с самыми игривыми намерениями. Боже, если она так же вела себя при людях – я влип, от сплетен не отмоешься...

– Ах, сам господин... э-э... участковый почтил нас своим присутствием! – нерадостно приподнялся мне навстречу директор цирка, когда я наконец соизволил дойти до его логова. Баба Яга сидела напротив, деликатно держа в ручках чашечку чая, и в глазах её ясно отсвечивали золотые червонцы. Иногда бабку просто клинит на этом деле...

– И вам здравствуйте! Вот решил заглянуть, побеседовать об уличных беспорядках у входа в ваше заведение.

– Помилуйте, если... э-э... какой-то псих влез на не принадлежащий ему помост и начал... э-э... нести чушь, разве в этом есть хоть капля нашей вины?

– Надеюсь, что нет. Именно поэтому я сразу зашёл к вам, а не стал поднимать в ружьё всю стрелецкую сотню. Вы меня понимаете?

– О, несомненно! И поверьте, моя... э-э... благодарность будет выражена во вполне конкретном и... э-э... достойном внимания эквиваленте! – Господин Труссарди извинился и убежал.

Я проводил его нежной улыбкой, после чего строго обернулся к Яге:

– Простите, вы случайно не забыли, зачем мы здесь?

– Грешна, Никитушка... – с честными глазами перекрестилась бабка. – Но ить ты бы тока слышал, какой он мне процент предлагает, искуситель смертный! А ить и делать-то ровно ничего не надо, сиди себе в партере да...

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

– Дак не навек же контракт кровью подписываю, а тока пока по Руси балаган разъезжает, – с мольбой уставилась на меня наша эксперт-криминалистка. – А в Стамбул, Мельбурн али в Париж я с ними не поеду, вот чем хошь клянусь! Не нужен мне берег турецкий...

– Бабушка!..

– За теремом Васька присмотрит, я-то в ступе, при попутном ветре, туда-сюда, эх, мила-а-й... Одних командировочных стока отсыпаят – озолотимся!

«Киса, зачем вам столько денег?!» – мгновенно всплыло в памяти, я открыл рот для суровый отповеди, но в эту минуту вернулся хозяин заведения.

– Что ж, нам пора! Дела зовут, преступники не дремлют, обязательно забежим на днях, удачи в бизнесе, будет время – и вы к нам!

– Понятно, конечно, несомненно, спасибо, надеюсь, нет... –

скороговоркой выпалил директор, подбрасывая на ладони увесистый кошелёк. – Как я и обещал... э-э... некая безналоговая сумма на развитие и... э-э... поощрение лиц, коих вы, господин участковый, сочтёте... э-э... того достойными! И, кстати, на излечение от... э-э... последствий падения?

– Наступления на грабли. Но всё равно, огромное спасибо. – Я искренне обнял говоруна и похлопал по спине. – Только попрошу отнести все деньги в царский терем и сдать под запись в финансовую часть. Целевой вклад на нужды отделения, там поймут...

– Но... э-э... может быть, просто?..

– Просто быть не может. Да, вашу милую собеседницу я забираю с собой. Контракт пришлите в отделение, мы обсудим... Честь имею!

Сколько сил мне понадобилось, чтобы уволочь оттуда упрямую где не надо бабку, – не поверите... Яга упиралась руками и ногами, цепляясь за всё, что можно, и безобразно шипя, как вздорная сиамская кошка. Задерживать нас, по счастью, никто и не пытался, но на улице мы всё же застали любопытную картину: лежит на мостовой силач-охранник, на нём сидит красный от вдохновения Митька и гвоздит несчастного по лбу неразбиваемым кренделем!

– Есть серьёзные причины? – на ходу поинтересовался я.

– А то! – не прерываясь, откликнулся он. – Злодей в мою сторону смотрел предерзко, а о милиции нелестное мнение в глазах евонных прям-таки и читалось!

– Аргументированно, – признал я, кивком головы приказывая следовать за собой.

Яга постепенно успокоилась и шла уже без ругани, что-то подсчитывая на пальцах. Наш младший сотрудник доложил о доставке занозистого дьяка по месту проживания, перекидывании через забор и компактной укладке на крылечке. Вопрос о новой рясе пока оставался открытым. По пути в отделение раз пять объясняли встречным сердобольным гражданам, где и как наступили на грабли. Если Яга к утру не уберёт синяк окончательно, я начну носить повязку в стиле пиратов Карибского моря. То там, то тут разносились слухи насчёт нового чуда, явленного мощью пресвятого отца Кондрата. Народ в Лукошкине чудеса любит, хотя и относится к ним без лишнего пиетета, но дня три-четыре базар будет жужжать. Это нормально, людям нужно общение...

Отделение (дом родной!) встретило двумя приятностями. Во-первых, гулящий Васька вернулся. С потрёпанным видом, свалявшейся шерстью, грязный до положения риз, но с пламенной любовной мутой в глазах. Рассказывать ничего не стал, стрелы и не требовали, понимающе хмыкая

в усы...

Приятность номер два – с такими же улыбочками мне торжественно вручили маленькую записку из Весёлого дома. Якобы принесла смазливая чернявая девица, просила передать, от кого, зачем – не сказала, больше смеялась, поблёскивая золотым кольцом, зажатым между зубов. В местной табели о рангах это соответствует примерно уровню путаны двух-, трёхзвёздочного гостиничного заведения. В записке было аккуратно выведено всего одно слово: «цирк»...

Похоже, настала пора сесть и серьёзно поразмыслить... Митьку отправили обедать, от «покушать» он никогда не отказывался. Затея с иглой для слежки у нас провалилась, я попросил Еремеева отправить кого-нибудь за Новичковым и ненавязчиво поговорить по душам: вдруг ему что-то показалось подозрительным?

– Бабушка, у меня есть вопрос, – осторожно начал я, пока Яга возилась у печи. – Поправьте меня как специалист, но если в деле Чёрной Мессы мы могли «допросить» зуб и каплю крови, то почему не заставим «говорить» целую косу?

– По причине легкомыслия девичьего, – без обид пояснила эксперт нашего отделения. – Женскому волосу вопросы задавать – дело гиблое, как есть соврёт! А уж когда тех волос цельный пук, да кажный со своим норовом... И не проси, участковый, мне мои нервы дороже!

– Жаль, я думал... может, можно как-то... Ведь обыск в цирке нам ничего не дал.

– Отчего ж ничего не дал?! – Яга отставила ухват и принялась с хрустом загигать пальцы. – Хозяин балагана скоморошьего – вор и плут! В самом шатре волшебство чародейное в немалом объёме имеется. Как тока мы за них всерьёз взялись – покушения злодейские пошли-поехали!

– По-моему, всё это эмоции... Первая серьёзная зацепка только что передана мне из Весёлого дома, читайте.

– Ну вот! А я те что говорила? Уж ежели девчонка малая в цирк побежала да домой не возвратилась, в цирке её и искать следует. Уж коли она там пропала, так, поди...

– Здрасьте вам! Это каким же образом ребёнок мог пропасть во время представления, на глазах у кучи народа, да ещё так, чтобы никто ничего не заметил?!

– Или не понял... – ахнув, присела бабка. Я посмотрел ей в глаза и почувствовал себя полным идиотом. Господи, как же всё просто...

– Цель – подсадить город на наркотики, открыть сеть продаж и грести деньги лопатой. Метод – бесплатная раздача конфеток и подмешивание в безобидные карамельки маленьких стимулирующих доз. Прикрытие практически идеальное – скомороший балаган или передвижной цирк. Народ ходит на представления, дети получают допинг, отыграв своё, шатёр сворачивает манатки, оставив город на «голодном пайке» и на расправу первого же наркоторговца.

Теперь, устранение вредных элементов – то есть нас. Митька вечно лазит в капусту – его легко подставить, «сделав» маньяком-косорезом, одновременно бросив тень на всю милицию. Следом, прямое покушение, с угрозой физической расправы, на меня и государя. Далее, попытка переманивания и подкупа самого ценного сотрудника (вас, бабушка!) с целью полной нейтрализации да ещё и увеличения кассовых сборов.

Исчезнувшие девушки, чьи косы были использованы для подлога, похищены абсолютно прилюдно не вызывающим подозрения фокусом с магическим ящиком. Даже мне не пришло в голову, почему же приглашённую из зала девицу не вернули. То есть как пропала, видели все, а эффектного возврата не было... Что я упустил?

– Куда подевался тот лиходея, коего стрельцы в ногу ранили? – напомнила Яга. Я пожал плечами, понятия не имею. – А тот, что в драке с Митькой на всю голову ушибленный был?

Тоже вопрос без ответа.

– И, самое главное, где ж личности преступные троих девок глупых держат?! В балагане-то их точно нет.

– Вы уверены? Может, сидят где-нибудь в закутке, в клетке под замком, с кляпом во рту?..

– Охти ж мне, страсти египетские... – вздрогнула бабка, наливая вторую чашку чая и пододвигая к себе блюдечко с мёдом. – Врать не буду, по балагану особо не шастала и пленниц не видала, но, глядишь, авангардист твой чего подсмотрел... Хотя какая надежда, потому как с уликами у нас опять же недобор получается.

Я вынужденно кивнул. В плане улик «недобор» – это ещё мягко сказано. Их у нас вообще нет, ни одной. Если бы как-то, задним числом, вернуть наркотики обратно в бочонок и установить слежку? Выяснить, кто за ними пришёл, куда понёс, а уж тогда взять всю лабораторию с поличным, потрясти их связи, которые наверняка вывели бы к цирку,

тогда... Мечтать не вредно. Но выкручиваться придётся с тем, что есть.

– В крайнем случае можно попросить Гороха арестовать цирк под свою ответственность, отдельным царским указом. Потом загнать всю труппу в пыточную, а там поить самогоном до умопомрачения. Они ведь все трезвенники, правда? Вот пусть и...

– Никита, да ты сам-то в уме ли?

– Видимо, нет...

Настроение катастрофически падало, а тут ещё завалившийся в горницу Митька доложил, что Новичков пропал. То есть стрельцы не нашли его ни в цирке, ни дома. Если к вечеру не объявится, я «повешу» себе очередной камень на шею – утопиться со стыда...

– Ты, милоч, участкового дурными вестями с маху по маковке-то не бей, – раздумчиво заступилась Яга. – Поди-ка скажи Фоме Силычу, чтоб богописца сей же час отыскал! Хоть где, хоть на Лысой горе, в третьем овине, у тёщи под подолом семечки лузгающего... А не найдёт, дак наш меч – его голова с плеч!

– Бабушка, вы в своём уме?

– Ох, прости, Никитушка, заигралась, старая...

Я тупо сжал ладонями виски и тихо поднялся к себе наверх. Скинул китель, бросил фуражку на подоконник, кое-как стянул сапоги и с наслаждением плюхнулся на кровать, вытянув ноги. Голова была пустая, как песни российской эстрады...

Впервые за всю мою служебную деятельность подкатывало тошнотворное ощущение, приближенное к банальной безысходности. Будь у меня чуть более истерический склад характера, уже, наверное, вовсю бы ревел, уткнувшись носом в подушку. Что, кстати, с научной точки зрения куда полезнее, чем безмолвные сердечные страдания. Инфаркт у молодых парней моих лет вполне закономерное разрешение переизбытка стрессов на работе.

Нет, можно напиться, в принципе... Пойти к девочкам, в том же принципе, невозможно – мы потом весь город от шока откачивать будем. Мало мне не каждый третий жениться советует... Остаётся баня, квас и массаж, причём последний мастерски делает бабкин кот.

Дверь мягко скрипнула, я приоткрыл один глаз – Василий будет жить долго. Встав на задние лапы, домашний любимец потрогал мой лоб (не горячий ли?), укоризненно покачал головой и выудил из-за спины русую косу с красненькой лентой. Я вопросительно посмотрел на кота, он серьёзно кивнул – надо... Господи, ну какая теперь разница, хуже всё равно не будет. Валяй...

Я поудобнее улёгся на кровати, полуприкрыл глаза, отрешённым взглядом уставившись на мерно покачивающуюся косу. Глубины подсознания дремали... Погружения в нирвану не происходило, но все страхи и хлопоты как-то постепенно отошли в сторону. Взамен пришло тихое умиротворение, мягкий пофигизм принимал причудливо изогнутые формы, а внутренняя музыка наполнялась глубоким содержанием. Мелодию я бы воспроизвести не смог, но явно что-то не из тибетско-медитативного. Чёрный ящик космического пространства медленно раскладывал грани. Получался какой-то чудной геометрический цветок, в сердцевину которого затягивались люди, события и даже само время. Куда всё это потом попадало – неизвестно, но я воочию увидел всех трёх девиц, мелькнувших подолами в психоделической темноте, удивлённого Новичкова, а потом и матерящегося царя. Вот, кстати, на царе видения резко кончились – кто-то требовательно постучал мне мягкой лапой по лбу. Я открыл глаза – на меня с самыми заботливыми физиономиями смотрели Баба Яга, Митька и кот Василий.

– Всё нормально... кажется, вздремнул...

– Да, может, тебе и впрямь поспать, Никитушка? Я вон валерьяночки накапаю, выпей, да и на бочок.

При волшебном слове «валерьянка» кот принял охотничью стойку, едва ли не умоляюще вцепившись Яге в подол.

– Спасибо, наверное, нет. – Я решительно встал, сунул ноги в тапки без задников и взялся за планшетку. – Попрошу всех вниз. Положение очень сложное, практически критическое, посему предлагаю провести мозговой штурм.

– Эта... в смысле, чьи ж мозги штурмовать будем? – нервно поёжился Митя. Бабка тоже не выразила волны здорового энтузиазма...

– Это значит, что все мы сядем за стол и начнём с бешеной скоростью предлагать любые, самые абсурдные, способы максимально быстрого решения поставленной задачи. Мы должны заставить циркачей раскрыться! Просто обязаны, и подчёркиваю, абсолютно любыми средствами. Кому что взбредёт!

Метод был старый и проверенный. Для пущей эффективности в дом заманили Еремеева. Сначала народ стеснялся, но постепенно все вошли во вкус, и предложения (одно другого краше!) сыпались с пулемётной скоростью:

– Обязать скоморохов заезжих самым всю дурную карамель сожрать! А как их с этого дела развезёт не по-доброму, стрельцов еремеевских чертями нарядить да по ночи и нагрянуть. Пушай с перепугу решат, что по

их души грешные! Тока чтоб впереди всенепременно бабуленька наша, как есть без ничего, с крыльями шёлковыми за спиной, верхом на дьяке Филимоне! И всё под орган, орган немецкий, эдак вприсядочку...

– Бабушка, он ПРАВДА не хотел вас обидеть. Расколдуйте, пожалуйста...

– Торговцами заезжими можно перекинуться. Дескать, вот, ищем, кому бы дурь наркотную задешево, полмешка оптом, по любой цене, без навару, тока за свои... Тут мы их за руку и ухватим! А под это дело заодно уж персов да турок погонять не грех, чё-то в последний год развелось их, все базары чёрные...

– Фома, не надо о наболевшем.

– Я ить, сынки, всё думаю, ну отчего ж скоморохи те такие трезвые? Ить все другие-то опосля представления пьют как лошади! Может, эти болезные печенью, может, вера не позволяет, а может, и начальство плетьюм секёт при одном запахе... А ежели это они не так, а с намереньем? Трезвый человек всё на уме держит. А ну как spoить их к чёртовой бабушке, а?!

– Кстати, я же вам это час назад предлагал! Почему бы и нет, попробуем, только... Митю... ага, я просил...

Если отбросить в сторону незначительные повышения голоса друг на друга, одно превращение в веник и разбитую котом чашку (при попытке под шумок углубиться в кринку сметаны...), в целом штурм прошёл успешно. Отсортировав и проанализировав примерно сорок с чем-то предложений, мы остановились на двух. Первое – упоить весь цирк до поросячьего визга! Второе – после чего напугать вусмерть и взять показания! Тут же, на месте, сразу, не отходя от прилавка. Осталось только решить, каким именно способом сделать и то и другое, но это уже детали...

После ужина заявили двое стрельцов с печальным известием о том, что художник-авангардист так-таки нигде и не найден. Последнее место, где его видели, – скомороший балаган, вошёл утром и словно провалился. Остаётся предположить, что ночью Митьке за пазуху подбросят перемазанную краской кисточку. Смех смехом, а весёлого мало, это уж четвёртое бесследное исчезновение под куполом цирка. Видимо, Новичков всё-таки натолкнулся на что-то интересное, потому и был похищен.

Хорошо хоть трупов в этом деле пока не было... Но главное развлечение ждало меня ровненько в двенадцать ночи. Когда не только я, но и всё гороховское подворье было поднято по набату – царь пропал! Поначалу я не волновался (хотя вспомнить странный сон всё же стоило бы)

...

Просто, если помните, один раз по зиме такое уже было. Когда дело об отстреле невест довело государя до ручки, он тихо смылся из терема и спрятался под еврейским флагом Шмулинсона. Однако должен признать, что по тем временам серьёзные причины у него имелись. Интересно, какая муха его укусила сейчас...

– Никитушка, ты уж поспешай, – торопила меня Яга. – Чует моё сердце беду неминуемую, ох недаром матушка царица за тобой нарочных послала! Кабы тока вовсе государя не потеряли... Да Митеньку на охрану возьми!

– Пробовал, парень непробудим ничем тяжёлым или мокрым. Я на него уже полведра вылил! Там ваш Васька теперь кораблики пускает...

– Ой и удружил, догада! А кто ж теперича лужи в сенях вытирать будет?! – взвилась было наша домохозяйка. – Ладно уж, беги, беги, спасай высший эшелон государственной власти.

– Без царя и солнце криво восходит, – в тон отвечивал я, сверяясь с записной книжкой. За последний месяц она буквально распухла от всяких перлов местного фольклора. Когда-нибудь ознакомлю и вас, но не сегодня, разумеется. Сегодня, как видите, я страшно занят...

Ночь была ясная, у ворот ждали Фома Еремеев и двое царских стрельцов верхами, плюс десяток наших. Мне подвели осёдланного жеребца с милицейской конюшни. Сивку-бурку мы без особой надобности не гоняли, на большие расстояния ей цены нет, но в масштабах города – животное просто сейсмоопасное... До государева подворья добрались быстро, небо горело звёздами, бодрил холодный ветерок, и в воротах не торчала надоедливая фигура дьяка Груздева, почему же и не зайти?! Внутри царила непривычная тишина, никто никуда не бегал, не суетился, не кричал – так, трое-четверо бояр шушукались по углам, да напряжённые лица охранников казались чуть более суровыми, чем всегда. В кабинете царя, где мы обычно беседовали, меня дожидалась взволнованная государыня.

– Он есть пропасть! – аккуратно заламывая белые руки, начала Лидия Адольфина, не забыв предварительно поприветствовать меня, извиниться за поздний вызов и справиться о здоровье сотрудников отделения едва ли не поимённо – немецкая вежливость!

– Когда пропал, в котором часу, при каких обстоятельствах?

– Час, три час, пять час назад... Ходить туда-сюда по всей комнат и

много думайт своей светлой головой, – пустилась припоминать венценосная супруга. – Потом как кричит: «Эврика!» То есть латынь, в заводе... приводе... о переводе!.. значить...

– ...«Нашёл», – кивнул я. – А что именно он нашёл, не сказал?

– Найд, но целоваль меня пилко-пилко в щётку... нет, в щёчку! О да!

– Хм... и что потом?

– Одевать весь стрелецкий платье и уходить за дело.

– На дело?

– Я, я! На важный дело – спасать девица, но я не ревновать, – великодушно пожала плечиками государыня. – Их бин... милицейская служба... дас ист опасна и трудна и не видна, так?

– Угу, на первый взгляд практически... – В голову пришло только одно место, куда наш скучающий царь мог направить торопливые стопы. Решил поиграть в одинокого тexasского рейнджера? Как всё-таки плохо, когда люди занимаются не своим делом...

– Мне пора писать заявлений о пропаже мужа, а?

– Не надо, поищем неофициально, у меня и так всю следственную работу от лишних бумаг лихорадит. Судя по всему, ваш муж мог направиться только в...

За дверями раздался нестройный гул шагов, дверь распахнулась, и на пороге возник так и не поумневший Бодров в окружении вечно озабоченной боярской думы. На этот раз он говорил быстро и конкретно, не давая себя перебить:

– Ведомо ли тебе, государыня, что царь наш по делам отлучился исключительным, а уж когда вернётся, да и вернётся ли?.. Однако же в минуты таковые слуги верные тебя, матушка, без поддержки не оставят. Ты уж спать-почивать ложись, а мы, убогие, делишками государственными займёмся...

– Дас ист? – не сразу поняла Лидия Адольфина. – То есть... бунт?!

– Окстись, пресветлая царица! Мы ж тебе на царствие крест целовали, а ты всё на милицию безбожную смотришь, о нас худое думаешь... Отдохни от забот, государыня, а до той поры, пока царь-батюшка не пожалует, мы своим умишком управимся. Временно!

– Майн гот, – наконец-то въехала бедняжка. – То есть подмена... измена?.. замена?! царской власти!

– Доннер веттер, – грустно подтвердил я.

Бодров мгновенно отступил и, захлопывая двери, радостно проорал напоследок:

– Только не убивайся, матушка! Власть – дело не женское, а мы ко

всякому правлению сызмальства приученные. Одного добра тебе хотим, уж посиди взаперти до рассвету, а там поглядим...

Бывшая австрийская принцесса гулко стукнулась грудью в дверь и замолотила в неё кулаками. Увы, видимо, с той стороны держали надёжно. Когда она обернулась, я впервые увидел в её голубых глазах бессильные слёзы...

Вообще-то милиционеры в политику не лезут, ну, не должны лезть по крайней мере. Но ведь и отказать в помощи несчастной иностранке, волей судьбы ставшей заложницей русского престола, тоже никак нельзя! Тем паче что мне здесь до утра куковать как-то абсолютно не улыбается.

– С ума тут сойдёшь с вами... Следствие горит, а им всё игрушки! – Я подошёл к закрытому окошечку, распахнул его и свесил голову вниз: – Еремеев! Фома! Да, да, я тебе кричу! Поднимай всю сотню в ружьё и двигай сюда, у меня проблемы.

Всё понимающий сотник махнул мне шапкой из-за забора и скрылся в ночи.

– Мой друг, вы будете их набивать... отбивать?.. убивать, как ослушников?!

– Нет, просто арестую и подержу в порубе до особых распоряжений. – Я опустил на скамеечку и, зевая, попробовал объяснить свою позицию: – Сколько знаю наше боярство – самомнение у них аж брюхо перевешивает! Вот вас заперли, и довольны, теперь сядут рядом где-нибудь в трапезной, откупорят хмельной мёд и будут всю ночь праздновать победу думы. Во всём тереме их сторонников, может быть, человек пять-шесть, да и те из подручных холопов. Разберёмся мы с ними...

– Посфольте одарить вас большой рюсский спасибо! – с чувством поклонилась матушка царица.

Я рассеянно кивнул, на самом деле меня гораздо больше интересовало, где царь, глубоко ли он влез, и успеем ли мы его вытащить... Благовоспитанная Лидочка в мои размышления не лезла, а, проявив разумную инициативу, активно пыталась докричаться до кого-то внизу. Надеюсь, у неё тоже получилось.

Мысли в голову лезли не то чтобы невесёлые, а скорее какие-то раздражительные. Например, какого лешего нашему драгоценному государю взбрело изображать из себя Джеймса Бонда и в одиночку переться в скомороший балаган вершить правосудие?! Более дурацкого поступка я за ним не припомню. Ну, посудите сами – ведь набегался вроде, по сусалам получил, хлебнул сполна жизни милицейской, к жене любимой живым вернулся... чего ещё надо человеку? Вот найду, посажу в поруб на

весь день, а потом проведу профилактически-воспитательную беседу и... И он нас закроет на фиг! Царь всё-таки. Не получится, жаль...

Снаружи в окошко кинули камушком. Угу, надеюсь, это мои. Я выглянул, козырнул Еремееву и показал пальцем в сторону парадных ворот. Почти в ту же минуту два десятка царских стрельцов приволокли крепкую скатерть и растянули её вниз, держа за углы:

– Не изволь беспокоиться, матушка царица! Небось поймает в лучшем виде.

– Будете прыгать?

– Я.

– Вы, естественно.

– Я, я!

– Ах, вот в каком смысле...

– Очень бояться высоты, – по-детски пожаловалась Лидия, – но долг всего выше! Надо пригать, поднимать фойска, будить народ и брать думу в штурм!

– О нет, не надо, это лишнее. Ещё гражданской войны нам тут не хватало. Просто пойдёте вместе и арестуем их всех чохом.

– Ви пригайт со мной?

– После вас, – деликатно поклонился я, пропуская даму вперёд.

Царский двор тихо наполнялся стрельцами. Организаторов антиправительственного путча не было видно даже намёком. Хоть бы продумали всё как следует, охрану из терема отослали, своих людей нагнали, захватили вокзал и телеграф... Нет, не умеют у нас ещё революции устраивать.

Государыню поймали, как китайскую вазу – нежно, бережно, с почётом и пиететом. Меня дважды подбросили на скатерти, якобы случайно.

Пьяные в дрезину путчисты сидели в главной трапезной и на появление суровых стрельцов под командованием матушки царицы реагировали неадекватно – руганью, иканием и нетрезвыми покаяниями типа «бес попутал».

– Кто здесь временные? Слазь, кончилось ваше время!

Эффектно блеснув основами школьной программы по литературе, я распорядился торжественно отвести в отделение Бодрова и ещё четверых особо приближённых типов. Государыня без колебаний подписала ордер. А с ней, оказывается, приятно работать в паре, учту на будущее...

Даже не упомяну, когда в последний раз я испытывал такое удовлетворение. Упоённым собственной глупостью боярам даже в голову не пришло, что матушка царица окажется столь политически активной. Ей бы положено чинно, по-православному, удалиться в свои покои и вышивать крестиком, изредка проливая горькие слёзыньки в связи с отсутствием мужа. А уж избранные лица боярской думы скрепя сердце правили бы государством, как умели, не обременяя бедную женщину составлением указов, разбором судов, делёжкой земель и угодий, сбором налогов, тратами из казны и прочими безрадостными тяготами власть имущих.

В этом смысле поступок Бодрова со компанией был абсолютно оправдан. Не сомневайтесь, заявись Горох – ему бы тут же всё передали с рук на руки, не чиня ни малейших препятствий к воцарению на троне законного государя. Поэтому свой арест и сопровождение под стрелецкими пищалями в поруб милицейского отделения многие восприняли как кровную обиду. Они-то ведь хотели как лучше! За что ж так-то с родовитым боярством?! Сам бы я, наверное, всё-таки не рискнул, ограничившись внушением, но Лидия Адольфина показала себя куда более решительной... Чего только стоила одна её речь, выданная прямо с крыльца, перед верными стрельцами:

– Зольдатн унд официрен! Пока фаш царь, мой муж, очень есть занят, я – фам мать и отец! Но больше-больше мать! Ви есть мои киндер... Кто сметь сказать, что я не есть фаш мать?! Выходить перёд сюда и строиться шнелле-шнелле, я сама их отшлёпать, по-матерински... нежно... чем-нибудь тяжёлим!

Дураков не нашлось. Сотники первыми заорали «ура!», остальные подхватили, и счастливая государыня смахнула умильную австрийскую слезу.

– Фсех есть любить... Фсем по айн, нет, цвай рубель, и водки, в защёт... учёт... прощёт... казны! Я – фаш мать!

– Да здравствует добрая матушка царица! – восторженно рывкнули бородачи, и я понял, что бояр пора уводить от греха подальше. С неё станется ещё и поквитаться, а у меня в отделении хоть и тесновато, зато безопасно... Царице я пообещал завтра же вернуть любимого мужа. Видимо, просто устал, хотел спать и плохо соображал, иначе бы не стал нести столь явную чушь. Но уж как вышло, так вышло.

Домой добрёл в лучшем случае к четырём утра. Коварный петух

только-только устроился на заборе, напротив моего окна, как увидел меня, входящего в ворота. Птица сдвинула гребешок набекрень, упёрла крылья в бока и возмущённо разоралась, словно требуя объяснить, где я шлялся всю ночь. В свою комнату подниматься не стал, тихо улёгся прямо в горнице на лавке. Сапоги снял, кажется...

Спал нервно, чутко и недолго. Если не ошибаюсь, Яга подняла меня уже в восемь, ей судьба пропавшего государя казалась проблемой более важной, чем мой заслуженный сон. В результате за столом я клевал носом, но все события мятежной ночи изложил в самой подробной обстоятельности.

– Ну, коли такой расклад пошёл, дак что ж козырей беречь... Настала пора и нам зубы показывать, а то, не ровён час, скоморохи заезжие нас без отпору защекочут.

– Есть план?

– Плану нет, есть мыслишки старушечьи, немудрёные...

Угу, иногда бабуля играет в провинциальную скромность, но «тундрой» её никак не назовёшь. Послушаем, послушаем, итак...

– Приоденусь я, старая, поцветастее, да и пойду перед господином Труссарди красой форсить! А уж ты в энто времечко не теряйся – волшебный ящик ищи, на загривок кидай да в отделение родимое волоки. Чую я, через фокус безвредный люди пропадать начали. Да ты и сам помнить должен: сколь человек в него ни лазило, а ни один назад не показался.

– Помню, я и сам об этом говорил раньше... Но если вы считаете, что мне этот гроб в одиночку на плечах унести ничего не стоит, то глубоко ошибаетесь. Его на арену трое здоровяков вытаскивали.

– Ну так Митьку возьми, уж он небось сдюжит.

– Физически – да, но как вы себе это представляете? – зевнув, засомневался я. – Посреди бела дня мы трое заходим в цирк, а через пять минут двери распахиваются, и сыскной воевода с напарником на глазах у всего Лукошкина убегают с магическим шкафом в неизвестном направлении.

– Отчего ж в неизвестном-то?

– Действительно, в очень даже известном. Вообще-то везде подобные действия классифицируются как кража и сурово караются законами всех стран. Да нас свои же сознательные граждане повяжут!

– Народ мы отвлечём, на то при нас цельная сотня стрелецкая есть, – убеждённо отмахнулась бабка. – А вот чтоб сотрудника нашей милиции с преступными намереньями не подставлять, дадим ему вещицу верную,

твоей зазной подаренную.

– Шапка-невидимка? А я уже совсем про неё забыл...

– Дак нужды-то не было. Но в сей час пуцай послужит делу правому. Ужо небось ежели Митя в шапке невидимым станет, кто ж увидит, что он шкаф своровал?

– Взял на время, – деликатно поправил я.

– В научных целях, экспертизы ради, – для виду согласилась Яга.

Операцию назначили на два часа дня. Основная масса лукошкинцев ещё обедает, сегодняшнее представление вроде бы в три, так что времени на акт экспроприации реквизита предостаточно. Вызвали Еремеева, он, как всегда, дважды не переспрашивал, удивлённое лицо не делал, только поинтересовался, хватит ли одного ведра карамельного гороха. Мы переглянулись с главой экспертного отдела и решили, что должно хватить. В конце концов, мы ведь не кондитерскую лавку открывать собираемся, а только отвлечь любопытствующих. Фома кивнул и вышел во двор, дать соответствующие указания. Можно было отвлечься и отдохнуть.

После обеда позвали Митьку, с ним пришлось туже... В предложенной ему роли мгновенно углядел слабое звено и забился под стол, вереща самым свинским образом:

– Не пойду! Не моёт такого быть, чтоб товарищи милицейские меня, сироту безответную, на преступление толкали! Отродясь ничего не воровал (тока по мелочи разве...), а чтоб шкаф волшебный из шатра скоморошьего уносить – такого уговору не было! Нет этого в моих прямых служебных обязанностях.

Знаете, мы даже не пытались его уговаривать и что-то там объяснять. Зачем? Все всё понимают, традиции есть традиции, поорёт, успокоится, сам впереди всех побежит.

– Зря, что ль, маменька учила – не воруй?! Зря ли отец Кондрат в проповедях грозил судом праведным да муками адскими?! Ить всё Лукошкино Митьку Лобова знает как борца непримиримого с жульём, живота не жалеющего. Вон пуцай Никита Иванович прёт – он начальник, ему всё можно! Хоть красть, хоть убивать, хоть прелюбодейничать... Ой!

Это Яга, не удержавшись, ткнула-таки балбеса ухватом. Я сам стоял в тихом обалдении от того, на что он считает меня способным... Потом вытащил из печки кочергу и приступил к «воспитательным методам» вместе с бабкой, но с другой стороны.

– А-а-ай! И хоть бейте меня, жгите, мучьте, рвите на куски, да тока не уронит честь милицейскую сотрудник ваш младшенький... Тело моё схороните на перекрёстке двух дорог, у ворот лукошкинских, чтоб я и

духом бесплотным пути в город ворью бесстыжему преграждал! А панихиду о Митьке, начальством затравленном, пушай кот Васька отпоёт, уж больно у него мурлыканье музыкальное... У вас же прощения прошу и сам всё прощаю, аки агнец безвинный, белокучерявенький! Когда на дело-то выходить, соучастники?

– Примерно через полчаса, – устало откладывая кочергу, выдохнул я.

– Дабы грабёж удачный был, в деле надобно слаженность иметь. – Вылезая из-под стола, этот симулянт и нервотрёп выразительно зыркнул по сторонам и потребовал уточнения деталей. – Бабуля внутрих скоморохам зубы заговаривает. Никита Иванович козе глаза отводит. Я, в шапке-невидимке, шкаф ихний на спину кладу да бежать. Тут чисто вроде... А ежели на улице что?

– Там Еремеев с ребятами заступятся.

– Стало быть, не дадут пропасть... Ну, тады несите шапку, что ль, мерить буду.

Вот это, кстати, была мысль правильная. Ещё минут двадцать мы командно обучали младшего товарища искусству правильно надевать и снимать потёртую тюбетеистую ермолку. Сразу нахлынули романтические воспоминания об Олёне, летучем корабле, Кощее Бессмертном... Тогда всё хорошо кончилось, хотя трупов, конечно, хватало. Но я искренне надеялся, что судьба вновь сведёт меня с этой девушкой – не на узкой тропинке, а просто, по-человечески, когда настанет наш час...

– Ну что, пора?

– Пора, Никитушка, – из комнатки бодро вышла празднично разнаряженная бабка. – На непривычное дело идём, но ежели уж сама милиция без воровства закон и порядок навести не может, значит, и впрямь зло велико, и попустить ему нельзя николи...

– Вот и не попустим! – гордо поддержал Митяй. – А правда, что ночью в тереме царском заговор боярский был?

– Правда, – не стал скрывать я, – зачинщики сидят у нас в порубе.

– А царь-то куда смотрел?

– Царь... хороший вопрос... Вот сам у него и спроси. Если всё получится...

На секунду мне стало стыдно своего служебного равнодушия. Пропавший государь искренне считал меня своим другом, а я до сих пор ничего не сделал, чтобы найти его и вернуть домой живым-здоровым. Ведь, по сути, мы даже не можем наверняка утверждать, что он исчез именно в цирке. Доказательств – ни одного, только зыбкие умозаключения...

Но Митьке всего этого знать необязательно, у каждого из нас своя

задача, и сконцентрироваться надо именно на ней, общую картину сложим после. Забегая вперёд, скажу, что у нас почти всё получилось. Ключевое слово «почти»...

* * *

Ну, для начала денёк выдался не очень... То есть с утра вроде бы солнышко, но ближе к обеду небо захмарилось, набежали жиденькие тучки, и понемногу начал накрапывать дождик. Тёплый, весенний, а всё равно приятного мало...

Из отделения вышли втроём, но по отдельности. Эксперт-криминалист, в новом платочке, цыгановатой юбке и с насурьмлёнными бровями, чуть прихрамывая, впереди всех, яркая, как транспарант. Слева и изрядно позади нарочито медленно шагающий Митька, заранее воровато оглядывающийся и подозрительный до крайности. Справа я, спокойный, как варёная курица, с абсолютно непроницаемым лицом и белыми дрожащими пальцами.

Где-то на задворках мозгов зреют нехорошие мысли о том, что вся афера выглядит дырявее решета и шита белыми нитками, большими стежками, да ещё и неаккуратно, как в детском саду. Кто нам позволит этот шкаф утащить? Как мы его по улице понесём? Зачем он нам в отделении? И, главное, какое я буду делать лицо, когда за ним придёт (а придёт обязательно!) справедливо возмущённая делегация заезжих скоморохов?!

Думать ведь надо! Но нет, мы идём мокрые, сосредоточенные, в перемазанной грязью обуви, воплощать в жизнь «немудрёные старушечьи мыслишки»... Благо хоть дождик разогнал случайных прохожих по домам, и не приходилось здороваться с каждым встречным-поперечным. Да чтоб я ещё раз доверился бабке...

На подходе к цирковому шатру мне окончательно поплохело, но отступать было некуда – не найдём царя, я рискую больше всех, от увольнения и до плахи! Это пока я «добрый дрюг полицейн», а как не верну любимого мужа, так сразу «держатъ отфет, сыскной воевода!».

У входа в абстрактной хаотичности изображали полное безразличие еремеевские стрельцы. Какой-никакой народец здесь всё-таки толкался, особенно много было детей. Взъерошенные, с горящими глазёнками, они сновали повсюду, напряжённо ожидая раздачи «бесплатных» карамелек. Значит, процесс пошёл... Я почувствовал прилив злости и желание действовать.

– Пойдём, Никитушка, – не оборачиваясь, позвала Яга. – Работаем дружно, согласно утверждённому плану. Митенька не заробеет?

– Никак нет, бабуля! – глухо прогудел он.

– А Фома Силыч здесь ли?

– Еремеев стоит справа, пакет с конфетами у него за пазухой, – присмотревшись, доложил я.

– Ну, тады ни пуха ни пера, мальчики...

– К чёрту! – тихо отозвались мы.

Бабка подхромала к охраннику и скрылась внутри скоморошьего балагана. Я должен был досчитать до двадцати. Время тянулось медленно...

– Никита Иванович, мочи моей больше нет – дозвоьте первым идти!

– Не дозволю! Самостоятельно ничего менять не будем. Если на арене всё чисто, я тебя позову. Гуляй у входа.

Лично мне тоже пора. Силач-охранник посмотрел на меня без улыбки, но пропустил. Проход к арене оказался абсолютно свободным, никто не репетировал, – видимо, Яге действительно удалось как-то отвлечь всю труппу. Привязанная к колышку коза подняла на меня сонный взгляд, но ничего не сказала. Магический ящик фокусника стоял здесь же, в углу. Так, значит, пока всё складывается в нашу пользу. Я пулей метнулся назад и, высунувшись из-за плеча охранника, показал ожидающему Митьке два пальца. После чего тактично постучал атлету в спину:

– Прошу прощения, может быть, мне показалось, но не кажется ли вам...

Как и многие гориллоподобные типы, парень обернулся ко мне всем телом. Выслушать до конца, что же я имею в виду, ему не удалось – Митькин кулак по загривку укладывал бычка-трёхлетка, а уж человека... Переступив через едва не придавившее меня тело, бывший Супермен схватил в охапку указанный шкаф, без лишнего кряхтения взвалил его себе на спину и повернулся на выход.

– Шапку забыл!

– Прости господи меня грешного... За поясом она, уж не сочтите за труд, наденьте, а?!

Я кое-как напялил ермолку на Митькину башку, и... мой напарник пропал! Добро бы со шкафом... Я уже говорил «почти», так вот, сам Митяй виден не был, но отличный магический шкаф, висящий в воздухе в метре от пола, никуда не делся!

– План номер два! Беги, Митя...

– Небось не остановят! Главное дело, не поскользнуться бы...

Из балагана он вылетел с хорошей реактивной скоростью, набирая обороты на ходу. Комья грязи и жёлтые брызги веером летели во все стороны... Казалось, шкаф фокусника выброшен вон некой волшебной силой и удаляется в неизвестность, петляя под дождём! Как я и говорил, кое-какой народец на площади всё-таки тусовался. В иное время за таким чудом резво припустило бы в погоню пол-Лукошкина, но мы это предусмотрели.

– А вот кому гороху сладкого, циркового, как всегда, бесплатно! Подходи, налетай, пока так угощают! – дружно взревели еремеевские стрельцы, полными горстями предлагая заветное лакомство.

Конфеты, разумеется, были самыми обыкновенными, но слово «циркового» сыграло свою роль. Мгновенно позабыв о летающем ящике, детвора, да и кое-кто из взрослых накинулись на стрельцов, до отказа набивая карманы карамельными горошинками! Я молча вытер холодный пот со лба и присел на корточки, похлопав по щекам всё ещё лежавшего гиревика. Тот глухо замычал, отлично, надеюсь, скоро придёт в себя. Дальше здесь задерживаться не стоило. Выйдя из шатра, я попросил Еремеева дожидаться Ягу и проводить её в отделение.

Дождь усиливался... Пока шёл к терему Яги, вымок окончательно, зато лично убедился, что широкие следы Митькиных лаптей размыло полностью. Разумеется, мы с ним лихо наследили в шатре, но это уже не столь важно, если поймают – улики против нас и так предостаточно! Погони вроде не было. В такую слякоть представление, скорее всего, отменят, – кто ж по дождю пойдёт грязь месить? Может быть, шкафа сразу и не хватятся...

Если кто чего наверняка и видел, то это только коза. Глаза у неё на тот момент были круглые и размером с царские пятки! Ещё бы, любой сон проходит, когда у тебя под носом два милиционера шкаф воруют. Но она, как животное бессловесное, вряд ли сумеет дать нужные показания... И на том спасибо! Был бы на её месте кот Васька, он бы дал, да ещё и письменные...

Ворота отделения стояли раскрытые нараспашку. Вымокшие часовые честно дожидались меня, всем видом показывая, что «экспроприация мебели» прошла удачно. Шкаф замер посреди горницы. Грязный, как гоголевская свинья, Митька сидел рядом на полу. Судя по всему, парень поскользнулся, и не один раз, но задание выполнил. Шапка-невидимка валялась на столе рядом с самоваром, не потерял, совсем молодец...

– Отдышался?

– Ежели служебный долг потребует, я и с телегой гружёною на горбу

всё Лукошкино обегая, – чуть запинаясь, выдал он, принимая из Васькиных лап ковшик холодной воды.

Я подошёл к магическому ящику, осторожно ткнул пальцем крышку, ничего не произошло. Новичков здорово над ним поработал, ни малейших следов обгорелых дыр заметно не было. Наоборот, всё сверкало лаком, люстром, позолотой, разноцветными звёздочками, салютами и вроде даже какими-то немыслимыми рыбками, то ли кусающими, то ли целующими друг друга.

– И что ж теперича нам с энтой бандурой делать?

– Нам? Ничего. Вот Баба Яга придёт и проведёт все необходимые исследования, а там экспертиза покажет.

– Дак я и сам видел, чего уж там...

– Что видел?! – сразу напрягся я.

Митяй немного помялся и признался:

– Да... ничего в общем... Как упал на углу Базарной, шкафчик-то возьми да с плеч и соскочи! Хорошо не в грязь, меня-то вон как извазюкало, еле выплыл... А в ящик заглянул – пустой он, нет там никого.

– Ну... по идее и не должно быть, – пожал плечами я. – Что ж они все, так бы и сидели в этом шкафу друг у друга на голове?! Тем не менее Яга считает, что три девушки, художник и... ещё один человек пропали именно благодаря этому шкафчику.

– Так, может, там дыра какая или лаз тайный? Ну-к, ну-ка...

– Митя, сядь! Я же сказал, до прихода специалиста никаких...

В том, что произошло дальше, трудно было винить и меня и его: всё произошло слишком быстро. Любопытство сгубило немало кошек, но котов ещё больше. Вальяжный Василий, разминая лапки, прыгнул на шкаф, обнюхивая его, толкнул дверцу и незаметно ввалился внутрь. Посмотрел на нас оттуда, пока не шугнули, и вдруг исчез во вспышке синего пламени. То есть был кот, блеснуло – и нет кота! Первоначально мы, естественно, не поверили... Посмотрели друг на друга, протёрли глаза, убедились, что не спим, и только потом заорали во весь голос! Потому что оба одновременно представили, что скажет по этому поводу Баба Яга...

– Никитушка, Митенька, да будет вам горло драть! Али случилось чего?

Так, бабка будет жить долго, легка на помине. Оборачиваясь, мы попытались улыбнуться как можно простодушнее...

– Ох, не томите, соколы, – нешто шкаф волшебный поломали?

Тут мы честно замотали головами, хотя лучше бы он был поломан.

Бабка подозрительно сощурилась и пристально оглядела горницу:

– Дак что ж тогда? Полы грязью изгваздали? Печь белёную поцарапали? Щи вчерашние по углам разлили?

Сказать правду язык не поворачивался ни у меня, ни у него. Поймав тоскливый Митькин взгляд, я понял, что он со мной прощается, потому что пропажу любимого кота Яга не простит никогда и никому.

– Да тьфу на вас, молчуны зловередные... я вона Васеньку своего верного спрошу-повыспрошу, уж он небось не будет скрытничать. Вася! Василий! Вася-а... ау!

Голос нашей домохозяйки дрогнул, а расширившиеся глаза наполнились ужасом и пониманием. Мы с Митькой прижались друг к другу, сознавая, что именно сейчас и начнётся всё самое страшное. Ну... оно и началось...

* * *

Бабка выла не переставая! Тихо, надрывно, на одной ноте, но так, что душу наизнанку выворачивало. Разумеется, второго такого кота в природе просто не существует, этот был едва ли не коронованный принц всего кошачьего племени, красоты неопишуемой, ума недюжинного, ласковости неумеренной, и если с ним что случится – она на себя сама руки наложит... Насчёт последнего (впрочем, как и всего вышеперечисленного) я крупно сомневался – Яга и суицид – суть вещи несовместные. Но то, что нам двоим она жизнь отравит, – это точно...

Все способы успокаивания, уговоров, упрасиваний и извинений были использованы, – ничего не помогало. Единственной возможностью хоть как-то загладить непростительную вину (не уследили, видишь ли!) оставалась клятва – сию же минуту пойти туда, не знаю куда, и вернуть Ваську на место. Ни у меня, ни у Митьки, а главное, у бабули ни малейших сомнений насчёт того, что мы её, клятву, уже принесли, – не было. Впрочем, как и времени сесть и написать завещание...

Поэтому, взявшись за руки, мы с напарником дружно шагнули к волшебному ящичку. Будь он проклят, кстати! Первый раз в жизни пошли на воровство, и на тебе – скоропостижное божье наказание. Ну почему настоящих преступников оно не настигает с такой похвальной скоростью?! Я первым взялся за лакированную дверцу...

– Стой... – жалобно окликнула Яга. – Куды спешишь, не подумавши...

– Остаться подумать?

– Чё ж тут думать, Васеньку спасать надо! – гневно рявкнула наша эксперт-криминалистка, но тут же добавила: – А вот назад как ворочаться намерен? Может, ящик энтот тока в один конец отправляет?! Не знаешь... Ну тогда вот, тут где-то был у меня клубочек маленький путеводный. С ним не пропадёшь, тока за нитку крепче держись, не то унесёт...

Отвязаться от клубка не удалось. В некоторых случаях бабка невероятно консервативна: понятие топографических карт, компаса или два квартала налево, один направо, постучать условным стуком в третье окошко с краю, где на подоконнике утюг... Короче, это не в её стиле. Сивку-бурку с собой не возмёшь, она в шкаф не полезет, шапку-невидимку у нас тоже отобрали. Яга загнала нас обоих в магический ящик, куда мы кое-как втиснулись, причём Митьке пришлось втянуть живот, а мне давить на него плечом, и всё равно дверца не закрывалась.

– Никитушка, ну-кось, ещё прижмись!

– Бабушка... я не могу больше... он же всё пространство заполнил, как вакуум!

– Грех вам жаловаться, Никита Иванович, я ить и руки поднял, и вдоль трёх стен размазался... а вам всё мало?! Дак не кушали бы стока...

Я не успел ему достойно ответить. Не сомневайтесь, сказать мне было что, и слова подходящие сами с языка рвались, хотя в обычном обиходе я подобных выражений себе не позволяю. Но, как вы, наверное, уже догадались, именно в этот момент в глаза нам ударил синий цвет и пол под ногами плавно растворился.

Провалились в темноту, вцепившись друг в друга для гарантии, что не потеряемся. Хотя на самом деле, наверное, Митька обхватил меня обеими ручищами и орал так, что у меня фуражка съёжилась. Может быть, и я, в свою очередь, вопил не тише, но Митькино брюхо глушило все звуки, а мне ещё надо было как-то умудриться дышать. Падение напоминало скоростной спуск в лифте, та же противная дряблость в ногах и тошнотворное ощущение в похолодевшем желудке. Не видно было ни зги, но время тянулось медленно, и на каком-то этапе я поймал себя на том, что ожидание затянулось. Вопли сверху тоже оборвались незаметно...

– Никита Иванович, чё-то долго мы летим-то, а?

– Главное, чтобы приземление было мягким, – машинально ответил я. – Мне кажется, там как-то должны были определиться с этой проблемой. Если бы всех просто плющило об асфальт, не было бы смысла затевать такую кутерьму с перемещением.

– А-а... ну, тады не страшно. Вот, помнится, позапрошлым летом я с телеги летел, дак так костью заднею хряпнулся – три дня отключенный

ходил, сутулясь ракообразно. Как сейчас помню, ехали-то мы с Гришкой Датским (поддавал по-чёрному, прости господи покойного...), да спешили очень. Ему, вишь ли, сон почудился, будто бы батя евовный не своей смертью умер, а братом родным был за ухо ядовитым зубом укуснутый. Маманя-то Гришкина после похорон за деверя своего замуж и пошла, чего ж хозяйство терять?! А Гриша отмстить задумал, всё мучился, говорил...

– Быть иль не быть?

– А вы откуда знаете?!

– Да уж знаю... И вот ещё, ты прав, Шекспир – безбожный плагиатор!

Митька напряжённо засопел, пытаясь сообразить, всерьёз я это говорю или опять над сиротой измываюсь. В это время внизу блеснула узкая полоска тусклого света, и мы мягко плюхнулись на целую копну соломы. Даже спружинили два раза, я сверху! Что, кстати, правильно. Если бы наоборот...

– Тихо ты, сыскной воевода, кота задавишь!

В углу небольшой, но уютной темницы сидел царь Горох собственной персоной, меланхолично почёсывающий за ухом нашего Ваську. Кот млел и никаких попыток вернуться в дом к любимой бабушке не проявлял... Я встал на ноги, отряхнулся, огляделся – тюрьма как тюрьма, вполне классическая. Стены из нетёсанных брёвен, дверь дубовая, крохотное оконце забрано грубой решёткой, а за окном густой лес без малейшего просвета.

– А вас, между прочим, жена дожидается...

– Ну прости, прости дурака! – глядя в пол, глухо буркнул государь. – Не след мне было одному в балаган скомороший идти. Думал, припугну их гневом царским – они враз во всех бедах признаются да явку с повинной по всей форме представят. Дело закрыто, всей милиции честь и хвала, да и я развеюсь со скуки смертной. А они навалились гурьбой...

– Кто именно? – привычно уточнил я, хлопая себя по карманам. Чёрт, верная планшетка осталась на столе, карандаш и блокнот, скорее всего, в ней же, придётся просто запоминать.

– Да эти... ну... которые в цирке-то... я уж дрался, аки богатырь Илья Муромец. Где вперёд махну – улица, отмахнусь – переулок! Кого за руки схвачу – тому руку вон, кого за ногу...

– Сколько их было?

– ...тому ногу вон! А уж кого за голову поймаю, так и вовсе...

– Врёт он, Никита Иванович, – с пониманием вздохнул Митька. – Сей психотип виду холерического, нраву экстравертного, в ошибках не признаётся николи, но стыд имеет и краснеет неподходяще. Вы бы, царь-батюшка, хоть у милиции перед носом лапти из парчи не плели... А

горбатого лепить мы и сами горазды.

Горох вскинулся и едва не обрушился на нас с кулаками. У него просто слов не было от ярости! Но обошлось почему-то... Попрыгал, подышал тяжело, поворачивал глазками бегающими и... к стенке отвернулся, надутый словно жаб. Или нет? Не помню, как правильно называется жаба в мужском роде, но вот поверьте, царь в тот момент был похож именно на него!

Обоюдное молчание затягивалось, кот покосился на меня с явным неодобрением, и пришлось вновь брать командование в свои руки.

– Ладно, мир. Плюнули три раза через левое плечо и забыли. Митя, извинись перед государем.

Мой напарник послушно шагнул вперёд и молча отвесил низкий поклон «до земли». Горох обернулся и ответил ему чуть менее низким поклоном в пояс. Хорошо боярская дума этого не видела – зрелище царя, кланяющегося простому милиционеру, довело бы их всех до повального кондратия.

– А теперь скажите, вы тут трёх девушек не видели? Две относительно взросленькие, одна совсем ребёнок, лет шести-семи. Характерная примета: у всех отрезаны косы.

– Видать не видел, но слышать – слышал! – Надёжа-государь кивнул в сторону правой стены. – Оттуда вроде плач тоненький доносился...

– Понятно. – Я подошёл к тяжёлой двери и нажал на неё коленом. – Крепкая! Но, похоже, запирается снаружи на простой засов. Митя, сможешь высадить?

– За-ради дела лба не пожалею!

– Только не головой! Да знаю, знаю я, что она у тебя чугунная, и всё-таки... не надо... пригодится ещё.

Ну, провозился он с ней (с дверью!) не больше минуты. Кто бы ни строил этот бункер в лесу, наверняка не рассчитывал, что запор должен удерживать мамонта. На расшатанных косяках остались висеть лишь вырванные с гвоздями петли...

* * *

– Вась, выйди, пожалуйста, проверь, как и что... – запоздало приказал я исчезнувшему в образовавшемся проёме кошачьему хвосту. Оружия ни у кого из нас не было, в ящик не влезало, а у государя, разумеется, всё отобрали. Но, с другой стороны, нас уже трое – это какая-никакая, а

опергруппа!

Митька резким кувырком выкатился по страдальчески всхлипнувшей двери и с криком «ки-й-я-а-а!» принял левостороннюю стойку. Мы с царём неторопливо вышли следом. Лес, поляна, никого... Кругом сосны столетние, бурелом дремучий, и хоть бы одна белочка с ветки улыбнулась.

– А Васька-то где?

Я пожал плечами, откуда-то справа раздавалось невнятное горловое урчание. Свернув за угол, мы обошли избу (дом, сарай, сруб, склад, тюрьму – назвать можно как угодно) и обнаружили с противоположной стороны такую же дверь. Прямо перед ней валялся обомлевший от неожиданности шамахан, а на его груди грозно восседал бабкин кот, вооружённый эффектного размера когтями, так сказать, оружием естественного происхождения.

– А охранник-то всего один, – засучивая рукава, вздохнул царь. – Видать, не боятся, что пленники дёру дадут.

– Естественно, куда здесь бежать – кругом лес. Митя, если не затруднит, сломай и эту дверь.

– Так и... – почему-то замялся он.

– Какие-то проблемы?

– Нет, но... это... может, просто засов отодвинуть?

– Хм, ну... отодвинь. – Теперь уже мне пришлось краснеть, потому что такое простое решение меня почему-то не осенило.

Шамахан покосился на нас злыми узкими глазками, но разумно не сделал даже робкой попытки дотянуться до лежащего рядом копья. Кот бдил за ним с целеустремлённой мордой отпетого самурая. Перешагнув через них, я осторожно сунул нос внутрь и... едва не был сбит с ног тремя визжащими девицами.

– Дяденька милиционе-э-эр!!! – На шее повисла самая маленькая, сирота Ньюша.

Дородная купеческая дочка, рыдая, обхватила меня за талию, а скромная дочь ткача выла, обняв за колени. Как я вообще не упал под таким наплывом... Ну, слава тебе, господи, что хоть живы все! Сентиментальный Митька плакал на плече у сурового царя, я тоже был облит слезами сверху донизу. Расспрашивать несчастных о чём бы то ни было не представлялось ни малейшей возможности, наверняка девчонки и без того натерпелись страху.

Значит, через магический ящик можно попасть прямо в лес, в шамаханские руки и... просто сидеть в плену? Но зачем? Мы их уже сколько дней ищем, а они тут в домике прохлаждаются?! Не очень-то

похоже на шамаханов... Те давно бы угнали девиц в рабство, продали, заставили работать или ещё что... В общем, нашли бы применение... Странно всё это, неправильно, нелогично.

– Мяу-у-у!

Я дёрнулся назад, успев заметить толстого Ваську, отлетающего в кусты. Видимо, и он отвлёкся на общую мелодраму, а пленный часовой свой шанс не упустил. Митька с Горохом бросились было в погоню, но мерзавец скрылся в буреломе, визжа, как ошпаренный ирокез.

– Уходить надо, Никита Иванович! Не ровён час, подмогу позовёт, супротив всей орды кулаками не отмашемся.

– Не спорю, идём. Только отцепите от меня этих... гражданочек, пожалуйста.

А вот отцепление произошло не так гладко. Уже никому не верящие девчонки ни в какую не хотели меня отпускать, а купчиха даже расцарапала Митяю щёку, чтоб «не мешал обниматься»... Кое-как мы, три здоровых мужика, справились с ситуацией и взяли власть в свои руки.

Лишний раз помянув добрым словом предусмотрительность нашей эксперт-криминалистки, я поставил впереди всех героического кота и вытащил из кармана красный клубок. Сначала аккуратно привязал его за ниточку к портупее, а уж потом спокойно бросил наземь. Сказочная техника не подвела – сделав один пробег вокруг сруба, путеводный колобок двинулся прямо в чащобу по едва заметной тропинке. Наша группа вытянулась в длинную колонну и, едва успевая уклоняться от колючих хвойных лап, рванулась домой. Это мы так думали... Как оказалось, у клубка было собственное мнение на этот счёт.

Должен признать, что дорогу он выбирал умело, ни в болото не завёл, ни в овраг, ни в глушь непролазную. Хотя понятие роста понимал исключительно по себе, где ему подпрыгнуть вольготнее, там и нам, значит, пройти по силам. В результате раз шесть пришлось ползти меж пеньков и кочек, исцарапались и искололись все, потом вроде бы стало посвободнее.

Естественно, долго выдержать такой десантный марафон девушки не смогли. Маленькая Нюша сдалась первой, и я понёс её, усадив себе на закорки. Воодушевлённая «новой лошадкой», девочка упоённо хихикала и подбадривала меня босыми пятками. Ещё через какое-то время государь усадил к себе на спину дочку простого ткача. Купчиха сама полезла на моего напарника, не желая отставать от галопирующих подруг по несчастью.

Положим, нам с Митяем это вменялось в службу – мы ко всякому привычны, а вот Гороха я в тот момент круто зауважал. Ни малейшего

чванства, никакого высокомерия, даже не подумаешь, что он царь и возить на себе простолудиноку попросту не обязан! Нет, в простом стрелецком платье, не гордясь и не чинясь, Горох упорно тащил на себе Дуню Брусникину до тех пор, пока сам не начал задыхаться и сбавлять ход.

Честно говоря, к этому времени у нас всех язык уже свешивался через плечо. Даже бегущий налегке Василий то и дело вытирал лапкой мордочку и загнанно дышал. Не уставал один клубок и скорость сбавлять тоже не желал, приходилось сдерживать бегуна силой. Благо нитка оказалась крепкой, и несколько раз клубок едва ли не висел в воздухе на натянутом «поводке», рыча, как рвущаяся вперёд служебно-розыскная овчарка!

Погони вроде бы не было. А если и была, так мы могли и не заметить, не до неё, знаете ли... Брели в сумерках, кроны деревьев смыкались над головой, пропуская минимум солнечного света. Предполагать, где мы, куда попали и когда выберемся к людям, не хотелось, чтобы не травмировать свою же психику. Если охранником был настоящий шамахан (а я их посмотрелся в своё время!), то, значит, нам очень далеко до Лукошкина. То есть теоретически можем пилить по лесу дня три, потом выбраться куда-нибудь к самым дальним деревушкам, а оттуда...

Поддавшись-таки пораженческим мыслям, я не сразу осознал, что неутомимый клубок остановился и больше не тянет меня вперёд. Однако... вокруг по-прежнему стоял густой лес. Куда мы пришли, спрашивается? Я едва не наступил на хвост коту, в мою спину врезался носом царь, его, в свою очередь, чуть не сбило Митькино пузо. Зрелище, представшее нашим взорам, выглядело как антикварная фантазия архитектора-психопата.

– Избушка на курьих ножках... Не смешно.

Перед нами действительно стояло кособокое сооружение из грубо обработанных брёвен, с горбатой трубой, жёлтыми черепами над входом и настоящими куриными ногами (если бывают куры шести метров росту!) Всё замшелое, грязное, обросшее паутиной и пыльное, как мечта аллерголога. Но самое обидное, что клубок здесь-то и сдох, словно выполнил свою миссию, выведя нас к «дому»...

– Никита Иванович, а вот разуйте глаза сироте, это что ж, бабуля так шутку пошутила или и впрямь... Да не ёрзай ты по хребту, гангрена!.. и впрямь клубком ошиблась с бодрого склерозу?

– Не смей так говорить о своих же заслуженных сотрудниках! – Горох, не удержавшись, пнул Митьку сапогом в зад. Тот сдуру ответил тем же! Девицы на их спинах радостно взвизгнули, всерьёз изготовясь к конному бою.

Я спустил девочку наземь и решительно встал между драчунами:

– А ну, прекратить внутриведомственные разборки! Вижу, что устали, нервы на пределе, душа разрядки требует, но ни рук, ни ног не распускать! Митя, даже не надейся доплюнуть до государя, я всё вижу! А вы тоже хороши, взрослый человек, а ведёте себя, как... Что тебе, девочка? Не видишь, дядя-милиционер занят...

– Кричат! В лесу, слышите... – Малышка упорно теребила меня за рукав, пока я сам неожиданно не осознал, что это значит. Погоня! Шамахань могут идти по следу, как дикие звери, и если мы куда-нибудь не спрячемся, то крупно влипнем. Решение было только одно!

– Всем в избушку, живо! Женщин, детей и инвалидов – первыми, – командовал я, подсаживая Ньюшу наверх, крыльцо находилось примерно на уровне моей груди.

Дуню Брусникину тоже забросили без проблем, а вот с дородной дочерью купцов Обмылкиных пришлось повозиться. Толстая дура орала, визжала, брыкалась и вопила, словно её тут убивают, а мы её всего лишь раскачали и подкинули... Кстати, довольно удачно, если не считать чего-то, громыхнувшего внутри избы. Бабкин кот, несмотря на изрядный вес, полноту и одышку, легко взлетел вверх и шмыгнул за дверь, уверенно задрал хвост. Держу пари, он здесь не в первый раз...

Сначала на крыльцо вскарабкались Митька с царём, потом они за руку втянули меня. Беспольный клубок оставаться в одиночестве не пожелал и нагло запрыгнул внутрь, стукнув Василия в лоб, кот полез мстить. Охотничий вой преследователей теперь слышался абсолютно отчётливо, по переливчатой разноголосице я бы насчитал до полусотни шамаханов, но легко мог и ошибиться. Прикрыв за собой хлипкую дверь, мы быстро взвесили шансы.

– Оружия нет, обороняться нечем. Надо было б хоть копьё шамаханское подобрать.

– Прав царь-батюшка, тута из всей справы воинской утюг да ухват, заслонка от печи, ну и кочерга ржавая, – пустился загигать пальцы наш младший сотрудник. – Вот разве чугунок большой вам на голову надеть вместо шлема... А что? Нам ваша светлая головушка всего дороже, не ровён час, огребёте тяжёлым – дык кому нужна стукнутая милиция?!

Я мысленно поставил себе зарубочку в памяти – обязательно разобраться с болтуном по возвращении, но сейчас важнее другое, мозг с лихорадочной скоростью перебирал все возможные варианты, а погоня неумолимо приближалась. Спасённые девушки чинно уселись в рядок на длинной пыльной лавке и, безмятежно позёвывая, ждали, пока их спасут

окончательно. Завидное присутствие духа выказал всё тот же Василий, набив морду клубку, он подёргал меня за штанину и начал резво размахивать лапками, активно пытаясь донести нечто из азбуки глухонемых. Я одним жестом заткнул рты соратникам и постарался максимально сосредоточиться:

– Я внимателен и настроен на приём. Так, первое слово... вокруг? Мир? Небо? Всё вокруг... это... дом? изба? Изба! Как это мягче, пушистее, ласковее? ... избушка? Есть! Первое слово – избушка, второе? Вокруг, мир, небо... всё... опять избушка, что ли?

– Никита Иванович, вот они, злыдни! Набежали гуртом, на штурм брать будут... Борониться али по-мученически сгинуть?

– Митя, ну нельзя без глупых вопросов?! Борониться, естественно! Возьми утюг и гаси по голове каждого, кто полезет в дверь, царь с ухватом защищает окно, через трубу они не пройдут. И держать оборону, пока я что-нибудь не придумаю! Вася, извини, продолжай...

К чести присутствующих скажу, что все повиновались моему командирскому тону безоговорочно! Я же и близко не представлял, какое количество шамаханов на нас напало, чем они вооружены, сколько времени мы сможем продержаться...

– Избушка, избушка, встань? становись, смирно, нет? Встань?! Ага... так, куда? К окошку? за окошко? к лесу! Чем?! Не понял, Вася, это как-то очень уж... здесь женщины, Вася, ещё раз... пузом? нет... грудью? а, передом! Так бы сразу и сказал! А задом к кому? К этим?! К шамаханам, да? Цитирую дословно: избушка-избушка, стань к лесу передом, к шамаханам задом, так?

– Никита Иванович, не удержу, уж больно много... – в отчаянии простонал мой напарник, без устали опуская тяжеленный ржавый утюг на бритые головы в малахаях.

– Вася, не работает! Может, что-то не так?

Кот выразительно подбоченился и топнул правой лапой. Я постарался так же выпятить грудь и, повторив формулу, топнуть ногой. Изба заскрипела, и пол ушёл влево... Я грохнулся прямо на трёх девиц, сбив по дороге царя с ухватом. Митька едва не вылетел с крыльца, упустив утюг и вопя благим матом. Облепившие дом шамаханы посыпались в разные стороны, как детские кегли.

Кое-как встав на четвереньки, я вновь проорал тот же приказ, только наоборот: «К лесу задом, к шамаханам передом!» Дав обратный ход, изба успешно скинула последних зацепившихся. Кое-как держась за подоконник, я встал на спину Гороху и выглянул наружу – мать честная! Да

нас тут атакует целый батальон, не меньше! С саблями, копьями, ножами и зубами, хорошо ещё без луков и стрел с «греческим огнём».

– Василий, а бежать она может?

Кот неопределённо пожал плечами, развёл лапами и кивнул, дескать, кто её знает, пробовать надо...

– Избушка-избушка, а ну к шамаханам задом, к Лукошкину передом – бегом, марш!

* * *

Изба на секунду застыла, переваривая непривычное предложение. Потом куриные ноги сделали первый широкий шаг... Шамаханы взвыли, как бешеные, видно, кому-то наступили на мозоль, кому-то отдавили пальцы, но изба шагнула второй раз, поприседала, словно разминаясь, и неожиданно резво бросилась вперёд. По-е-ха-ли-и-и...

Старая добротная избушка неслась вперёд куриными прыжками, неизвестным чутьём выискивая дорогу в чащобе. Сзади вопила разъярённая толпа шамаханов, в нас кидались всем, чем могли (копьями, топорами, ножами), но особого вреда это не приносило. Горох хохотал как сумасшедший, Митя, свесив голову в окошко, стонал, что его укачивает. Три похищенных красы в обнимку забились под печь и сидели там тише мышек. Приличествующее участковому спокойствие сохранял только я. Конечно, шамаханы по-прежнему гнали нас, словно питекантропы бурого мамонта, а с другой стороны, изба медленно, но верно уходила, постепенно оставляя погоню позади.

Морской болезнью я не страдаю, а операция прошла настолько успешно, что хоть празднуй всю неделю. Ну, судите сами. Все три девушки живы-здоровы и в надлежащем состоянии будут возвращены безутешным родителям – это раз! Царь нашёлся в здравом уме и трезвой памяти, спешит домой обнять любимую супругу – это два! И самое приятное, что если все дадут показания, то улик против цирка трезвых скоморохов наберётся более чем достаточно – это три! А-а, прошу прощения, нашей Бабе Яге будет торжественно возвращён домашний любимец, нас с Митькой простят, и наступит всеобщее, я бы даже сказал, вселенское счастье...

Час спустя лес заметно поредел, а шамаханские крики давно затихли вдали. Эйфория бурного успеха прошла, но радость от чувства выполненного долга всё ещё грела сердце. Ещё через пару часов мы вырвались на степные просторы. Государь, вынув из окна моего уже

зелёного сотрудника, внимательно взгляделся в горизонт и подтвердил:

– В верную сторону бежит. Вона слева колоколенка видна, то деревня наша Подберёзовка, от неё по столбовой дороге с эдакой-то скоростью до заката в отделении будем!

– О, так вам ещё служба милицейская не наскучила?

– Не серди меня, сыскной воевода, уж и забыл, когда весельем таким душу тешил! – Горох шутливо хлопнул меня по плечу и молча протянул ладонь. Мы крепко стиснули руки, и я с тоской подумал о том, что же надо будет такое сообразить, дабы вернуть этого героя на трон. Нет, мне в опергруппе всегда люди нужны, но пусть всё-таки каждый занимается своим делом.

Пока добирались, попробовал ещё раз выстроить в голове всю схему преступления и направления наших адекватных действий. Вроде бы получалось гладко, за исключением пары-тройки моментов. Кто всё это придумал? Какова истинная роль господина Труссарди, фокусника и силача-охранника? Знают ли об их деятельности остальные артисты? Связан ли запрет на алкоголь с работой по производству наркотических конфеток? Куда делся раненый акробат? Куда исчезли четверо каратистов, напавших на нас по выходе из Весёлого дома? Ну и ещё кое-чего по мелочи...

На половину вопросов мы получим ответы, когда возьмём директора цирка. Какой-то свет прольют свидетельские показания. И тем не менее всё это не избавит нас от возможного ряда проблем, связанных с антиобщественными выступлениями в защиту «бесплатной» раздачи «безобидных» карамелек. Короче, может быть бунт, и кто-то очень хочет, чтобы его идейным вдохновителем стал настоящий борец за справедливость – дьяк Филимон Груздев! Всё вполне логично, более подходящего идиота на роль козла отпущения у нас в Лукошкине просто не сыскать...

Избушка, несмотря на древний возраст, успешно продолжала свой марафонский бег, хотя до заката мы, конечно, не успевали. Солнце неспешно укатилось за горизонт, на прощание залив оранжевым золотом тонущие в дымке окрестности. В сине-розовом небе уже серебрился месяц, кое-где проклюнулись первые малолетние звёздочки, и я на мгновение почувствовал в душе некие волны поэтического вдохновения.

Если бы умел писать стихи, то обязательно сочинил бы нечто соответствующее романтической обстановке. Наступающая ночь, дремлющая природа, величественные небеса, избушка на курьих ножках бодро наворачивает километры, три девицы с короткими стрижками тихо

посапывают в такт качающемуся полу, усталый царь борется с зевотой, Митька беззастенчиво спит в обнимку с бабкиным котом, стены родного Лукошкина всё ближе и ближе... Бдительные часовые наверняка нас заметили и сейчас откроют ворота. А далёкая девушка Олёна, появившаяся в моей жизни, словно яростная вспышка кометы, так и не нашла времени, чтобы...

Бу-бух!!! Взрыв грянул прямо по курсу, так что изба едва успела затормозить. От второго разрыва все проснулись окончательно и подняли вой, уже не со сна, а целенаправленно...

– Какого... мать... перемать... сыскной воевода?!

– А я знаю?! Ваши пушки палят!

– Кто посмел?! По государю?! Всех на кол посажу! – бесновался царь, вперемешку со всеми катаясь по полу, в то время как изба уворачивалась от ядер с грацией перепуганной курицы. Пушкарки работали высокопрофессионально, соблюдая очерёдность и не давая нам ни минуты на опомниться, отдышаться, прийти в себя и спросить: а с чего это, собственно?!

Нет, кое-какие мысли у меня были, конечно, но даже если я скажу, что среднерусская изба, перемещающаяся на куриных ногах и в лоб летящая на центральные ворота, может показаться достаточно агрессивной, – царь мне ведь не поверит. Паника усугублялась дурным воем ошалелого Васьки, который надсадно выл на такой пронзительной ноте, что уши резало ультразвуком напрочь! Положение спас отчаянный Митька: стянув рубаху, он выставил её на ухвате в окно, яростно сигнали о мирных намерениях. Пальба прекратилась...

– Свои! Свои мы! Милиция!

На стенах, видимо, посовещались, признали нашего молодца и решили пустить. Уже победа... Пытаясь кое-как вылезти из-под Нюши, Дуняши и Глафиры Потаповны, я мученически улыбнулся государю, а он не придумал ничего умнее, как лишний раз испортить мне настроение:

– Эвон как тебя девки-то облепили, сладко небось? А покраснел-то, покраснел... Не бойсь, Яге ни слова не скажу! Но тебе жениться бы пора, сыскной воевода.

– Спасибо! Достали полезным советом, и, главное, так вовремя... – сквозь зубы прорычал я. – Нет чтоб помочь!

– Это в каком смысле? – съязвил царь. – Я ить человек женатый, мне нельзя...

– Да просто снимите их всех!

– А ну, девки, слезть разом с участкового!

Девушки дружно захихикали и дали мне свободу.

Избушка уверенным шагом направлялась по ночным улицам прямо к отделению милиции. Наверняка чем-то там чуяла, где обретается её прежняя домовладелица. Добрались без приключений, непривычно даже... Обыкновенно за моё самое короткое отсутствие в городе обязательно что-то происходит, а тут вроде нормально всё. Из пушек стреляли, изба на куриных ногах по улицам разгуливает, а народ спит, не чувствует... Могли бы и выбежать, встретить, поинтересоваться, типа, как здоровьечко?

Ворота открывали наши стрельцы, Еремеев, поочерёдно обнимая всех, ни о чём ужасном не докладывал. Не люблю я, когда всё вот так подозрительно спокойненько... А потом вышла Яга! Угадайте, что она сделала в первую очередь? Кинулась к избушке!!! Обниматься! С ней, в смысле, с избушкой, вроде мы её особенно и не волновали. Ладно, подождём...

Отпричитав, отрыдав и отшептав всякие ласковости, бабка удостоила нас беглым взглядом и начала пересчитывать по головам. Васька, я, Митька, Горох, дочь Брусникина, дочь Обмылкина, Нюша-сирота – все тут! Однако Яга, пожевав губами и позагигав пальцы, уставилась на меня непонимающим взглядом:

– А богомаз авангардный где?

Упс... вот тут-то мне и поплохело всерьёз. Савва пропал ещё раньше царя, в цирке его не было, дома тоже, если и он попал в магический ящик, то почему не нашёлся вместе со всеми?! Я никогда себе не прощу, если с парнем что-то случится. Тем более если вспомнить причины его исчезновения... Ведь в балаган-то он направился не по доброй воле, а в результате наших же, милицейских, интриг.

– Вот что, сокол ясный, давай-ка в баньку, а уж опосля за ужином и побеседуем. Авось прояснится дело тёмное...

– Надеюсь, – тяжело вздохнул я. – Знаете, а... вы нам клубок неправильный дали.

– Ну дак и что ж, прости бабушку! Бывает, и старая курица индюшачье яйцо снесёт, увлеклась, значит...

Домой я никого не отпустил, пусть ночуют в отделении, места хватит. Вот дадут с утра свидетельские показания, тогда пожалуйста, а сейчас рисковать нельзя – как я понимаю, ряд подозреваемых по-прежнему гуляет на воле. Кто может поручиться, что опасные акробаты не появятся вновь, дабы заставить девушек умолкнуть «навсегда»... Пусть уж лучше Еремеев поставит всю сотню под ружьё и мы одну ночь проживём на осадном положении.

Митя до бани не дошёл: так умаялся, катаясь в аттракционе на курьих ножках, что рухнул в сених, и будить его – только зря кочергу гнуть. Пошли на пару с царём. Государь здорово изменился за последние сутки. Мылись молча, старательно выбивая друг из друга вениками усталость и напряжение. Разговорились уже потом, отдыхая в предбаннике:

– На арест завтра с утра пойдёшь?

– Нет, ближе к обеду, мне ещё показания взять надо. Кстати, вам со мной делать нечего, у вас в собственном тереме бунт.

– Бояре, что ль?

– Они. – Я вкратце пересказал историю неудачного путча.

Горох сокрушённо покачал головой, отхлёбывая кваску:

– Знаю, дело привычное... И ведь не со зла же, самое обидное, а о государстве радеючи! Они так свой долг перед царём-самодержцем видят, аки псы верные. И что мне с этим дурачьём делать, ума не приложу... Может, выпороть всех?

– Вы у меня спрашиваете? Я тут с одним Митькой управиться не могу, никакого ремня не хватает... А бояре ваши в порубе сидят, умнеют.

– Давно сидят? А то слышал, холодно там у вас, не переумнели кабы...

– Всё законно, – чуть усмехнулся я, – путчисты взяты под стражу в соответствии с прямым указанием матушки царицы, осуществляющей в ваше отсутствие функции премьера.

– Ох и наплёл... – Царь встал, с хрустом расправляя плечи. – Ладно, пойдём глянем, как они... За авторитет милицейский не переживай, ныне при всех ругать не буду.

Одевшись во всё чистое, мы, словно два ангела в белом и непорочном, направились к порубу и попросили стрельцов отворить. Изнутри дохнуло зимней свежестью, сразу захотелось прокатиться на санках и покидаться снежками. Горох самолично сунулся внутрь, быстренько вылез обратно и поманил стрельцов:

– Спускайтесь-ка вниз, парни, и выносите по одному... Да не разбейте!

У меня подкосились колени. Полночи, день, ещё полночи, то есть практически полные сутки, пять бояр (из них трое солидного возраста) просидели в леденющем порубе, не имея возможности даже выйти в туалет! Да за такую служебную халатность меня следовало гнать из милиции взашей и отдавать под суд без разговоров. Не в каждом НКВД применяли пытки холодом, и даже царские заплочных дел мастера использовали кнут и дыбу, в крайнем случае калёное железо, а я...

На моих глазах стрельцы аккуратненько вытащили пять ледяных

скульптур, разложив их на травке согласно возрасту и чину. Сегодня же сдам дела, попрошу у Еремеева пиццаль и застрелюсь, как подобает мужчине. Ибо смерть этих людей по моему недосмотру ляжет несмываемым пятном в короткой и яркой летописи Лукошкинского отделения. В конце концов, незаменимых людей нет, а значит...

– Ничего, в баньке отойдут, – философски хмыкнул царь, нагибаясь и тенькая ногтем по синему бодровскому носу. – Поддайте парку покрепче, да водки им туда, пряников... Нет, пряников не надо, сухарей чёрных, пущай вину чуют. Ну-ка, взялись, молодцы!

Пока я стоял соляным столбом, не веря в очевидное, государь организовал стрельцов на ленинский субботник.

Меня ни в чём не упрекал, ни о чём не расспрашивал и, кажется, казнить за истребление цвета боярской думы не собирался. Равно как и принимать мою благородно поданную отставку с последующим харакири. А вот когда мы после всех трудов праведных зашли наконец-то к бабке в терем, то на пороге нас встречал рыдающий сюрприз – в лице истосковавшейся царицы Лидии! Грозная государыня повисла на шее потерянного мужа, по-немецки бормоча что-то бессвязно ласковое.

– Ну, не надо... Да что ж ты... Мы ить цари, нам не положено, – неуклюже утешал её Горох, а я, прекрасно представляя себе развязку сцены, взял со стола два пирожка и под шумок поднялся к себе наверх. Надо успеть подумать и выспаться... Или наоборот, сначала выспаться, а с утра подумать? Ни того, ни другого толком не удалось, потому что в мою комнату без стука зашла Яга. В руках у неё была большая чашка липового чаю.

– На, милок! Чего ж всухомятку-то есть... Опять же о дне завтрашнем побеседовать следует, да и решение суровое принять. Покуда вы с Митенькой подвиги ратные вершили, я тут факты к фактам сопоставила. И странное дело выходит...

Мне очень хотелось спать, но Ягу мои зевания не разжалобили, а выслушав бабку до конца, я понял, что уже не усну. Тем паче что пьяные песни отогревшихся и разомлевших бояр доносились даже досюда...

* * *

– Ты сам посуди, сокол ясный, ить мы перед преступниками энтими – ровно на скатерти белой всей опергруппой стоим. Они нас видят, мы их – нет! Мы что ни придумаем, ан у них уж на то своя отмазка есть! Ну кабы

кто им информацию сливает, злодеям... Давай по порядку пойдём: чтоб в терем влезть да парнишке нашему косу за пазуху сунуть – надо ж и двор знать и где да что, как пролезть, как уйти, как от взглядов стрелецких схорониться. Вот чем хошь меня в лоб бей, а не первый раз они у нас в отделении! Когда тебя, сердечного, купецкие наймиты бить хотели, кто удавку иноземную бросил? Кто тебя спеленал, обездвигил? Следили, значит, время выбирали, били, так чтоб наверняка! А в те поры, как вы с царём от Весёлого дому шли, кто на вас драчунов руконогих навёл? Да и в самом дому вроде покушение было?! Вот видишь, было...

– Ну и какой следует вывод?

– А такой, что много знают про нас! – Яга мрачно сощурилась и прошептала: – Уж не предатель ли низкий в рядах милицейских затесался...

– Оборотень в погонах?

– Охти ж мне! – перекрестилась бабка. – Да нешто и вправду оборотень?

– Нет, это так, фигура речи... – поспешил успокоить я. – Ничего, вот завтра возьмём директора цирка за задницу, все вопросы сами и отпадут.

– Э-э... Никитушка... ить запоматовала я... убёг он.

– Как?! Что же вы молчали?! Куда, когда, почему не задержали?

– Да кто ж подумать мог... – чуя себя виноватой, стушеввалась наша знающая оперативница. – Ты ить ушёл, а...

– Я ушёл за ВАШИМ котом!

– ...ну и это, Еремеев, поди, недосмотрел...

– В моё отсутствие вы – главная, а не Еремеев!

– ...а я и говорю, мол, чёй-то за ящиком волшебным никто не идёт. Стрельцы сбегали и... доложили...

– Погоню послали?! – уже прекрасно понимая бессмысленность поздних разборок, тяжело вздохнул я.

– А как же, милай! – обрадовалась бабка. – В сей же час всю бригаду нашу конную вдогон отправила.

– Нашли?

– Ага! Уж ты, участковый, из себя дурачка-то не строй! Ежели б нашли, так распиналась бы я тут перед тобою, безвинно виноватая?..

Я сокрушённо покачал головой и заткнулся, стоит продолжить в том же духе ещё минут пять, и она на меня всю ответственность повесит. Кто у нас начальник? Вот и расхлёбывайте, батюшка сыскной воевода...

– Остальные скоморохи на месте?

– Навроде да...

– Хорошо. Что-нибудь ещё есть позитивного?

– Я тебе щец с курятиной наварила, и пирожки грибные удались.

На этом мы примирились и, не ища крайнего, вернулись вниз в горницу. Царь с царицей давно отбыли. Девушки спали вповалку в комнатке Яги. Бабка быстренько накрыла на стол, и поздний ужин (ранний завтрак?) в три часа ночи показался мне необычайно вкусным. Моя хозяйка ещё что-то рассказывала, объясняла, выпытывала, я односложно отвечал, но мысли мои были далеко.

Шамахань, лес, колдовство, наркотики как попытка подчинить себе город, подосланные убийцы, старательная дискредитация органов правопорядка, холодный и расчётливый ум того, кому всё это выгодно... И почему же я так долго не могу назвать имя заказчика? Потому что главное не это, главное – имя его резидента! Бабе Яге можно доверять: если она говорит, что Кощей наращивает мясо (а значит, не покидает своё логово на Лысой горе), то так оно и есть. В Лукошкине действует его доверенное лицо, снабжённое всем необходимым и осуществляющее постоянный контроль над исполнением чёрных замыслов хозяина.

В прошлый раз это была Олёна. Красавица и умница, бесовка с рожками и хвостом, отданная во власть преступного синдиката гражданина Бессмертного и обязанная беспрекословно служить ему до истечения какого-то гипотетического срока. Единственная девушка, заставившая меня окончательно забыть о возвращении в свой мир и люто возненавидеть все намёки на необходимость скорейшей женитьбы.

Причём лично я сам себя завидным женихом по сей день не считаю, но почему-то у лукошкинских дам по этому поводу другое мнение. И первый заводила у них – царь! Кого он мне только не подсовывал, от боярышень до простолюдинок, всё язвил да подначивал, даже смотрины пару раз устроить пытался. Бедные девушки... девушки?.. девушки?! Записку из Весёлого дома принесла незнакомая девушка! Следы на крыше принадлежали ребёнку или девушке! Наркотики в капусте были изъяты у торгующей девушки! Еремеева о том, что меня бьют, предупредила случайная девушка! Это целая агентурная сеть или одна талантливая актриса, меняющая образы и обличье?

– Никитушка, эк тебя перекосило-то... Обжёгся али язык прикусил?

– Светает уже... – невпопад ответил я. – Как Митька проснётся, пусть поднимется ко мне, надо письмецо государю отнести.

– У-у, да у тебя глазоньки горят, ровно собственными руками всю преступность за такое место ухватил, что и не выговоришь при детях... Ну-кошь, умник, поделись мыслишками с бабушкой!

По мере моего повествования лицо Яги постепенно вытягивалось, а левое ухо заметно дрожало. Что, как я уже говорил, весьма примечательный признак...

Митька справился с заданием. Говорю об этом без лишней помпы, хотя должен признать, что далось ему это нелегко. В смысле, трудности были, но он их не усугубил, что знаменательно. Как понимаете, в полшестого утра поднять царя-батюшку из тёплой постели царицы-матушки с просьбой дать Никите Ивановичу поносить перстень с хризопразом – это нечто...

Стража его не пускала, бояре гнали взашей, при Митькиной исполнительности он бы запросто учинил драку с членовредительством и был бы доставлен в отделение весь в гипсе. Однако ныне наш умник скромненько побеседовал со всеми (даже с теми, кто его гнал...) и раздал каждому по бумажке с вопросами теста на самоанализ. Все увлеклись! Честное слово, я думал, у нас люди умнее... Горох был злой, но перстень дал и ушёл досыпать. Митя задержался немного, объясняя первым написавшим, кто из них кто, причём успел сбежать прежде, чем побили. Придётся специально для него вводить должность социального психолога со специализацией по уголовному праву.

Часов в семь утра я лично взял показания со всех трёх потерпевших и под охраной отправил старших девушек по домам. Маленькая Нюша пока осталась у нас, возвращать девочку в Весёлый дом не позволяла совесть... чему хорошему её там в результате научат? Пусть пока в горнице поиграет, кот Василий обещался присмотреть. За эти два дня я узнал его совсем с другой стороны – не расслабленно-ленивым, а отчаянно храбрым, дерзким «тигром» на тропе войны и поиска приключений! Яга права – второго такого кота нет на всём белом свете...

– Всё готово?

– Всё, Никита Иванович, – серьёзно кивнул Еремеев. – Мои ребята на Колокольной площади уж больше часа толкутся. Народец смотрит неласково, детишки слёзы льют, криком кричат...

– Требуют карамелек?

– Да уж считай тока за ними и пришли. А балаган скомороший закрыт, и наружу не выходит никто.

– Бабушка, что у нас насчёт противоядия? – уже на ходу застёгивая портупею, поинтересовался я. Наша домохозяйка неопределённо повела носом...

– Покуда не ведаю. Нонче ещё покумекаю, но одно сказать могу верно – в дурмане-то конфетном, слышь, шамаханского зелья следы! Потому оно и в привычку быструю входит, а значит, и отвычку в тех же краях искать

придётся.

– Намекаете на очередной визит к Кощею?

– Да уж куда как намекаю...

– Ясненько. Что ж, надо – значит, надо! – Мы перемигнулись и пошли на задержание.

Вся опергруппа, за исключением государя, собралась силами на последний, решительный шаг. Митька уверенно сунул в карман боевой крендель; Яга зачем-то взяла старую гнутую клюку и, примериваясь, сделала пару фехтовальных выпадов; я подумал и отказался от царской сабли: в конце концов, главных виновников в цирке уже нет, а та, что есть, меня убивать не будет. Я уверен, действительно уверен...

В тот день погода выдалась на славу! Тучки развеялись, апрельское солнце разбросало пронзительные лучи, щекотавшие маленькие клейкие листочки берёзок и осин. Грязь на улицах казалась золотистой, лужи янтарными, лица горожан (в большинстве своём) светлыми и чистыми! А воздух таким сладким, что кружилась голова и хотелось петь...

В голове всё причудливо перемешалось. Что делать, как поступить, у кого просить совета – не знаю... Я не имею права попустить преступности, но не могу даже представить себе, как буду брать под арест любимую девушку! Сомнений в её участии не было, в виновности тоже, но ведь... весна! Всё цветёт, благоухает и распускается красками. Вокруг красота и упоение новой жизнью!

Сама природа противится насилию, а я обязан идти и доводить это дело до конца. Потому что... потому! При необходимости я готов написать в ряд двадцать пять причин, не позволяющих мне поступить иначе, но сердце не обманешь... Оно буквально выпрыгивало из груди с каждым шагом по мере моего приближения к Колокольной площади. Ноги становились ватными, в глазах предательски щипало, присутствие суровых боевых товарищей начинало болезненно раздражать, и лишь один, верный своей брюзгливости голос уверенно вернул мне прежние силы...

– От какова она истинная харя Никитки-сыскаря! Вот как отплатил он простому люду за доверчивость, за любовь да ласку! Меня изоскорблял прилюдно, в досках похоронил, бугаём своим небритым прижал, так что по сей день сесть не могу – занозы... А ныне и вовсе цирк закрыл! Ужо представлений вам не будет...

Будет, будет! Вот сейчас мы к нему подойдём поближе и такое представление устроим, хоть билеты продавай – народные ожидания не обманем! Дьяк вещал откуда-то из толпы, видимо, как его ни бей, а в присутствии внимающей аудитории гражданин Груздев расправляет

пёрышки и возрождается, как феникс из пепла! Может, он у нас энергетический вампир? Я теперь во всё что угодно верю...

Митя вежливо (и не очень...) прокладывал дорогу, Яга семенила следом, жалостливо глядя по голове каждого встречного ребёнка. Вот их горькие взгляды и вызывали настоящую боль... Взрослые карамелек не ели, а если кто и соблазнился, так не сразу запал, а детский организм куда восприимчивее к наркотику. Бабка права – мы обязаны ещё раздобыть лекарство...

– Митя, обойди слева и протолкайся непосредственно ко входу, туда, где сейчас дьяк. Фома, подгони своих, пусть ненавязчиво оттеснят народ от цирка. Мы с Бабой Ягой идём внутрь.

– Без охраны?! – ахнул разобиженный Митька. – А что ж я-то – как неродной за дверью останусь? Вы небось заарестовывать кого будете, руки за спину вертеть, груди милицейские под ножи преступные подставлять...

– У тебя... более важное задание, – едва не закашлялся я, выражение «грудь милицейские» почему-то показалось несколько двусмысленным. Ну у Яги разве что, да и то... как-то не так... – В общем, не спорь! Встанешь напротив своего бывшего учителя и вступишь в дискуссию!

– Это поскандальится, что ль?! – не поверил своему счастью наш младший сотрудник.

Я коротко улыбнулся и кивнул. Если кто и сумеет перекричать воодушевлённого дьяка, так это только скромный Митенька. Отец Кондрат может отлучить или предать анафеме, но перескандальить при всём честном народе – на это нужен другой талант... А у нас в милиции всяких талантов предостаточно, главное – их выявить и разумно применить.

В размышлениях я едва не сбил двух закадычных дружков, но вовремя сориентировался, поймав обоих за шиворот:

– Здравствуйте, граждане! Опять прогуливаем в рабочее время?

Приказчики дёрнулись, но вырваться не посмели.

– Дык чисто случайно мы тут! Он вона говорит, пойдём, дескать, цирк закрывается, так, может, на прощанье баб без одёжи и покажут?

– Врёт он! Ей-же-ей, врёт! Сам меня позвал на козу смотреть, мол, в прошлый раз все видали, как она с фокусником шушукалась! Вот мы и мыслили глянуть да вам доложить...

– Неужели? – деланно удивился я.

– Вот те крест, батюшка сыскной воевода! Я так думаю, энто она насчёт медведя договаривалась, ему ить платья бабьего так и не дали, а в юбке одной коротенькой зверю небось уж и на люди выходить зазорно – все дела наружу!

– Так вы не прогневайтесь, Никита Иванович, скажите им, чтоб народ зря не баламутили да представление начинали! А ежели коза вам какое сопротивление окажет, дак мы готовы... от всей души, как говорится... посочувствуем!

Баба Яга, утомлённая пустыми разговорами, толкнула меня в бок. Я махнул рукой Митьке и, поблагодарив болтунов за «полезную следствию информацию», двинулся дальше.

Филимон Груздев наконец-то отвлёкся от перечисления «милицейских вредительств» и с собачьей радостью переключился на меня:

– Ага... пришёл на злодейство рук своих взор кинуть! Видели уж, лежат любимцы народные в шатре своём, ровно мёртвые... И дух их сивушный витает над телами, аки серафим шестикрылый! Из-за интриг милицейских скоморохи трезвые будто с цепи сорвались... Мало не две бадьи трёхведёрных с вечеру закупили, каторгу сибирскую обманываячи! Эх, не видать детишкам боле дармового горошку сахарного...

Я ещё отметил про себя, что дьяку дали хорошо отредактированный текст, но тут плавно и красиво вступил Митька. Многого я от него ждал, но такого... Поверите ли, площадь в одно мгновение смолкла, заткнулись даже весенние воробьи. Наш умник достал из-за пазухи книжечку и, не повышая голоса, дословно сказал следующее:

– Интерфес у Филимона Митрофановича не в креативе!

Особо впечатлительные даже перекрестились, прочие вздрогнули...

– Стрессы производственные, нехватка позитивного стимула; эмоциональный и гормональный фон пассивный плюс комплексное стремление к суициду!

Тут уж и самые тупые поняли, что дьяк долго не протянет...

– Статистически имеем полный аналог безальтернативного инсульта! Неадекватное позиционирование проблематики субъекта, повышенная эмпатия в сочетании с низкой ориентированностью холерически нестабильного психотипа!

Вся площадь дружно, в едином порыве, опустилась на колени. Перепуганные дети не смели даже плакать, не говоря уж о том, чтобы попросить конфетку. Бабы скулили, не разжимая зубов, мужики истово осеяли лбы крестным знаменiem – город прощался с мятежным буревестником думского приказу! Сам дьяк замер с раскрытым ртом, боясь пошевелиться, и даже дышал через раз, выдыхая в одну ноздрю тонкой струйкой...

Я бы с удовольствием поглядел, чем это вообще кончится, но служба – превыше всего. Откинув полог, мы с бабкой углубились внутрь цирка... И

почти сразу же вылетели обратно – запах сивухи в густом воздухе настолько резал вздох, что вновь соваться без респиратора я бы лично не рискнул. Покачал головой, отдышался, достал носовой платок и повязал его на манер американских ковбоев, прикрывая нижнюю часть лица. Яга удовлетворённо хмыкнула и с большей смекалкой всего лишь зажала длинный нос в кулак, дыша через рот. Вот в таком оригинальном виде мы и отправились на задержание...

* * *

Шли молча, широко перешагивая через храпящие тела мертвецки пьяных цирковых артистов. Дело трезвых скоморохов закончилось, ныне все они упились в дрезину, словно компенсируя длительное воздержание по непонятным для них же самих причинам. Я отметил четверых акробатов, двух клоунов, цыгана, храпящего в одной самогонной луже в обнимку со столь же пьянушим медведем, девушку-жонглёрку в пёстром трико, свернувшуюся калачиком на тумбе. Значит, вместе с директором сбежали силач и фокусник, надо будет запомнить. Пьяной казалась даже одинокая коза, скорбно глядевшая на нас из-за высокохудожественно раскрашенной новичковской занавески.

– Ну, уж ты тут... сам справишься, – деликатно откашлялась умудренная годами бабушка, подталкивая меня в спину. Голосок у Яги получился гнусавый до мультяшного, но я даже не улыбнулся – в моей бедной милицейской головушке творился полный бедлам. Наша эксперт-криминалистка ещё что-то добавила и незаметно растворилась в тишине.

Коза подняла на меня взгляд, мемекнула и отвернулась.

– Здравствуйте, Олёна, – сдёрнув платок, глухо выговорил я. У козы дрогнули ресницы... – Я много раз представлял себе нашу встречу, но чтобы вот так... Помните, в прошлом году вы убежали резко, сразу, ничего даже не объяснив толком. Не знаю, может быть, на тот момент это было единственно верное решение, но... В общем, я надеялся и... ждал, я хотел увидеть вас снова. Просто не думал, что вы будете выглядеть таким образом...

Коза сделала недоумённую козью морду и вскинула одно ухо. Я вздохнул, поднял правую руку, ненавязчиво демонстрируя царский перстень с хризопразом. Она не могла о нём не слышать...

– Позволяет видеть сквозь любые личины. Если хотите, могу описать, какое на вас платье и башмачки, а ещё в отличие от остальных вы

абсолютно трезвая.

Олёна отступила на шаг назад, упёрлась копытцами в пол и, неожиданно нагнув рога, совершила головокружительный кульбит. Перевоплощение заняло долю секунды – передо мной уже стояла стройная гибкая девушка в тёмно-зелёном сарафане, с чёрными волосами, заплетенными в длинную косу, и глубокими глазами. Она выплюнула прилипшую к губам соломинку, улыбнулась и, порывисто шагнув вперёд, прижалась к моей груди.

Я накрепко обхватил её за плечи, готовый ко всему на свете ради этой минуты и забывший почти всё, потому что теперь всё понял... Всё для меня – это Олёна, Лукошкино, отделение, Баба Яга и Митька, Еремеев и Горох, бояре и стрельцы, горожане и гости нашей столицы. Весь мир, меня окружающий, – мой, и я никому не позволю его разрушить! А ещё я женюсь. Честное слово, пусть все знают...

– Какой же ты у меня умный, сыскной воевода, – тихо и нежно вздохнула Олёна, опуская воронёные ресницы. – Всё вызнал, разгадал, планы разрушил, товар взял... И как только тебя не убили до сих пор?

– Пробовали неоднократно, – признал я.

– Видать, старались слабо, а может, и помогал кто в минуту трудную...

– Вы же и помогали.

– Я?! Да что ж ты лепечешь, дитё малое... я ведь Олёнка-преступница, али забыл? Кощею проданная, бесовкой сделанная, во всех грехах пачканная...

– Хватит наговаривать.

Под моими руками она стихла и потянулась, мурлыча, как котёнок. Её глаза были полны такого тепла и такой преданной любви, что я принципиально не обратил внимания на четыре мужских силуэта, возникшие в дальнем углу арены.

Боевики, разминая руки, направились к нам, и память услужливо подсказала, где мы встречались в прошлый раз. Ночь, переулок, забор, последние дома на Лялиной улице, короткая драка не в нашу пользу и вовремя подоспевшее спасение в лице стрельцов еремеевской сотни. Теперь я мог разглядеть их как следует: явные азиаты, лица китайской национальности, трое держатся уверенно и нагло, а четвёртый всё время ковыряет пальцем в ухе. Наверное, крепко его Митя головой об тропинку приложил...

– Стойте! – не оборачиваясь, приказала Олёна. – Участковый не опасен, уйдём без боя.

Ответом послужило презрительное молчание. Вспыхнувшая бесовка

резко развернулась и скрестила на груди руки:

– Кто посмеет не подчиниться воле Кощеевой?! Он вам владыка и господин, а я – его слово и указ! Повинуйтесь, или пожалеете, ибо...

– Они вас не слушают, – тихо вздохнул я. – Боюсь, что на самом деле глава преступного синдиката гражданин Бессмертный на этот случай дал им чёткие указания. Не совсем те, на которые вы рассчитывали...

– Вот твари! – с чувством выругалась Олёна, прикрывая меня спиной, в её руке мгновенно сверкнул тонкий нож. – Я сказала, что никто не тронет участкового! Сначала вам придётся убить меня.

Четверо нападавших с готовностью кивнули. Всё молча, тихо, вежливо – либо русским языком не владеют, либо вообще такие воспитанные. До Митьки не доорёмся, стрельцов тоже звать поздно, да и неудобно просить о помощи в присутствии такой девушки.

Я поправил фуражку и сделал последнее предложение:

– Граждане бандиты! Приказываю вам выложить имеющееся у вас оружие и сдаться правоохранительным органам. Обещаю, что суд учтёт это как явку с повинной. В противном случае...

Тут они позволили себе короткие смешки. Значит, язык знают! Что ж, я и не ожидал восторженного содействия властям, как хотите, ребята, вам же хуже... Плечи Олёны напряглись, она действительно была готова защищать меня ценой собственной жизни, но никто не знал, какие козыри прячутся у милиции в рукаве. А там пряталась бабка...

– Ну-кошь, Никитушка, отойди в стороночку. – Из-за угла крайне вовремя появилась наша эксперт-криминалистка и шагнула вперёд, засучивая рукава. – К вонни сивушной я притерпелась, однако же пары алкогольные так в башку вдарили, что теперича и мне на старости лет подраться хочется!

Самодовольные забияки переглянулись и едва не рухнули на пол, заходясь от беззвучного смеха! Олёна рванулась, но я удержал её, уговаривая не мешать: и пенсионеркам иногда нужна разрядка.

– Они же её убьют!

– О, вы не видели нашу бабушку в деле. Я готов поставить всё своё жалованье против одного поцелуя, что им не управиться.

Четверо здоровых мужиков (включая и того, который постоянно ковырялся в ухе) встали рядком перед Ягой, поклонились и приняли боевые стойки. После чего каждый в пять-шесть секунд показал любимые удары и блоки, молотя воздух с нереальной для визуального восприятия скоростью. Сухонькая старушка, прихрамывая, встала против них, зачем-то почесала крупную бородавку на носу и словно бы нехотя повертела клюку в

узловатых пальцах. Невозмутимые лица нападающих словно окаменели...

Потом один бросился вперёд, оглушив нас звериным воем. Я не заметил, чтобы моя домохозяйка как-то особенно двигалась. Нет, она вроде бы лишь приподняла клюку да провернулась на пятке, но злодей взлетел под самый потолок, перевернулся в воздухе и врезался головой прямо в медвежью клетку, намертво застряв меж прутьев. Двое следующих задир, растерянно выкрикнув боевые кличи, атаковали Ягу справа и слева, отчаянно размахивая руками и ногами. Несколько мгновений ничего нельзя было разобрать, но когда бабка, вздохнув, отступила в сторону – на арене остались лежать два азиатских ратоборца, причудливо сплетённые в один узел.

– Как... как же... это невозможно?! – еле слышно пискнула Олёна.

– Эх ты, девка неразумная. – Даже не запыхавшаяся бабушка чуть поправила сбившийся платочек. – Ежели б ты тока знала, сколь ко мне царевичей да королевичей в своё время езживало... А ить среди них всякие встречались. Бывало, накормишь-напоишь его, в баньке выпаришь, ан ему, охальнику, всё мало! Так и норовит с лапаньями где не надо отметиться. Вот и наострилась борониться чем бог пошлёт... Честь девичью блюла строго! А ты что ж застыл, молодец?

Четвёртый боевик, тот, что маялся ухом, неожиданно отвесил самый почтительный поклон и, так же пятясь задом, двинулся к выходу. Напоследок поклонился о-о-очень глубоко и, резко развернувшись, бросился бежать. Буквально тут же раздался глухой удар, и несчастный влетел обратно ещё быстрее, чем вылетел! Следом в проходе показалась массивная фигура нашего младшего сотрудника.

– Ужо будешь знать, злыдень немодный, как русскому человеку его же исподнее красное на башку надевать! Как вы тут, Никита Иванович?

– Спасибо, Мить, все живы, всё в порядке. Мы в отделение, а ты тут с ребятами повяжи этих четверых. В порубе на холодке придут в себя, тогда и побеседуем...

– Меня тоже арестовывать будешь?

– Ну зачем вы так... Не арестовывать, а просить – пожалуйста, пойдёте с нами. Посидим, попьем чайку, познакомимся поближе...

– Побеседуем о делах наших грешных, – с нажимом добавила бабка.

Девушка внимательно посмотрела на нас троих и... рассмеялась:

– Чудные вы, люди милицейские! Ладно уж, добром пойду, да только не долго беседе нашей длиться. Мне мой срок не вышел, значит, всех дорог – либо на плаху, либо вновь в услужение Кощеево.

– Разберёмся, – уверенно пообещал я. На плаху я её точно не допущу, а

для весомого разговора с гражданином Бессмертным тоже аргументы найдутся. – Не надо бояться, вы под охраной лукошкинской милиции, а наша опергруппа ещё никого в обиду не давала...

* * *

– Ну что я тебе расскажу... Вы тут и без меня до всей правды своим умом дошли. Кощей очень злой на тебя, Никита, и на вас, бабушка, тоже, и даже на парня вашего. Думает, что если бы не милиция, так давно всё Лукошкино под его дудку плясало бы. Как он с острога сибирского бежал, я не ведаю. Мне житьё в Орде шамаханской поставлено было, и покуда жив Кощеюшка, без его воли – моей не видать. В Орду он живым скелетом пришёл, чёрен да страшен. С ним – охранников пятеро, чужеземным дракам обученные. А план тайный хозяин наш уж наперёд знал. Как во дворец свой на Лысой горе возвернулся, то книги листал, то в зеркало глядел, а потом и весточку с вороном друзьям тайным направил. Труссарди – злодей известный, за деньги и мать родную не помилует, вот ему-то и было поручено скомороший цирк собрать. Да в Лукошкино с тайной миссией наведаться, город исподтишка взять. Циркачей безработных найти нетрудно, да надо, чтоб они о деле чёрном ничего не проводали. Вот и наложили на бедолаг заклятие – спиртного не пить, покуда директор в цирке. Они и не пили, да только все мысли их были тем спиртным заняты! Потому подозрительного не замечали...

– Ага, стоило Труссарди выйти из города, как скоморохи ваши в такой загул ударились...

– В шариках конфетных зелье дурманное хранить Кощей самолично придумал. Велел щедро раздавать, народ бесплатно попотчевать, а детишек малых особенно. Говорил, дескать, и двух месяцев не пройдёт, как заставят детские слёзы стрельцов самих ворота растворить...

– Какова была ваша роль?

– За Труссарди да подручными его пригляд держать. Дела тайные разбойные вершить, тебе глаза отвести, на сотрудников твоих тень бросить. А как всё выгорит, так и вовсе навек убрать сыскного воеводу...

– Дьяка вы перекупили?

– Конечно, я, так уж больно службишка эта нехитрая. Рясу новую с поклоном принять попросила да за цирк иноземный заступиться. Мол, произвол милицейский очень уж прёт, а скоморохи все в трезвости сохраняются, им и обиду залить нечем. Дьяк-то и рад стараться!

Мы немного помолчали. Яга, не теряя нить беседы, ставила уж второй самовар. Митька с Еремеевым трудились на Колокольной площади – один веселил народ тестами, другой подспудно выяснял точное количество наркозависимых. Олёна говорила ровно, тихо, улыбалась мало, казалось, её что-то гнетёт. Кот Васька под столом тайно тёрся спиной о её башмачок, стараясь, чтоб не заметила бабка.

– Первые две косы нам подбросили вы? На крыше были следы маленьких ног...

– Я, – не отпиралась она. – Лиходеи Кощеевы убивать горазды, нельзя было, чтоб они до парня вашего добрались. Сунули бы косу, нож в грудь воткнули и его же ладонью и прижали б. Вот и решил бы кто ни есть, что человек грех свершил да самоубийство за него и принял... Потом меня стали подозревать, и третью косу понёс уже один из них.

– Тот, которого ранили?

– Да, стрелять твои парни наловчились. Пришлось Кощею назад, в Орду, хроменького переправлять, а четверо на тебя в месть пошли.

– Почему девушек держали в плену?

– Так, на случай всякий... Вдруг бы ты Труссарди взял, на него обменять можно было б. А коли нет, девчат и убили бы потом...

– Ну-ка, голуба, – вмешалась наша самая опытная криминалистка, – а энто что?

– Верёвка летучая, – с одного взгляда опознала Олёна. – Я сама придумала, если надо кого-то связать без лишнего шума – вещь удобная.

– В Мексике и Латинской Америке это называется боло, – огорчённо поправил я. – Выходит, вы действительно бросили меня связанным под ноги тем бандитам.

– Выходит, да не так! Они на тебя сзади напасть хотели, в пылу драки и убить могли. А кто ж бессознательного да связанного резать будет? Не такие уж они злыдни, так, дураки деревенские... Попинали бы лаптями, да и ушли бы, но тут парень ваш Митька явился – в таком виде, что у меня до сих пор живот от смеха болит!

– Вы следили за мной?

– С первого дня, как сюда вернулась, – глядя мне прямо в глаза, призналась девушка. – Утром, днём, вечером – когда могла только, за тобой, ровно собачонка на привязи, бегала. А ты и не видел даже...

– В Весёлом доме тоже были вы? И Еремеева на подмогу позвали, и наркотики в капусте подсунули? Вы... нам помогали, почему?

– Ох умник! Ох догада! – страдальчески всплеснула руками бабка. – А ну отстань от девки с вопросами глупыми! Вишь, какой мужик пошёл, она

ему сердце раскрывает, а он объяснений дотошных требует?! Отвяжись, Никитка, не доводи душевной простотой...

– Не понял... я что-то упустил?

– Ладно, пойду я. – Олёна опустила руку, незаметно погладив блаженствующего кота. – Спасибо за хлеб-соль! Во всём деле победа ваша, будет с чем государю ответ держать. А мне к Кощею на суд пора...

– Как к Кощею? На какой ещё суд? – неуверенно возмутился я, абсолютно не желая второй раз терять эту необыкновенную девушку. – Никуда вы не пойдёте! Мы применим систему защиты свидетелей, здесь он вас не достанет.

– Может, и нет, – грустно улыбнулась она. – А только готов ли ты за меня жизнью друга своего платить? Я не вернусь, так и его голова недолго на плечах удержится...

– Савва?! – не сразу вспомнил я, беспомощно оглядываясь на свою домохозяйку. – Господи, мы же вытащили из лесного бункера всех, но Новичкова там не было. Где он?

– У Кощея во дворце. Я вернусь – он здесь появится, а не вернусь до заката – поминальную свечку богописцу ставь...

– Всё равно так нельзя, должен быть какой-то приемлемый способ. Какие-то переговоры, компромиссы... – Боже, что я несу?! Какие могут быть переговоры с террористами, а Кощею даже Бен Ладен в подмётки не годится! – Олёна, как вы намерены вернуться?

– А вот колечко заветное с одной руки на другую перекину, так и окажусь, где велено.

Я было привстал, но сухонькие ладошки Яги неожиданно твёрдо легли на мои погоны. Надеюсь, у бабки есть свой резон...

– Хорошо, один ещё вопрос, последний: почему вы оборачивались козой?

– Любовь зла, – искренне рассмеялась бесовка, – а остальное сам додумаешь, ты ведь у нас не абы кто, а сыскной воевода!

– Спасибо, напомнили...

– А коли сызнава увидеть захочешь, так дорога в царство Кощеево милиции не заказана. Не бросай меня, Никитушка...

Последние слова прозвучали серебряным эхом. В горнице остались только мы с бабкой да несколько приобалдевший кот. Мгновением позже с потолка рухнула нескладная фигура авангардного живописца, гулко шмякнувшись на пол. Новичков застонал, потирая задницу, но, поняв, куда приземлился, сразу обрадовался:

– Вот счастье-то, уж и не чаял вновь в родное отделение угодить. А где

был... не поверите! А как туда попал... историйка занятная! Но главное, таких сюжетов для картин понасмотрелся, вот, не изволите ли наброски глянуть?

– Ну что ж, сокол ясный, – пристально глядя мне в глаза, определилась бабка, – до вечера нам надо гору дел переворошить, с людьми знающими посоветоваться, а там... утро вечера мудренее. Готовься к походу дальнему, выручать пойдём твою суженую!

Я рассеянно кивнул. Действительно, если вдуматься, дел было выше крыши. И кстати, это как-то так здорово закрутилось, что вплоть до самого вечера у меня не выдалось ни одной свободной минутки даже на чашку чая.

Во-первых, всё-таки выслушали Савву. Ничего особенно нового он нам не сообщил, в принципе всё произошло вполне предугадываемо. Он обратил внимание, что уже вторая кисть, забытая в ящике фокусника, исчезает бесследно, ну и сунулся внутрь сам. Вылетел в бревенчатый бункер, где был захвачен шамаханами и доставлен к Кощею. Тот имел с ним долгую беседу относительно памятных демонических росписей в храме Чёрной Мессы и зачем-то оставил при себе... Теперь-то я отлично понимал – зачем!

Во-вторых, навести ткача Брусникина, неоднократно обещавшего «прибить» пропавшую дочь. После того как мы её вернули, папаша ударился в запой от радости. По-моему, ему был важен сам повод, впрочем, мать Дуняши нас слёзно благодарила, а дети уже вовсю играли в «погоню злых шамаханов за избушкой на курьих ножках»! На роль «избушки» выбиралась самая взбалмошная из соседских куриц, и мы поспешили уйти, не дожидаясь обвинений в подстрекательстве.

Разборки в семье Обмылкиных были круче. Получив дочь, дородный купец плакал, как ребёнок, и сулил богатства несметные. Яга в одно заклятие избавила его от «бабскости» голоса, а в благодарность этот аферист накатал на меня жалобу государю. Дескать, дочь милиция вернула опозоренной, без косы! Так что пущай участковый теперича сам недостатку покрывает – женится, стало быть. Хорошо у Гороха в этом смысле чувство юмора развитое, купцу он отправил целый мешок фальшивых кос в качестве компенсации, а мне отдал купеческую жалобу как сувенир. У нас в отделении таких здоровенная пачка хранится, ещё со времён дела о перстне с хризопразом. Тогда боярин Мышкин уж больно задушевные кляузы на меня писал...

А вот с возвращением девочки Нюши возникли проблемы. Во-первых, нам и самим не очень хотелось, чтобы она вновь шла на Лялину улицу; во-вторых, Марфа Дормидонтовна после нашего погрома и слышать о ней не

желала; в-третьих, девчушка оказалась настолько шустренькой, что держать её при отделении милиции всё равно что курящую обезьянку на пороховом складе. Положение милостиво спасла государыня, принявшая ребёнка себе в «дефочки для тапки». То есть на полный пансион, с ежедневной обязанностью подавать царице тапочки по утрам, остальное время проводилось в играх и необременительном обучении при дворе. Мне не понравилось хитрое выражение лица хозяйки Весёлого дома, наверняка в будущем она предъявит Нюше счёт за «хлеб-соль да ласку»... Впрочем, тогда и займёмся этим вопросом, а сейчас...

Перед нами стояли две неразрешённые проблемы: в городе почти сто невольных наркоманов, вчера и сегодня они не получили свою дозу, и что они сделают завтра – сожгут цирк, поднимут бунт, перевешаются от тоски по карамельному гороху?! В городских лавках уже раскуплены все конфеты, новых ещё не завезли, подходящего лекарства нет, перспективы самые безрадостные... Вторая проблема – это Олёна. Я очень хочу её вернуть. Она меня об этом просила, но как именно это сделать – понятия не имею! И всё равно сделать что-то надо...

В отделение вернулся затемно. Усталый Митяй зевал на лавочке в сених. Сосредоточенная бабка, накрыв стол, ждала меня к ужину. Поставив поближе блюдо с рыбным пирогом, Яга важно выудила из-за пазухи сложенный вчетверо лист бумаги, развернула его, сделала мне знак молчать и, чеканя каждое слово, прочла:

– «Ах ты гой еси, скотина безрогая, что ни гад Кощей да то подлец Бессмертный! Бьёт тебе челом хоробрый, сильно могучий богатырь Никита-ста Ивашов Иванов сын и зовёт тебя, злодея брюхатого, во чисто поле на почестен пир! А и попотчую я тебя копьем долгомерным, угощу сабелькой вострой, окормлю булавой пудовою. Засим и крест целую, а тебя, супостата пыльного, честь по чести жду!» Вот таковое письмо сей же час Кощеюшке и отправим, пуцай занервничает...

– А почему брюхатый? – зачем-то уточнил я. – Он же тощий, как чупа-чупс.

– Да тебе ль не всё равно, – шумно отмахнулась бабка. – Для обидности! Кощей-то хоть и преступник отпетый, да на дразнилки разные чисто дитё обижается, разве не плачет тока... А нам, считай, все его обиды на руку!

– То есть мы посылаем ему формальный вызов на дуэль, – попытался сообразить я, – а поскольку гражданин Бессмертный сейчас не в лучшей спортивной форме, то олимпийская медаль – моя! Девушку забираем в качестве поощрительного приза... Да я его заломаю, как первокурсницу!

– Не юродствуй зазря. Кощеюшка и в худшие дни, на режиме постельном, одним ногтем тебя кубиками к супу настругает. Не силой его брать надобно, а хитростью...

Какой именно, моя коварная домохозяйка рассказать не успела. Двери в горницу распахнулись, и на пороге возник колышущийся от нервного истощения дьяк Филимон.

– Смилуйтесь, менты беспробудные! Дайте лекарство от психотипа интравертного, не помер покуда... Сотворите таковую божескую милость! Не покиньте в бесконцептуальной депрессии...

* * *

Пока страждущим занимался кот Васька (помахивая перед дьяковым носом всё той же косой с бантиком!), мы быстренько отправили письмо. Ящик фокусника по-прежнему стоял в углу комнаты, Яга бросила туда наше послание, захлопнула дверцу, открыла проверить – ап! Чисто, нет письма, полетело по указанному адресу. Сами шамахань, может быть, читать и не умеют, но хозяину и господину свежую почту доставят в кратчайшие сроки. Бабка что-то просчитала, прикинула скорость движения избушки, примерное местонахождение тайного узилища в лесу и уверенно заявила, что до Лысой горы оттуда рукой подать – Кощей получит бумагу в течение ближайшего часа! У меня, конечно, были некоторые сомнения по этому поводу, но затевать бессмысленные споры перед сном не очень-то хотелось.

Отказавшись от чая, я предпочёл подняться к себе наверх и лечь пораньше. В смысле, насколько это возможно, времени было начало одиннадцатого. Учитывая, что в предыдущую ночь мне практически не удалось сомкнуть глаз, я рухнул на кровать и уснул мгновенно. Мне даже сон красивый приснился про то, как мы с Олёной сидим в предбаннике и чай пьём. Она – в белую простынку обёрнута, и волосы чёрные распущены, сидит себе, закинув ногу на ногу, и всё смеётся. А простыня от смеха на груди её так натягивается, что всё соблазнительно проступает... Я напротив сижу, и мне так жарко от этого, аж пот по спине катится. Ещё бы, я же в полной форме сижу в бане, да ещё с чаем, неудивительно, что взмок... Хотел спросить, не смущает ли её, что я вот так, при полном параде? А она поднимается мне навстречу, простыню чуть придерживает, и говорит нежно так: «Вставай, Никитушка!» Я бы и рад встать, да почему-то ноги не держат, неувязочка какая-то... А у Олёны голос уже с каким-то

дребезжанием раздражённым, и за грудки меня держит грозно так:

– Вставай, участковый... Да встанешь ты али нет, герой еловый?! А ну, подъём, Никитка, а не то без тебя дело начнётся...

– К...ка-кое дело?! – хрипло выдохнул я, просыпаясь от немилосердной тряски. Открыл глаза и... тут же зажмурился от ужаса – надо мной склонилась суровая, как кондрашка, Баба Яга, вся в чёрном, со свечой в руке, а неподкупный взгляд так и пульсирует красным!

– Вставай, сыскной воевода, пора. Все соучастники внизу собрались, тебя одного дожидаются. Час великий пробил!

Я мельком покосился на решительную старушку, мысленно перекрестился и послушно вылез из-под одеяла. Оказывается, кто-то заботливо укрыл меня с головой, вот почему снился сон про баню: спал ведь в форме, спина до сих пор мокрая. Судя по Яге, она наверняка и не ложилась, сколько же позволили поспать мне? Вряд ли больше двух-трёх часов...

Внизу, в горнице, вообще творилось нечто невообразимое. Комната превращена в боевой штаб! Вся печь исчерчена углём, какие-то переходы, линии атак и отступлений, что-то похожее на карту крепости и схему оборонительных сооружений, явно нарисованные опытной рукой с учётом масштаба и правильных пропорций. На столе листы бумаги, батальон оловянных солдатиков, коробка с вызывающе торчащей куриной лапкой, цветные кубики и две чернильницы. В углу непривычно тихий Митька, весь в чёрном, бодрствующий, как бронепоезд на запасном пути. А над столом, неторопливо передвигая солдатиков, склонились две фигуры – естественно, тоже в чёрном и, разумеется, тоже в заговоре – царь с царицей! Неужели он действительно сдержал слово и потащил жену на задание?! Всё, это была последняя капля...

– Что здесь происходит?!

– Тсс, не шуми. – Горох строго приложил палец к губам. – Тебе помогаем супротив Кощея войной идти. Заодно и любушку свою из полона вызволишь. Вот уж всему Лукошкину радость будет, шутка ли – участковый женится!

– Айн, цвай – полицайн! Разлюли мою малину пьяний пастор обфенчать, – в тон, притоптывая каблучком, продекламировала Лидия Адольфина. – Брак семейних уз – есть снова... сизнова? основа?! государственности!

Я беспомощно оглянулся на Митьку.

– А чего сразу я? – охотно откликнулся он. – Чуть что, сразу в мою сторону смотреть... Энто вон они говорят – женитесь! Мне-то что... меня

вы и холостым распрекрасно устраиваете...

Я покачулся, переведя пламенеющий взор на Ягу, уввы, на неё это тоже не подействовало.

– Сядь-ка, сокол наш гневливый!.. Уж так глазом зыркнул, у меня чуть сердце робкое в пятки не упало, а доставать его оттудова радикулит не позволяет... Ну-кося, присядь с нами да речей умных послушай, небось плохого не присоветуем.

– А почему все в чёрном, кто-то умер? Неужели дьяк...

– Ежели бы Филька Груздев сподобился, так я первая б в пляс пошла, а остальные вокруг гроба хороводы с песнями водили б, – поджала губки моя честная домохозяйка. – В сенях он, спит сном несправедливым опосля Васенькиных опытов психотропственных. А в чёрном – потому как на тайное дело идём...

– И ежели сгинем, то молча, во тьме египетской, чёрного следа не оставивши... – романтично, с уклоном в мистику, поддержал царь. – Да тока взлетит из одежд чёрных душа чистая на крыльях белых, аки голубь, к небесам от смрада и грязи земной воспаряючи!

– О, майн либен... Ти есть – тихатфарь?.. стихатфарь... нет, стихотфорец! Умереть фместе с участкофим, и сразу фсе так ф чёрном – дас ист фантастишь!

– Мы всей опергруппой отправляемся на опасное противоправное задание. Это я ещё как-то понимаю. Ну а царя в таком случае зачем позвали? Вы отдаёте себе отчёт, какую мы берём на себя ответственность, если с ним что-то случится?!

– А я тебе ноне не царь, – обиженно ответил Горох, – я тебе – друг! Кто меня от скуки бесполезной избавил, от пьянства уберёг, из тюрьмы шамаханской за шиворот вытащил? Кто?! Не вороти морду милицейскую, в глаза смотри товарищу по службе! Настал и мой черёд долги платить...

– Куда иголкой, туда и в нитку! – значимо поддержала мужа величавая матушка Лидочка. – Дас ист майнэ шульт... Я сама всем виновата, что он меня с собой побрал. Я не есть отпуза... о, обуза! Ви сами видаль – я уметь постоять за себя, как всякий скрёмний рюсский баба!

– Да уж возьмите вы их, Никита Иванович, – вновь подал голос Митька. – Под мою личную ответственность!

Я резко развернулся на каблуках и... Нет, я честно хотел сказать, что он и ответственность – два взаимоисключающих понятия. Что царь с царицей просто дурью маются и ведут себя как капризные дети. Что Баба Яга, может быть, и ценный эксперт-криминалист, с богатым уголовным прошлым, но годы не те, и один скрип костяной ноги может провалить всю

операцию. Я хотел сказать ТАК, чтобы они поняли... а вместо этого долгую минуту рассматривал чертежи на печи, потом передвинул пару солдатиков на столе и тихо спросил:

– Бабушка, это ваших рук дело? Я имею в виду вот это ВСЁ!

– Моих, Никитушка, моих, уж не серчай на старуху... Покуда ты с усталости великой дрыхнуть обрушился, я Митеньку с порученьцем на царский двор отправила. Назад уже они втроём пожаловали. А коли дело наше непростое будет, так и решать его не-стан-дар-т-ственно надо! Поэтому и одёжа чёрная, и ступа во дворе при всей готовности, и избушка ногой куриной землю роет – в поход просится, и ждать нельзя ни часу единого!

– Но пять минут подождать можно? Хотя бы примерно, в сжатой версии, расскажите, что вы там задумали?

Рассказывать кинулись все, хором, на четыре голоса, хорошо ещё бабкин кот не включился. Наиболее конкретно (и громко!) высказалась Яга:

– В царство Кощеево тайной миссией нагрянуть собираемся. Он уж небось письмецо получил, значит, на заре какой ни есть, а побежит во чисто поле с тобой ратиборничать. Сам Кощеюшка ныне навряд ли и вполовиночку прежней мощи вошёл, да нам того и не надобно – пущай себе ждёт, поджидает... Наше дело – в дом евовный проникнуть, по сусекам поскрести, зелья шамаханского, из кошек варёного, раздобыть хоть бутылочку!

– Надеетесь, что поможет против действия наркотика?

– Отчего ж надеюсь? Точно знаю! Чай, клин клином вышибают! И насчёт Олёнушки твоей мыслишки есть, время будет, поведаю... Ну дак что, сыскной воевода, летим али нет?!

На секунду все затаили дыхание, так, словно моё слово действительно имело решающее значение. Типа сейчас скажу «нет», и они пожмут плечами и спокойненько разойдутся по домам. Какой-то разновозрастной сельский клуб ниндзей-самоучек с мотором! И ведь против не попрёшь... Ну чёрт с вами, сходить с ума – так коллективно!

– Едем.

Все дружно выдохнули и, не пряча улыбок, бодро взялись за дело. Во дворе нас ждали еремеевские стрельцы, готовившие избу к очередному забегу. Обшарпанная ступа с помелом стояла здесь же, настраиваясь на ночной перелёт.

– Мы с тобой, Никитушка, верхом полетим, – бегло командовала Яга с видом отпетой террористки. – Государь с государыней да Митенька наш в избушке поедут. Ноги у ей отдохнувшие, а уж коли во всю прыть

припустит, дак и Змей Горыныч не догонит! Хотя... энтот может. Но не сразу! Изба-то на поворотах пошустрее будет...

– Какая у неё шустрость, я знаю, до сих пор всё тело в синяках. – При одной мысли о том, что на нас могут спустить Змея Горыныча, желание участвовать в этой афере пропало напрочь. Всё, что написано об этом пресмыкающемся гаде в сказках, – правда, а значит, держаться от него следует подальше. Но рассуждения мои никого не интересовали, группа захвата расселась согласно боевому расписанию. Яга задала избушке курс, свистнула, топнула и первой полезла в ступу.

Сотник Еремеев помахал шапкой и пообещал, что приглядит за всем. Я напомнил, чтоб в порубе долго никого не держал, пусть лучше люди в царской тюрьме греются. Стрельцы с факелами выстроились в два ряда вдоль улицы. Ступа начала плавно подниматься в воздух. Бабка неторопливо помахивала помелом, а я чувствовал, что в более абсурдную авантюру меня ещё никогда не втягивали. Но, кстати, не буду врать, что меня это не устраивало...

* * *

...Летели быстро и бесшумно. Где и как за нами внизу успевала избушка, не знаю, опознавательных огней ни мы, ни они не зажигали. Марш-бросок нашей воздушно-десантной группы проводился в режиме повышенной секретности, если Яга права и Кощей действительно купился на моё письмо, то у нас есть шанс. Внутри Кощеева дворца мне доводилось бывать уже дважды, расположение комнат более-менее знаю, проход внутрь бабка обеспечит, коридором с монстрами нас уже давно не напугать, где находится лаборатория, разберёмся, кажется, от центрального зала налево. Правда, слабо верится, что именно в этот момент шамаханское зелье будет стоять в котле... Ну не фабрика же там в самом деле?! Да и запах от варёных кошек у меня с первого раза до сих пор в горле стоит. Такое не забывается...

Баба Яга тоже лишних разговоров не заводила, управляясь с помелом молча и сосредоточенно. Обычно она любит поболтать и старческим слабоумием не страдает. Как помнится, перед вылетом бабка обещала поделиться какими-то своими умозаключениями, но молчит, значит, строит планы. Тонкие, сложные, продуманные и обычно выходящие мне боком. Хотя... раз жив ещё, чего ж на старушку зря наговаривать?

Так что в целом долетели быстро, солнце только-только встало над

лесом, а бабка твёрдой рукой направила ступу на посадку. Приземлились тише воды ниже травы на едва заметную полянку метрах в пятидесяти от Лысой горы. Избушки на курьих ножках пока видно не было.

– Вылазь, Никитушка, ждать будем.

– Чего именно?

– Часу урочного, – важно объяснила моя домохозяйка. – На заре пойдёт Кощеюшка из дому со всеми слугами да шамаханами тебя воевать. А ближайшее чисто поле отсель верстах в трёх будет. Ежели резво возьмёмся, дак, глядишь, и обернёмся за час. А там уж давай бог ноги...

– Значит, первая задача – найти необходимое зелье, убедиться, что оно именно то, и, переправив его в Лукошкино...

– Детям – по одной ложке, мужикам да бабам – по две! Время недолгое животами помучатся, да уж потом и здоровёхоньки станут.

– Бабушка, а не потравим никого?

– Пошто специалисту своего же отдела экспертного не доверяешь?! – не обидевшись, отмахнулась Яга. – Ну ежели и помрёт один-другой, дак прочие-то точно излечутся! Не забивай мне голову глупостями, там видно будет...

– Ладно, не сердитесь, тогда, может быть, подползём к Кощею поближе, здесь из-за деревьев ничего не видно.

– Стара я по иголкам да сучкам ползать, но разведку произвести надобно, тут ты верно мыслишь. Давай-ка сам сползай, не погнушайся, а я тут наших подожду.

Я коротко кивнул, снял фуражку и, пригибаясь как можно ниже, едва ли не гусиным шагом направился к желтеющему меж сосен песчаному холму. Во всех сказках и географических справочниках это место почему-то носило гордое название – Лысая гора! На ней действительно ничего не росло, но для песчаной высоты в десять метров слово «гора» всё равно было чрезмерно претенциозным. Помнится, в прошлый раз мы ей прямо на макушку сели, но тогда охраны не было, а сейчас...

Дремлющий дозор из трёх молодых шамаханов я заметил сразу. Видимо, ребята честно не смыкали глаз всю ночь, а на рассвете расслабились. Народец они мелкий, но задиристый, на голове рога, чуть ниже спины – маленький поросячий хвост, а внешностью классические татаро-монголы из учебника истории за шестой класс. Внимательно оглядев окрестности, я отметил ещё два таких же поста, хотя на деле могло оказаться и больше, за деревьями плохо видно.

Но насчёт присутствия целой орды бабка явно преувеличила – хорошо если сотни две, и наверняка все пешие, на степных лошадках по лесу не

набегаешься. Плохо, что мы оружие не взяли. Только у царя, по-моему, была сабля, у Митьки – одни кулаки, государыня тоже без пистолета, у меня даже планшетки нет, разве что ремнём драться... Следовательно, вывод один: ни при каких условиях не ввязываться в откровенную драку – побьют!

Постояв ещё немного, я мудро решил не дожидаться пробуждения шамаханских часовых, и дал задний ход. К моему возвращению весь наш диверсионный отряд оказался в сборе. Все, кроме меня, в чёрном, деловые жутко, лица, как у японских камикадзе, а по глазам и скупой жестикуляции – вылитые морские пехотинцы США в киношном варианте. Честно говоря, даже смешно немного...

– Что вызнал, Никитушка?

– Лысая гора охраняется шамаханскими дозорами, общее количество от трёх-четырёх и выше, и в каждом не менее трёх воинов. Признаков конной орды не обнаружено, прямой путь к центральному тоннелю наверняка перекрыт. Сам Кощей нигде не появлялся. А если он и пойдёт «во чисто поле», то это примерно во сколько?

– На заре, – неопределённо отмахнулась Яга. С её точки зрения, это понятие вполне определённое, а на часы да минуты и мелочиться не стоит.

– Как скажете, – спокойно кивнул я. – Но, будьте так добры, дайте каждому чёткие указания по порядку действия. Иначе кое-кого мы потом просто недосчитаемся, пока этот кое-кто будет шарить по всем углам в поиске завалящего бутерброда или ничейного бублика.

– Он не будет! – срывающимся голосом вступилась матушка царица. – Горошек ошень сыт! Я вся его кормить, и он не наведёт?.. обведёт?! а, не подведёт!

– Как бог свят, Никита Иванович, – честно перекрестился государь. – Не подведу, а ежели что, стреляй меня как собаку!

– Хм... вообще-то, я имел в виду...

– Грех вам, батюшка сыскной воевода, – разом насупился Митька. – Я ить, ежели для дела надо, хоть два часа голодать готов, а чтоб о бубликах не думать – на то указу не было!

– На, касатик, возвращаю. – Баба Яга извлекла из-за пазухи тот самый бронебойный крендель, протянув его моему напарнику. – Заткнись тока на время, покуда я буду задачу боевую перед каждым в полный рост ставить. Во-первых, как уйдёт Кощеюшка на великий бой, так и охрана за ним потянется. В тот миг мы в подземелье злодейское и нырнём! Будут нас страсти всякие пугать, а вы не бойтесь – морок тока страхами силён, уж Никитушка с Митенькой знают. Ворота живые с шипами острыми я на себя

беру, а вы внутрих дворца Кощеева времени даром не тратьте – ищите котёл али кувшин с зельем шамаханским. В ём цель наша!

– А как его узнать, бабушка?

– Легко, который хуже всех пахнет, тот и хватайте!

– Э-э, минуточку, – вмешался я, – а ежели там какие-нибудь ядовитые химикаты? Один раз нюхнём, и нет царя в Лукошкине...

Ответить Яга не успела – хотя, судя по гримасе, собралась, и достойно! – раздался дребезжащий грохот, словно внутри горы разом накрылась колоннада медных тазиков. Мы дружно присели и захлопнули рты. Прозвучали гундосые шамаханские трубы, послышался визг и свист, видимо, хозяин Лысой горы всё-таки решил выйти на честный поединок с одним (не совсем честным) милиционером, ведь, по совести говоря, мы собирались его банально «кинуть», это уж потом весёлая судьба подкорректировала планы...

– А мне есть можно единым глазом повидать? – шёпотом спросила царица Лидия. – Одним, одним, правим, не левим...

– Почему ж не левым-то? – сурово вздохнула бабка. – Можно и левым, осторожно ежели. Да уж тогда пошли все смотреть!

Мы ломанулись вперёд, словно студенты с лекции. Благо, что никому из шамаханов и в голову не пришло оглядываться по сторонам на случай неожиданного появления оперативно-диверсионного отряда. В самом деле, какие же психически ненормальные типы дерзнут вторгнуться на территорию Кощеева синдиката с целью ограбления, пока никого нет дома?! А ведь мы себе такое уже позволяли... Нет, видимо, особенно крутые уголовники не умеют учиться на собственных ошибках!

– Который есть Кошей?

– Во-о-он тот, рыбка моя! Тощий, аки скелетина, но сам в латах...

– Пальцем не надо так указывать, ваше величество, заметят!

– Бабушка, а правда, что у него подвалы златом-серебром полны? И чахнет он над ним здоровьем во вред, так, может, мне бы...

– Тока тронь, чего не положено! Я ить на участкового не посмотрю, так помелом отделаю...

– Дык... на нужды отделения же!

– Митя, слушайся бабушку.

– Хотя погодь-ка, Никитушка... На нужды отделения, говоришь?

– Я тоже хотеть в свой штат такой узкоглазий степняк! Ошень экономичный, мобильный и функциональный модель...

– Это где ж он у тебя функционировать будет, золотце моё? Чёй-то мысли нехорошие у меня в башке так и вибрируют...

– Ваше величество, ещё раз прошу, палец уберите! Нашли что врагу демонстрировать...

Мы говорили, беззлобно переругиваясь и ни капли не скрываясь, наверное, минут двадцать. Торжественный выезд гражданина Бессмертного сопровождался мрачной варварской помпой и отсвечивал больным самомнением. Главный злодей выехал из раскрывшегося тоннеля на костлявом чёрном жеребце, с цепями вместо поводьев и шипастыми копытами. Золотые доспехи образца ордена тамплиеров горели, как звезда по имени Солнце. У левого бедра Коцея висел уже знакомый двухметровый меч, в правой руке – полоскался неновый парчовый штандарт с изображением черепа в короне.

В густом лесу как по волшебству мгновенно образовалась просека шириной в шоссе. Следом за господином на более мелких лошадках проследовали четыре неизвестные фигуры в длинных плащах с капюшонами. У этих не было видно никакого оружия, но на мгновение мне показалось, что я успел заметить узкую девичью ладонь, вновь скрывшуюся в широченном рукаве. Олёна?! Сердце предательски ёкнуло, но всадники уже прогарцевали мимо, а за ними беспорядочной толпой хлынули шамаханские воины. Конечно, не орда, все пешие, но разнообразно вооружённые и на первый взгляд всё-таки больше двух сотен.

Дождавшись, пока всю банду скроют тут же сомкнувшиеся деревья, мы лихо выскочили из укрытия и ринулись к Лысой горе. Открывать дорогу в песчанике бабка умела, мы с Митькой тоже здесь не впервой. Надеюсь, царь с царицей не подведут, тоннель – место зрелищное, все «комнаты страха» в заезжих луна-парках меркнут на корню. Лично я в своё время дрожал как лист, да и наш младший сотрудник, если бы не был предусмотрительно превращён в петуха, то...

– Ну вот, гости дорогие, – вежливо поклонилась Яга, широким жестом указывая на ведущие в глубь горы ступени, – кому честь воздадим, кого первым пустим, кто позору мокрого не боится?

Горох и Лидия одновременно подняли руки. Что ж, вас предупреждали...

* * *

Как я уже неоднократно упоминал, мы (трое) там уже были. То есть гипотетически выползающими из стен монстрами нас не запугать. Тем паче что традиционно лезут именно те чудовища, которых вы в состоянии

представить. Нет, разумеется, какой-то стандартный, общеупотребляемый набор был, но вариации и новшества только поощрялись. Сначала вылезают всякие змеи, ожившие скелеты, полуистлевшие трупы, мелочь разная с когтями, зубами и рогами, ну и так далее по сценарию. Само собой, мы охотно уступили первенство государю с супругой, втайне злорадно ожидая истошного женского визга и отборных гороховских матюгов, но не тут-то было...

Из тоннеля раздался... смех! Сначала робкий, неуверенный, потом всё более набирающий обороты, а под конец вообще дружный неудержимый гогот! Мы мельком покосились друг на друга, одновременно почувствовав себя идиотами. Но смех казался таким заразительным, что Яга первая не удержалась, припустив по сырým ступеням вниз. Когда следом раздались сдержанные хихиканья пожилой эксперт-криминалистки, мы тоже не стали долго ждать, а в результате весь наш отряд, едва дыша, на подгибающихся ногах, долгое время не мог сдвинуться с места.

Оказывается, если морoka не боишься и даже дразнишь – он так потешно обижается! Упыри и вурдалаки рыдали горючими слезами и бились лбами об стены, не в силах перенести наших издевательств. Царь-государь строил всем скелетам рожи, Лидия Адольфина показывала монстрам язык и вслух читала немецкие стишки-обзывалки. Митька подобранной где-то хворостиной гонял по ступеням плюющихся от раздражения змей. И даже обычно сдержанная Баба Яга, не удержавшись, наступила на хвост призрачному дьяволу, думая, что я не вижу. Ей-богу, мне и в голову не могло прийти, что в ужасном коридоре, полном самых отвратительных порождений человеческого разума, можно так весело провести время! Воистину смех помогает выпрямить спину...

Так что к воротам мы вышли в распрекраснейшем расположении духа. Знаменитые стальные лианы с шипами сантиметров в двадцать хищно нагнулись к нам, позванивая от нетерпения. Лично я бы на месте Кощея сделал выводы из нашего прошлого «визита» и поменял бы всю пропускную систему. А с этой Яга по-прежнему управилась в пять минут, стальные шипы обвисли, как мокрые селёдки, и мы быстренько протолкались внутрь.

Дворец главы преступного мира был традиционно мрачен, роскошен и абсолютно эклектичен по стилю. Вопиющее сочетание отпечатков грязных ног на золотых паркетных плитах, трёхсотлетней пыли на россыпи драгоценных камней, откормленные пауки, безудержно наглые крысы – и ничем не оправданная претензия на значимость шедевра классической архитектуры. Мой напарник чихал не переставая, царь с царицей шли

разинув рты, а мы с бабкой уверенным шагом направились прямо в лабораторию. Специфического запаха варёных кошек не ощущалось, значит, придётся искать бутыл с нужным зельем где-то на полках.

– Митенька, ты уж тут инфекцию не разбрасывай, во-он в той комнатке подожди. Там зеркальце весёлое есть, что ни попросишь – оно покажет. А не будет слушаться, ты ему камушком пригрозил, небось образумится...

Наш младший сотрудник счастливо хлюпнул носом и умчался играть.

Нас с Горохом бабка отправила в рабочий кабинет Коцея, проверить, нет ли каких полезных документов. Бывшая австрийская принцесса осталась с ней на подхвате: Лидочка – девица рослая и всякие бутыл со стеллажей доставала одной рукой, слегка поднимаясь на цыпочки. В сущности, всё правильно, что нам, троим здоровым мужикам, делать в этом «храме науки»? Ещё разбили бы ненароком что-нибудь взрывоопасное, пусть уж такими вещами женщины развлекаются.

Кабинет Бессмертного представлял собой не очень большую залу с каменным столом (или алтарём, или даже саркофагом!) в центре. Бардак едва ли не больший, чем во всём доме. Выражение «чёрт ногу сломит» сюда не подходило, как чрезмерно лестное. Нogu тут сломал бы и мамонт! Мы с царём пробирались сквозь завалы книг, чертежей, бумаг, чьих-то выбеленных костей, осколков посуды и даже мраморных намогильных плит.

– Ну нешто можно в таком свинстве жить?! При евонных-то деньгах мог бы хоть на уборщицу какую ни есть потратиться!

– Да, не Аль Капоне... – кое-как выдёргивая застрявший сапог, признал я. – Главное, добраться до стола, наиболее важную информацию он наверняка держит под рукой.

Наши дружные поиски увенчались успехом. Во-первых, был обнаружен типовой бланк-договор (подписанный кровью) с господином Труссарди (он же Генато Ретузо, он же Бриф энд Транк, он же – Клаус Стрингтенберг!) на предмет проведения диверсионно-подрывной деятельности в городе Лукошкино. Цель – распространение наркотиков, создание тайной торговой сети и полная дискредитация сотрудников ненавистного отделения милиции. Плюс квитанция об оплате, в пятьдесят раз превышающей мой годовой оклад! Если бандиты и в эти времена зашибали такие бешеные деньги, то как оставаться честным бедному участковому, который намерен ещё и жениться?! Горох понял меня без слов, сразу же пообещав прибавку к жалованью. Во-вторых, я выудил купчую на Олёну, сумма, полученная её небрезгливыми родственниками, была просто смехотворна... По таким расценкам за одну месячную

зарплату даже Митька мог бы позволить себе целый гарем! Сунем в карман, потом пригодится.

Царь нашёл что-то интересное, быстро прочёл про себя, беззвучно шевеля губами, и, хихикнув, поманил меня:

– «...а и круторогим, белорунным, лбом чугунным, горделивым, горбоносим мериносиной!» Это что ж за зверь – мериноси... Бэ?!

– Не-э-э-т! – Я всё равно не успел дотянуться и выбить у него из рук злополучную книжицу. Царь простодушно наступил на те же грабли, что в прошлый раз полновесно отметили мою голову. Ну как я мог забыть предупредить его, что здесь нельзя читать всё подряд?! Есть заговоры и заклинания, действующие сразу, без предупреждения и ограничений! Я автоматически потрепал по великолепной шерсти ничего не понимающего барана и поднял упавшую книжку.

– Бэ-э?! – Несчастный уставился на меня испуганными глазами.

– Естественно, ваше величество! Сами себя в барана превратили, теперь уж хоть бэ, хоть мэ... Идёмте скорее к Бабе Яге, она поможет.

– Бэ-э...

– По крайней мере, мне в прошлый раз помогла. Так, на какой странице вы тут лазили? Здесь или вот здесь? Читать-то как раз не надо, достаточно на картинку глянуть. Вот баран... два барана, разных. Наверное, этот толстый больше на вас похож: «круторогим, белорунным, лбом чугунным...» Мама!

Я больно ударился носом о собственное колено и, неуверенно постукивая копытцами, поднялся на ноги. Так, главное – не паниковать! Я гневно боднул рогами противную книжку и покосился на государя. Тот осел на кудрявую задницу, прямо-таки заходясь здоровым бараньим смехом. Очень весело... Ценю его детское чувство юмора, но надо спешить, Кощей долго в чистом поле торчать не будет, а когда вернётся, с удовольствием сделает из нас двоих отличный шашлык, а может, ещё и папаху. На память о царе и милиционере... Нужно бежать, бабушка поможет!

Накрепко сжав зубами книжку заклятий, я бодро потрусил вперёд, брезгливо отмечая, как отвисший курдюк мешает при ходьбе. Сзади, всё так же заливаясь счастливым бляеньем, семенил надёжа-государь. Нет, теперь он от нас точно не отвяжется... Зачем ему в думу, когда у оперативников столько развесёлых развлечений?!

– О, майн гот! Какие симпатичные баранки! – умильно всплеснула руками молодая царица.

Яга, сумрачно обернувшись со стремянки, скорбно бросила через

плечо:

– Ты, что ль, Никитушка?

Я пристыженно кивнул.

– Ох, сокол ясный, ну и как же вас с государем до такого виду довело... Это ж воистину бараньи мозги иметь надобно!

Царь возмущённо зафыркал, топнул задней ногой и даже пригрозил рогами.

Понятливая Лидочка ахнула, изумлённо сев прямо на пол:

– Майн либен?! Герр мутер, как мне есть любить теперь баранка?

– Так есть али любить? – съязвила бабка.

– Любить! – Царица решительно обняла своего «барана» за шею.

– Могу научить, да небось участковый гневаться будет, – продолжая изгаляться, Яга слезла вниз, забрала у меня книгу, пошептала над ней, а потом безболезненно открыла и, что-то прочтя, поочерёдно ударила нас промеж рогов.

– Ох и весело-о, – с чувством пропел Горох, в свою очередь обнимая преданную супругу. – Никуда я теперича из опергруппы не уйду!

– Этого мы и боялись, – под нос буркнул я, поднимаясь с пола и отряхивая брюки. – Вот две очень важные бумаги по делу создания наркосети в Лукошкине и отдельная купчая на Олёну. А как ваши дела?

– Не нашли покуда, вона ещё две полки проверить осталось.

– Митька не появлялся?

– Нет вроде... И вправду, сходили бы вы, проведали мальчонку, не ровён час, влезет куда не следовало.

Мы с государем кивнули и отправились выполнять. Повезло нам с бабушкой, правда? Горох обеими руками разделял моё мнение, такого энтузиазма я ещё никогда ни у кого не видел. На секунду мне даже показалось, что я уже не смогу «попросить» его из отделения... Но нет, долой минутную слабость, у каждого должно быть своё место в жизни, свои дела и свои обязанности.

Царю – царское, боярам – барское, а нашей милиции – в пропорции и кондиции! Это не я, это Митя выдумал. Он ещё на деревне творческим складом ума заметно выделялся, а уж за всё время работы в отделении умных слов нахватался, читать выучился, афоризмы собственной рукой сочиняет, так что к маменьке на побывку поедет Ломоносовым! Если сейчас он не сидит перед волшебным зеркалом, стуча кулаком и требуя показать ему все тайны мироздания, – я не знаю Митьку...

– Ух ты! – первым вытаращился государь. – Это ж вона чем твой молодец-то занимается... Ты тока не кричи, участковый, а то моя жена

набежит, не даст налюбоваться!

Наш умник сидел на полу тихо, как двухметровая мышка, во все глаза глядя на зеркало, демонстрирующее... Нет, не тайны мироздания, не глубины океана, не чужеземные края и не редчайшие экспонаты всех музеев мира. Митя «заказал» апрельские купания девушек на речке Смородине! Вода была ещё холодная, и в неё лезли только самые смелые, но с десятков молоденьких красоток, одетых в бусы и нательные крестики, визжа, гонялись друг за дружкой по мелководью! Зрелище было настолько эстетически непринуждённым, что я даже как-то невольно засмотрелся сам и не дал Митьке подзатыльник.

– Жениться бы тебе надо, Никита Иванович, – с мягким укором в голосе посоветовал царь.

Я покосился на него с недоумением:

– Это же всего лишь мягкая эротика...

– Ага, то-то я гляжу, как она в тебе твёрдость мужскую вырабатывает!

– Да ну вас знаете куда...

– Ха, ку-пил-ся-а! – тыкая меня в бок пальцем, захохотал государь. – Ладно, не серчай, в другой раз в шутках разборчивей стану. Забирай своего парня, небось Яга уже нашла зелье секретное. В город поспешать надобно!

Забирай... легко сказать. Он же полностью провалился в мир грёз и страну ароматов, так что на «Мить-Мить» не откликался. Пришлось попросту подцепить его под локотки и удвоенными усилиями уволочь прочь. Митяй сопротивлялся весом. Тело его было расслабленным, рот открытым, а во временно остекленевшем взгляде отражались купающиеся лукошкинские афродиты...

* * *

– Ну как? – спросили мы, появляясь в дверях лаборатории. В ответ прогремел взрыв, и горячая, противная, вонючая, пыльная ударная волна снесла нас к противоположной стене! По счастью, не убится никто... На Митькиных руках сидела довольная бабка, прижимая к груди объёмистую колбу с мутно-зелёной жидкостью.

– Вот оно и есть! По одной ложечке на дитё, взрослому – по две, и здоровеньки все! А вы чего расселись-то? Дело сделано, до дому бежать надобно!

Спорить никто не стал, мы бодренько вскочили на ноги, кое-как отряхнули сажу и строем двинулись к выходу. Прошли метров десять,

прежде чем до меня достучалась очень тревожная мысль.

– Минуточку, но, кажется, нас было пятеро! Кого потеряли?

– Супругу мою разлюбезную, – побледнел Горох. – Лида, Лидочка, солнышко златовласое! Отзовись, ум готтэс вилен!

– А я думала, тут она, – пожимая плечами, заворчала бабка. – От ить дотошность немецкая... Нашли, что искали, да и дёру бы, ан нет, ей надобно, чтоб всё по своим местам лежало! Вот, видать, и задела чего...

– Так это она взорвалась?!

– А я знаю?! Думала, может, хулюганит кто...

Лидия Адольфина, матушка царица, сама вышла нам навстречу мелкими шажками, держась за стеночку. Личико Лиды было чернее сажи, а некогда золотистые косы стояли дыбом на метр вверх, благо потолки в Кощеевом доме были высокими. В целом вид скорее потешный, но улыбаться почему-то не хотелось.

Наоборот, у нас, мужчин, просто руки опустились от жалости и сострадания. Бедняжка действительно хотела, как лучше, а если и уронила чего-то там случайно на пол, так уж никак не по причине косорукости... Она не виновата, что взорвалось, – нельзя так сурово карать человека за непредумышленные ошибки. Хотя, с другой стороны, впредь без разрешения ничего руками трогать не будет...

– Ну, чего уставились, дурни?! – раздражённо притопнула глава экспертного отдела. – Али никогда бабы пришибленной не видали? Раз своими ногами ходит и головушку самостоятельно держит – значит, оклемается вскорости! Волосья жиром уложим, а личину царственную пемзой в бане ототрём. Поспешаем отсель, ноги делать надо!

Горох подхватил жену под локоток и, шепча на ухо нечто ласковое по-немецки, кинулся догонять неумолимую бабку. Мы с Митяем замыкали арьергард. Бежали споро, дружно, сохраняя дистанцию и дыхание. Престарелая эксперт-террористка неслась впереди всех, забыв про хромоту и крепко держа перед собой заветную склянку обеими руками.

Стальные шипы ворот только-только начали просыпаться от бабкиного заклинания, поэтому реагировали вяло и бросались на нас с явной неохотой. Гороху прорвали штанину, да Митьку кольнули пару раз пониже спины. Наверняка смеху ради, уж больно крупная и соблазнительная мишень попалась... Больше не зацепило никого, коридорные монстры после недавнего унижения даже не рисковали вторично высунуть нос, и лишь невнятные жалобы тоскливо гасли под невысокими сводами тоннеля. Только один, очень храбрый (или очень забывчивый) полусгнивший труп решился показать нам свои зубы, но я презрительно плюнул ему на лысину,

и придурок отстал...

На выходе в глаза нам ударило яркое солнышко, мы грянули «ура», но качественно отпраздновать победу не успели – по всему лесу трещали сучья, Кощей Бессмертный несолоно хлебавши возвращался в свой сумрачный дворец. Ну надо же как не вовремя, а ведь мы практически успели...

– Ваши предложения, бабушка?

– Избушку звать надобно, – совершенно спокойно отозвалась Яга. – Чай, царь-государь указания мои в точности исполнил? А не то уж больно обидно будет, когда всю опергруппу лукошкинскую за воровство да взлом квартирный при всей Орде стыдить начнут. А ить и побить ещё могут... заслуженно!

– Зачем напраслину наговариваете, – буркнул Горох, осторожно пытаясь как-то пригладить вызывающе стоящие косы супруги. – Всё исполнено, как велено, и солью крупнокалиберной заряжено!

Бабка снисходительно кивнула и, передав мне колбу, сунула два пальца в рот, так лихо свистнув, что все пригнулись. Даже треск и шум приближения Кощеева поезда на мгновение стих, словно бы прислушиваясь.

– Соловей-разбойник научил, – задрал нос до небес, похвасталась моя домохозяйка. – Я ить, по молодым летам, с кем тока дружбы-то не водила. Да и Соловей энтот уж на что щербатый да глазом косой, а в деле некотором... такой разбойник был! Говорили, будто бы убили его, но я так думаю, что брешут. Уж больно редкий талант свисту художественного ему отпущен был, небось с ним и за границу подался...

Избушка на курьих ножках, совершенно невероятным образом протискиваясь среди столетних сосен, выбралась к нам и стала по стойке «смирно». Баба Яга ласково потрепала её по крыльцу, и та музыкально закрипела от удовольствия. Знаете, первое время я всякому удивлялся, а теперь привык, разве что хмыкну в особо выдающемся случае.

Царь, подпрыгнув, полез в избушку, я аккуратно передал ему туда шамаханское зелье. Митя начал деликатно примериваться, как бы получше закинуть внутрь и царицу, когда передние ряды деревьев волшебным образом распахнулись, являя нам гражданина Бессмертного во всей красе. Картинка во всех смыслах впечатляющая, хоть и несколько вычурная, но Кощей всегда страдал пристрастием к некой театральности...

Итак, впереди на чёрном Росинанте (более костлявого мерина припомнить не могу...) сам хозяин дома – красивы-ы-й, влюбиться можно! Доспехи наверняка пастой ГОИ драили недели две всей Ордой в три

смены. Справа и слева по два всадника в плащах с капюшонами, грозные, как всадники Апокалипсиса. Следом – разношёрстная неотёсанная шамаханщина, смесь цыган и монгольской шушеры. Довольно много, кстати, на нас пятерых с избытком будет.

Однако в панику никто не ударился. Митька впихнул-таки в избушку всё ещё туго соображающую Лидочку, шагнул ко мне. Я встал в центре, Баба Яга справа. Втроём мы являли впечатляющее по самодеятельности зрелище. Кавалькада замерла шагах в пяти. Кощей дважды поднимал сияющее забрало, порываясь что-то сказать, но оно всё время падало.

– Никитушка, ты уж выскажи ему всё сам, а то ить мучается, злодей, неудобно...

– А что я ему скажу?

– Я знаю, я! Пустите, отец родной, я ему с прошлого году за «петуха» позорного не всё поперёк хари вылепил, а уж скока накалило...

– Не надо, Мить. – Мне пришлось повысить голос. – Бабушка права, как начальник Лукошкинского отделения милиции, я не имею права прятаться за ваши спины. Гражданин Бессмертный, Кощей (как его по отчеству? Ну, пусть пока будет Кирдыкбабаевич)... ваша песенка спета! Попытка посадить наш город на иглу успешно провалилась. Часть виновных задержана, имена остальных нам известны и заявлены в розыск. Я не имею сил для вашего повторного ареста, но тем не менее требую – сию же минуту отпустить насильно удерживаемую вами бесовку Олёну! Митя, она фамилии не называла? Ну и ладно, просто Олёну!

– Ась?! Это что за комаришка в болоте пищит... – тоненьким, но исполненным презрения фальцетом откликнулся мой оппонент. – Никак слабоумный участковый ко мне в гости всей группой пожаловал? Я его, как витезя благородного, в чистом поле ищу, а он тут за спиной в чужом доме грабительствует...

– Бабушка, что у него с голосом? Опять ваша работа...

– Вот те крест, Никитушка, не моя вина, – честно отбоярилась Яга. – Видать, Кощеюшка ещё в силу не вошёл, вот и голос аки у евнуха персидского. Тут уж, пожалуй, и я с ним силой помериться не побоюсь – даром, что ли, зарядку делала да психоанализом занималась...

– Какую зарядку, что вы выдумываете?!

– Эй, эй, сыскной воевода, – завертел головой крутой авторитет, а для меня лишь беглый уголовник. – Сам пришёл за смертью безвременной да ещё и слуг своих верных захватил. Да только что ж не честью на поле ратное явился, али смелости не хватило? Ну да не горюй, пугать тебя не стану, всё по-простому решим – мой меч, твоя голова с плеч!

Меч у него действительно был, висел на поясе, изогнутый волнами и до того длинный, что едва не волочился по земле. В сердце на мгновение прокрался предательский холодок. Шамахань дружно завопили, потрясая саблями и копьями, а Кощей, нарочито отведя руку, медленно сомкнул пальцы на рукояти и... ничего. Сначала он и сам не поверил, но факт остаётся фактом – великолепный меч изумительно смотрелся у него на бедре, но длина клинка по отношению к длине руки никак не позволяла извлечь его из специального кольца на поясе. Митька первый дерзнул придушенно хихикнуть... Всадники в капюшонах, те, что были поближе, одновременно кинулись на выручку и после кратковременной заминки торжественно вручили господину его меч!

– Не единожды мог я мизинцем одним оборвать жизнь милицейскую, но, видать, судьба иначе нить плела. Чтоб сгнуло всё ваше семя крапивное на моей земле, а об головы ваши у Лысой горы каждый встречный ноги вытира-а-а-а... – Тонкий голосок гражданина Бессмертного задрожал, словно игла патефона на испорченной пластинке. Причина смехотворная – злодей не мог поднять меч! То есть удержать его двумя руками, уперев кончик клинка в землю, – пожалуйста, а вот поднять над головой... увы! На этот раз ухмыльнуться позволила себе и Баба Яга. Я тоже позлорадствовал, но слегка. В конце концов, кто же мог предполагать, что он действительно НАСТОЛЬКО ослабел?

Когда тело Кощей отправляли в острог, это вообще был недвижимый обезображенный скелет без малейших проблесков жизни. Чему удивляться, сколько мяса он мог бы успеть нарастить за какие-то два-три месяца... Оставалось только посочувствовать. Чего, кстати, делать не стоило, учитывая, какая банда стоит за его спиной.

– А не видать тебе, участковый, боя честного, богатырского, – отдышавшись, вновь начал Кощей, старательно спасая положение. – Велика честь тебе, собаке, моей рукою погубленным быть. Вот шамаханам, детям моим, на расправу отдам душу милицейскую! Ужо супротив Орды, да без оружия, недолго тебе небо коптить.

– Минуточку! – извиняющимся женским голосом прокричали из избышки. – Айн момент, ми всех настреляйт. Горошек уже почти зарядил пушку мной... со мной... то есть я ему ошень помогать! Можно, я сама буду телиться?.. целиться?.. нацелифаться?!

Я вопросительно посмотрел на Ягу: это какие же, интересно, указания она дала перед дальней дорогой царю-батюшке? Что-то в последнее время бабка берёт большую самостоятельность, при её экспрессивности добром всё это не кончится. Могла бы хоть посоветоваться для приличия, всё-таки

я – начальник отделения...

– Что за шутки грязные милицейские?! А ну...

Договаривать Кощею расхотелось – из окошка избышки на курьих ножках показалось воронёное дуло крепостной пушки! Голодное жерло смотрело прямо в центр блистательной кирасы обалдевшего злодея...

* * *

Все прекрасно поняли, ЧТО это может значить. На таком расстоянии всего одно ядро чугунное сделало бы из нашего врага некондиционную консервную банку. А в пушке, как я полагаю, была соль! Выстрел мог раздаться в любую секунду. Шамаханские визги стихли, как обрезанные. Агрессивно настроенная толпа присмирела, боясь дыхнуть, ибо в любой момент могла потерять и вождя, и господина, и папу! Если правильно помню, бабка как-то упоминала, что весь шамаханский род идёт от Кощея, без него они просто пропадут. Может быть, воспользоваться ситуацией и крикнуть «пли»?! Вместо этого я очень медленно поднял правую руку над головой и внятно попросил:

– Ваше величество, не стреляйте.

– Как скажешь, Никита Иванович, а только очень уж приятственно самого Кощея на мушке держать! – удовлетворённо откликнулся царь.

Я шагнул навстречу Бессмертному:

– Мы не бандиты и не убийцы и сюда пришли не на криминальные разборки, а по делу. Вы посадили на наркотики ни в чём не повинных жителей Лукошкина, не пожалев даже детей. Поэтому мы реквизируем в вашей лаборатории противоядие и непременно доставим его в город. Именно реквизируем, а не украли!

– Да понял уже, не дурак... – кое-как проскрипел криминальный авторитет, предусмотрительно не шевелясь в седле. – Дальше-то чего требовать будешь?

– Спрашивает, чего требовать будем... А можно? – хлопая ресницами, обрадовался Митяй. – Так, батюшка сыскной воевода, есть у меня пара мыслишек на эту тему. Там ить злата-серебра и камней драгоценных немерено!..

– Митяй...

– Тогда это... зеркало волшебственное! Я его сам проверял, тако-о-е бесцензурно показывает... В отделении отбоя от мужиков не будет, дело прибыльное!

– Митя, помолчи.

– А в край тогда хоть по коридору подземному с чудищами смешными напоследок пробежаться разок! Я там больно зверского упыря видел... Уж так хотелось ему пяточок на копчик натянуть, ну сделайте такую начальственную милость! В порядке поощрения за отпуск недогулянный...

Наконец Яга показала великорослому балбесу кулак, и я смог продолжить:

– Отпустите Олёну.

– Хм... да ить она ж преступница по всем статьям выходит, – помолчав, признал Кощей. – Зачем тебе? Али засудить думаешь, срок дать, а то и на плаху девку бросить...

– Я разберусь.

– Ах вон оно что... Стало быть, в самое сердце сразила бела утица сизого селезня! Ну коли так... препятствий в том чинить не стану. Сумеешь её получить – забирай! А не сумеешь – не обессудь...

– Пущай слово даст, Никитушка, – сквозь зубы процедила Яга.

– Зачем? Мы сами можем диктовать ему условия, он же под прицелом?!

– Ох, неслух... Ну пальнёшь, свалишь злодея, красу свою в охапку да бежать – так, что ли? А кто её от доли бесовской избавит, подумал?! Ему она в рабство продана, он и свободу ей дать должен и рукой, и словом своим!

– Хорошо, но дайте мне честное слово! – развернувшись к Кощею, потребовал я. Честно говоря, в речах бабки было далеко не всё понятно, но ей стоило верить. В конце концов, она у нас специалистка и в подобных вещах, как-то: заклятие, порча, приворот, отворот... разбирается как никто.

– Слово моё верное, нерушимое!

– Бабушка, а он не врёт? – тихо спросил я.

– Знамо дело, врёт! На то он и злодей закоренелый, чтоб врать. Да тока раз слово дал, так сразу убивать не станет, в загадки да службы разные покуражится. Вот тут мы его на кривой козе и пообедем...

– А без намёков нельзя? Меня этой козой уже полгорода попрекает...

Яга с хитрой ухмылочкой недоумённо развела руками, дескать, сам виноват, впредь не давай людям поводу. Ну, в сущности, чего нам терять, всё поставлено на карту, значит, надо идти до конца – форс дороже денег!

– Я принимаю ваши условия, гражданин Бессмертный. Будем вести себя как культурные люди из мира русских сказок. Вы – задаёте задания, я – их выполняю. Если правильно помню, мне положено исполнить три службы?

– Верно говоришь, – важно согласился Кощей. – И покуда дел обещанных не справишь – жить будешь во дворце моём. А коли уж где с чем не сладишь, так сам понимаешь...

– Ваш меч, моя голова с плеч, помню, проехали... – сплюнул я. – Готов переселиться на полное ваше обеспечение, но мои товарищи останутся со мной. Значит, с вас питание и три койко-места.

– Отчего же три? Неужто царь с царицею, что в избушке за пушкой спрятались, гостеприимством моим побрезгуют?!

– Увы, на сегодняшний момент у них другие задачи, – переглянувшись с бабулей, определился я. – А ну, избушка, к лесу задом, к Лукошкину передом, пошла, родимая, рысью – марш!!!

Мускулистые куриные ноги незамедлительно пришли в движение, мы расступились, внутри сдержанно ругался царь, которому не дали «всё досмотреть до конца и поучаствовать...». Уверенным шагом избушка двинулась прямо на Кощея, его скелетообразный жеребец взвыл совершенно нелощадиным голосом, в длинном прыжке уйдя в сторону. Четвёрка приближённых тоже догадалась удрать, а вот по пешим шамаханам домик Бабы Яги потоптался лихо! К тому моменту, когда они перестали орать и как-то организовались на самооборону, избушки и след простыл. Как она находила правильную дорогу, я ещё примерно догадывался – у зверей и птиц есть свой компас и врождённое чувство направления, – но каким образом она пробиралась сквозь плотные ряды деревьев в лесу... Это для меня тайна за семью печатями. Один раз я в ней ездил, но посмотреть – как, не догадался. Надо будет при случае повторить...

– А... э... ка... кто посмел?!

– Не серчай, Кощеюшка, – обезоруживающе улыбнулась наша эксперт-криминалистка. – Да тока о них у нас уговору не было, вся опергруппа перед тобой стоит, а энти так... любители.

Злостный преступник, великолепно удержавшийся в седле, звучно поскрипел зубами, в бессмысленной ярости погрозив нам кулаком. Всё, милейший, теперь грози не грози, а колба с противоядием уже через несколько часов будет в Лукошкине. Государь созовёт на площадь народ, расскажет горькую правду и собственноручно излечит страждущих. С политической точки зрения мы делаем ему такой великолепный пиар, о котором можно только мечтать. Царь-батюшка с царицей-матушкой, рискуя жизнью, добыли для рядовых граждан шамаханское зелье, избавив любимый народ от тяги к пагубному дурману! Эх, если бы и в моём мире всё можно было сделать так же легко, как в сказке...

– Ох и цепки вы, псы милицейские, – с явным оттенком уважения протянул гражданин Бессмертный. – Да не рано ли праздник празднуете? Глядишь, и под мои гусли плясать придётся... Идите в дом мой, небось дорогу знаете?

– Только после вас, – вежливо поклонились мы.

Кощей величаво кивнул, он по-прежнему мелкотщеславен, и опытные дяди-участковые этим беззастенчиво пользуются.

Нас окружили четверо всадников в балахонах с капюшонами, под их эскортом (или конвоем?) мы торжественно спустились вниз, гулко топая по давно знакомым ступеням. Морок, обрадованный возвращением хозяина, тут же кинулся к нему с жалобами на наше недавнее поведение. Призрачные монстры скулили, плакали, рвали на себе последние лохмотья плоти и обличающе тыкали в нас пальцами. Он их, разумеется, выслушал, что-то там наобещал (типа показательной экзекуции в том же тоннеле), но задерживаться не стал. Уроды отвалили вполне удовлетворённые и, гаденько хихикая, показывали языки нам вслед.

Мы шли молча, с десятикилограммовым презрением ко всему, типа «на больных не обижаемся». Стальные ворота с поклоном пропустили Кощея, дёрнулись было в нашу сторону, но царапаться всё-таки не рискнули – поняли, что мы в гостях. Бессмертный, не оборачиваясь, махнул рукой направо – там раздвинулась стена, ага, так это, видимо, специальные апартаменты для приглашённых.

Я шёл чуть впереди, Яга держала под локоток напряжённого Митяя. Интересно, хозяин будет очень ругаться, обнаружив последствия взрыва в лаборатории? А-а, семь бед – один ответ... Каменная стена бесшумно закрылась за нашими спинами. Ну что сказать, внутри было вполне уютно. Классическая русская печь с изразцами, две широкие лавки, пустой стол. Бадейка с ковшиком в углу, туалета нет (плохо!).

Бабка, выразительно подняв палец вверх, потребовала от нас полного подчинения:

– Тут уж, молодцы, меня, старую, слушать будете. Покуда все покои не осмотрю – с места ворохнуться не смейте! В доме врага и хлеб горек, и постель жёстка, и водица лихорадкой болотную припахивает...

– Никита Иванович, ну вот зачем она меня ещё боле запугивает?! Рази ж не видно, как из последних сил дрожь коленную приплясом маскирую...

– Митя, встань у стенки, успокойся и не отвлекай взрослых от разминирования.

– Куды?! – обернувшись, рявкнула Яга. Бледный, как кефир, наш младший сотрудник так и замер на полушаге с поднятой ногой.

Бабка что-то прошептала, развела руками, и прямо из полу мгновенно выскочили остро наточенные ножи, штук по пять на квадратный метр. Яга чуть приподняла подол – ей повезло, ещё сантиметр, и бабуля была бы хромая на обе ноги.

– А вот теперь, Митенька, доставай оружие своё тайное да ломай клювы железные. Но окромя того – ни единой пылиночки тронуть не смей!

Тайным оружием оказался знаменитый засохший крендель, в умелых руках он с одного удара обламывал кованые лезвия у самого пола. Не буду утомлять вас лишними подробностями, от которых кровь стыла в жилах: комната для дорогих гостей напоминала напичканный смертью дом японских ниндзя. Скамьи – сжигали всё, что на них ни бросишь. Печь – заглатывала каждого, кто поднимал заслонку. Вода в деревянной бадейке – оказалась жидким аналогом синильной кислоты. Ну и так далее, в том же духе, с той же убогой садистской фантазией и чёрным юмором патологоанатома. Если бы не боевой опыт Бабы Яги с её уголовным прошлым, Кощей получил бы наши разделанные трупы в ближайшие пятнадцать минут.

Бабка расстаралась на славу: когда в комнату без стука шагнули люди в капюшонах – их удивлению не было предела. Мы преспокойно расположились за взрывоопасным столом, небрежно перекидываясь в картишки. Козыри скопились у Митяя, но при удачном выходе Яги у меня были все шансы оставить его в дураках.

– Что-то срочное, граждане?

– Кощей вас... э-э... требует, – прокашлялся один из капюшонов безумно знакомым голосом.

* * *

Мы не стали уличать его сию же минуту, просто поставили на заметку, как же быстро сбежавшие негодяи сумели попасть в Кощеево царство. Иван-царевич, помнится, чёрт-те сколько сапогами пылил, пока добрался, а эти, похоже, ещё быстрее нас прибыли...

Теперь впереди нашей команды шла Баба Яга, вся в чёрном, строгая и неприступная. В поджатых губках холодное спокойствие мины замедленного действия. Следом я, в чуть помятой форме, ещё где-то рукав испачкал, а домовой, естественно, остался дома, в Лукошкинском отделении. Последним двигался Митька, доверчиво разинув рот и глаза по сторонам.

Не спору, посмотреть было на что, нас вели отдельной галереей куда-то в левое крыло, и стены буквально пестрели картинами зарубежных мастеров. Манера письма, смелость кисти, многообразие сюжетов, казалось, воистину призваны служить великой цели – посрамлению рода людского! пытки ада, терзания грешников, муки праведников, бессмысленное насилие, кровавые жертвоприношения – всё это могло напрочь изувечить психику любого нормального человека и заставить сойти с ума! Вернее, могло бы... Гражданину Бессмертному не хватило банального чувства меры. Три, пять, даже десять картин произвели бы неизгладимое впечатление, но сотни... Это уже напоминало пошлые чернушные комиксы и скорее вызывало здоровое раздражение, чем дрожь в поджилках.

Двое сопровождающих шли впереди, ещё двое по бокам. Неожиданно моей левой руки коснулись тонкие холодные пальцы. Я быстро сжал ладонь, и маленький клочок бумаги оказался у меня в кулаке. Ничем иным Олёна не могла дать знать, что находится рядом и... рискует едва ли не больше, чем мы. Прочту позже, а сейчас перед нами раскинулся огромный тронный зал, выдержанный в стиле европейского Средневековья. Держу пари, вот тут потрудился настоящий архитектор и дипломированный дизайнер по интерьеру, всё выглядело просто, стильно и профессионально, на очень хорошем уровне, как в высокобюджетном кино.

– Да-а... ничего не скажешь, и рад бы придраться, да грешно! – восхищённо выдохнул простодушный Митяй, разглядывая скульптуры в нишах, мозаичный пол и расписные плафоны высоко над головой.

– Не отвлекайся, напарник, мы здесь по делу.

Наша троица остановилась в самом центре пустого зала, однако почти сразу же его начали заполнять всякие неприятные типы, точные аналоги тех, что мы видели в тоннеле. Половину рож я бы арестовал не раздумывая, без предъявления обвинений, просто за явные криминальные наклонности на, с позволения сказать, лице!

– Ух ты какие-э... а энто тоже морок?

– Поднимай выше, Митенька, энто те, с кого тот морок лепился, – без улыбки объяснила бабка. – Так что прежде чем кому на хвост плюнуть – подумай три раза. И кренделем зазря не маши, решат, что прикармливаешь...

Кошмарных тварей становилось всё больше и больше, весьма вместительная зала заполнялась ими до упора. Мы чуть прошли вперёд и встали поближе к трону, всё равно Кощей будет сидеть там, значит, и разговаривать проще с близкого расстояния. Четверо сопровождающих

незаметно растворились в толпе, я осторожно раскрыл ладонь и посмотрел на записку. Она была предельно короткой: «Не бойся...»

На душе сразу потеплело. Ладно, хорошо, не буду бояться. Да и кого, позвольте спросить? Этих пластилиновых чудиков?! Я с воскресшими мертвецами дрался, чёрта через бедро кидал, с Кощеем на узкой тропиночке противоборствовал, на Сивке-бурке ездил... Упс, наверное, последнее – это зря, лошадь у нас хорошая... хотя тоже знаете как страшно было!

Откуда-то издалека послышался грохот тяжёлых шагов, сопровождаемый лязгом и дребезжанием. Кто бы это мог быть, а?

– Ну, слуги мои верные, – начал Кощей, утвердившись на каменном троне. – Где мясо белое милицейское, ножами резанное, огнём жаренное, ядом горючим приправленное?

– Он что, нас в упор не видит? – не понял я.

– Ох, да тише ты, Никитушка, – шикнула Яга. – Традиция такая, положено спросить-выпросить. Щас им нагоняй даст, а там уж и за нас примется... Не отвлекайся!

Верные слуги в капюшонах скорбно вышли держать ответ и, дружно вздохнув, молча указали на нас как на единственных виновников того, что мы живы. Бессмертный сочувственно кивнул, словно бы и не ожидал от нас иной пакости. Ну простите-извините, расстроили гостеприимного хозяина, впредь постараемся быть попослушнее... Бред собачий! Хоть бы книжки какие-нибудь детективные почитал, знал бы, как положено вести себя настоящему главе уголовного мира.

– Значит, не захотел участковый лукошкинский лёгкую смерть принять, аки милость мою редкостную! Вижу, не своим умом, а хитростью старушечьей управился. Ну да ваши милицейские всегда друг за дружку прятались. Посмотрим, как на первой службишке выкручиваться станете. Ох и загадаю я вам, ох и потребую...

– Пожалуйста, короче и по существу, – не выдержав, сорвался я. Чёрт с ними, с традициями, если каждый раз такие предисловия слушать, так со скуки уснуть можно. – Давайте как-то помобильнее, у меня в городе отделение брошенное и незакрытых дел полно.

По залу пронёсся общий вздох негодования, – видимо, с прогрессивной тенденцией перебивать хозяина я несколько переборщил. Однако, вопреки ожиданиям, Кощей не обиделся, а даже взбодрился и, поелозив на троне, сразу определился с заданием:

– Вот и получи задание первое, герой докучливый. По добросердию, мне неведомому, дам тебе службу простенькую, женскую. Вишь, какой дом

у меня большой, народу всякого много ходит, вот и принимайся за уборку влажную, да так, чтоб все полы ровно стёклышко блестели! А сроку тебе – до вечера!

– Тряпки, вёдра, вода-то есть? – хмуро уточнил я.

– Есть, есть, – тоненько захихикал злодей. – Вот тебе платочек батистовый, им и мой! А вот напёрсточек из земель чужедальних, китайских, вода в нём не переводится! Уж потрудись на славу, а не то – сам знаешь... Голова одна, пенять не на кого, своей волей нос в мышеловку сунул!

Уродливые чудища разразились подобострастным хохотом, с повизгиванием и порывиванием, но мигом смолкли, как только Митяй начал засучивать рукава. Наверное, неправильно поняли – он лишь демонстрировал готовность тут же взяться за дело. Гражданин Бессмертный со скрипом поднялся, поднял руку и сделал небрежное движение кистью, словно отталкивая что-то. Вся толпа монстров послушно бросилась наутёк. Сам хозяин и господин неторопливо ушёл в сопровождении чёрных капюшонов, Олёна не посмела даже оглянуться... Через пару минут мы остались совершенно одни.

– Ну, дык чего ждём-то? Вона на подлокотничке и платочек лежит, и напёрсточек, не прикажете ли начать... А то ить и до вечера не управимся.

– Митя...

– Но ежели возьмёмся друженько, дак потихоньку, полегоньку, глядишь, и справим службу первую! А там – честным пиром да за свадьбу! Ох и люблю же я энто дело...

– Угу, помним, помним, как по твою душеньку пять невест в отделение с вещами заявилися, – строго погрозила пальцем бабка. – Но ить в одном он прав, Никитушка, времечко ждать не станет. Колись давай!

– В смысле? – сделал я невинное лицо.

– Да уж меня-то не обманешь, небось сразу глаза твои хитрые насквозь вижу, – улыбнулась Яга. – Говори, чего удумал, как из напёрстка одним платочком эдакую залу вымыть, да чтоб блестело?

– Ладно, есть одна идея...

Мы перешли на шёпот, и наша опытная оперативница сразу одобрила мой план:

– Ить может и вправду выйти, тока кабы нас тем потоком не смыло, а в остальном ты прямо...

– Только не говорите, что я белку в глаз бью! Мне уже перед ней неудобно...

– А мне и не сказали ничего... За что ж недоверием обижаете?!

– Митя. – Я успокаивающе похлопал его по массивному плечу. – Без тебя и твоего участия вся наша затея обречена на провал. Одна надежда – ты!

Он зарделся, как девица. Но, прежде чем бабка приступила к делу, в дальнем углу залы приоткрылась тайная дверь, и гибкая фигурка в капюшоне бросилась ко мне в объятия...

– Олёна!

– Никита!

– Охти ж мне, какие страсти сердечные...

– Ох и не говорите, бабуленька! Я так думаю, что сам Шекспир бы обзавидовался да впредь у нас, деревенских, сказания слезливые не крал бы...

Девушка была всё в том же длинном балахоне бенедиктинского образца, капюшон откинула на спину, а глаза её горели таким теплом и нежностью, что я едва не растаял...

– Пришёл ведь, знать, и вправду сердцем по мне страдаешь... А только бежать вам надо нынче же! Не допустит Кощей, чтоб ты меня из-под его власти добром ли, службой ли к людям увёл. До ворот я вас сама выведу, а там уж...

– Не волнуйтесь, мы справимся.

– Я и не волнуюсь, уж ворота-то бабушка отпереть сумеет.

– Нет, вы не поняли, – терпеливо улыбнулся я. – Мы с заданием справимся.

– Он... шутит?! – Олёна настороженно покосилась на Ягу. Та только вздохнула и повела носом:

– На какие тока глупости любовь мужиков толкает... Уж скока лет живу, а удивляться не перестала. Так и ты, девка, по нему панихиду петь не спеши, не из таких капканов мы с участковым кувырком выпрыгивали. Вона подмогни лучше...

Я осторожно взял с трона крохотный напёрсток, украшенный синими эмалевыми драконами, и, перевернув, поставил его донышком кверху. Волшебная вещица в один момент наполнилась водой. Вроде действует, переходим к пункту номер один – увеличению...

Как по небушку облака плывут,
Как под облаком, то дожди идут.
А пройдут дожди, так под солнышком
Перевернут мир кверху донышком...
Где трава росла, где дубы росли,

Подрастай и ты от сырой земли...–

напевно, с оттенком нежной возвышающей грусти начала Баба Яга. Я только лишний раз посетовал, что до сих пор никак не удосуживался взяться за бумагу и записывать, записывать, записывать... Если бы не был милиционером, то наверняка бы стал собирать всякие сказки, прибаутки, песни. А этого богатства у нашего народа не считано не мерено, только подходи с открытой душой да чистым сердцем...

Маленький позолоченный напёрсточек стал медленно расти. Митька восхищённо захлопал в ладоши – он любит фокусы. Олёна, всё ещё ничего не понимая, неуверенно улыбалась, а я по-прежнему обнимал её за плечи. Яга продолжала распевное бормотание, и плавный рост напёрстка достиг уже величины ведра. Дальше – больше, вопрос лишь в том, чтобы вовремя остановиться, иначе у нас просто не хватит сил перевернуть эту махину.

– Вот спасибо, бабулечка, с ведром-то куда как сподручнее мыть будет! Ага, а с большим ведром ещё легче! Ну и с бочонком я управлюсь играючи! А вот... тока куда ж... как же мне эту бадью двигать-то, она ж с меня ростом, зараза... Ба-бу-шка-а-а!!!

Наша заслуженная пенсионерка остановилась перевести дух. Я поманил пальцем Митяя:

– Давай, друг! Теперь всё зависит от тебя. Переворачивай эту штуку.

– Да в уме ли вы, Никита Иванович?! – не поверил он. – Ить стока воды на пол выльется, мы и за неделю луж не навьтираем! Кощей-то, поди, ругаться станет...

– О, ругаться не то слово... Митя, не сомневайся, я беру всю ответственность на себя. Давай вместе! Упёрлись, дружно-о... эх!

Но даже утроенными усилиями, плюс помощь Олёны, нам удалось перевернуть огромный напёрсток лишь с четвёртой попытки. Волна воды, хлынув на пол, мгновенно залила практически всё помещение. Я быстро чмокнул свою любимую в щёчку:

– А теперь бегите! Спрячьтесь где-нибудь повыше и не выходите до вечера – мы устроим великий потоп!

Бабка, успешно забравшись на трон, продолжила читать заклинание. Напёрсток рос, поток воды увеличивался. Кажется, именно так Геракл чистил Авгиевы конюшни? Не сомневайтесь, гражданин Бессмертный, – полы будут блестеть... Ещё как будут!

Через полчаса к нам можно было добраться только в шлюпке...

Мы втроём, как куры на насесте, сидели на спинке кощеевского трона. Вода из волшебного напёрстка продолжала прибывать. Вот уже больше часа крики, визги, вопли, проклятия и ужасные богохульства висели в воздухе, поднимая лёгкую рябь на хрустальной поверхности искусственного озера, в которое мы успешно превратили дворец. Громче и обиженней всех раздавался тоненький голосок Кощея. Правильно, раньше было надо нас убивать, а теперь-то чего орать... Обеспечить подземный дворец надувными резиновыми плотиками никто в своё время не озаботился. Канализационных стоков вообще не было, видимо, угрозу потопа строители не учитывали даже гипотетически. Оставалось ждать...

– Бабушка, а он сам должен сюда прийти?

– Да ты что, милоч, рази ж злодей наш преступный захочет в доспехах железных ржавчиной покрываться? Он и сызмальства мыться не любил, в баньку силой не затащишь, а тут ещё и вода... бр-р-р... холодная...

– А я думал, он сам будет работу принимать.

– Небось кого другого вместо себя пришлёт, – пожала плечами бабка, подумала, посмотрела по сторонам и, перекрестясь, перелезла на шею Митьке – там повыше. – Да ты и сам глянь, Никитушка, вона какие волны побежали, поди, идёт в нашу сторону переговорщик с проверяльщиком!

С противоположного конца залы действительно показалась странная двухэтажная фигура, размахивающая белым флагом. Кое-как добравшись до нас, один человек в капюшоне, сидевший на плечах другого человека в капюшоне, ещё раз показал белую тряпочку и хрипло заорал:

– Что вы тут... э-э... себе позволяете?!

– Полы моем, – важно ответил Митька, и Яга на его плечах согласно кивнула.

– Но... э-э... вы с ума посходили, да?

– Как и было указано, вымываем весь дворец сверху донизу так, чтобы полы блестели, – вступился я. – Никаких посторонних средств, запрещённых условиями поставленной задачи, мы не использовали – только напёрсток и платок. Кстати, где он? А, у тебя, Митя, ну не сморкайся в него пока...

– Кощей вас за это всё поубивает! Он не станет... э-э... терпеть подобную наглость в собственном... э-э... доме!

– Ну, так пусть сам придёт и скажет, чем конкретно недоволен. А слушать его рабов нам неинтересно...

– Я не раб! – возмущённо взревел парламентёр.

– Раб, слуга, наёмник, лично мне, господин Труссарди, это без разницы... Нам дали задание, мы его выполняем до тех пор, пока не наступит вечер, а там гражданин Бессмертный сам приплывёт принимать нашу работу.

– До вечера мы тут все утонем!!! – совершенно теряя голову и откидывая уже ненужный капюшон, завопил бывший директор цирка.

Мы трое, без улыбки, развели руками. Дескать, что поделаешь, все так все...

– А, чёрт бы вас... э-э... побрал! Кощей велел передать, что работа принята.

– Претензий нет?

– Нет! Вы великолепно справились, только... э-э... прекратите этот водоразлив, идиоты!

На заклинание уменьшения напёрстка ушло втрое меньше времени.

Труссарди, пихая пятками своего же циркового атлета, подгрёб поближе и, едва дыша от ненависти, прошипел:

– Ваша вторая служба – до полуночи убрать... э-э... всю эту воду! Не справитесь, так... э-э...

– Гребика ты отсель, говорун двуличный, – сурово принахмурилась бабка. – А то, не ровён час, прилипнешь навек к своему товарищу, ить и в уборную толком не зайдёшь...

Господин директор побледнел, силач тоже, через минуту ими уже и не пахло.

Доставать маленький напёрсток со дна «озера» никому не хотелось, а по поводу разрешения второго задания мысли в голову не торопились. На этот раз золотую идею спасения выудила наша мудрая старушка. Вернее, идею стоило бы назвать оранжевой или даже багровой...

– Я ить тут, грешным делом, у Коцеюшки вещицу одну позаимствовала. Сама знаю, что нехорошо, да уж больно в хозяйстве полезно. И печь топить, и радикулит греть, и самовар кипятить, и...

– Бабушка, что за многофункциональную лабораторную модель вы упёрли?

– Тока не ругайся, Никитушка!

– Да уж сделайте милость, Никита Иванович, а то она уж мне всю шею отсидела. Вроде лёгонькая, как стрекозка пожилая, но жёсткая... местами... где мягко должно быть!

– Цыц, охальник! – Яга мигом отвесила Митьке звонкого щелбана. – А вещица простая – уголёк негасимый. Когда злодей наш зелье секретное из

кошек чёрных варит, сам дома не сидит, да вишь, огонь под котлом не тока не погаснет, а и не убавится ни на минуточку. Для того и угли негасимые имеются, я уж покуда по шкафчикам лазила, не удержалась... Отсюда и мыслишка есть...

– Хм, что сделано, то сделано, – подумав, согласился я. – В конце концов, даже незабвенный Шерлок Холмс время от времени совершал явно противоправные действия. А что за мыслишка?

– Да ежели уголёк энтот в размерах заувеличить, гореть повелеть, так он, поди, в единый час всю водицу из дворца выпарит!

– Бабушка-а. – На миг у меня перед глазами встали страшные картины варёных, как раки, монстров и нашей бесславной гибели в гигантском супе, всей опергруппой. – Вы хоть представляете, что здесь начнётся?! Да ведь мы в этой сауне и полчаса не выдержим, дойдём, как пельмени на пару!

– А чего? Банька бы не помешала, – робко вступился Митяй. – Глядишь, от парку ядрёного кое у кого косточки помягчают, а то ить у меня шея не казённая...

Второй щелбан он получил с тем же непокорным видом. Но что-то в его словах заставило меня призадуматься, а потом и вовсе кардинально поменять мнение.

– Простите, вы, кажется, говорили, что гражданин Бессмертный с детства не любил мыться и в баню его не загонишь?

– Так, Никитушка, истинно.

– Ну, у нас в отделении иное отношение к личной гигиене. И Митя прав, именно сейчас было бы очень неплохо подогнать парку. Сколько мы выдержим?

– Да уж часа два преспокойственно, – переглянувшись, решили мои сотрудники.

– Отлично! Бабуля, включайте агрегат.

Яга с ухмылочкой достала откуда-то из-за пазухи иссиня-чёрный кусочек угля размером со спичечную коробку. Чуть раскрыла рот и неожиданно резко ударила угольком по своему знаменитому зубу! Вопреки моему невольному оханью, клык не сломался и не вылетел, а, наоборот, от посыпавшихся искр уголёк стал наливаться малиново-багровым сиянием. Наша эксперт-криминалистка быстренько покидала его с руки в руку, усиленно дуя на пальцы, и зашвырнула подальше в воду. Мы, вытянув шеи, ждали результата...

Над местом падения ещё не успели разойтись круги, как показались первые пузырьки. Волшебство, конечно, но ведь для нас главное, чтобы работало! Бабка, чуть поёрзав на Митькиной шее (видимо, тоже отсидела

всё, что могла), распростёрла руки, вновь повторяя увеличительное заклинание. Текст практически тот же, только, по-моему, было что-то ещё добавлено про земные недра, полезные ископаемые и роль угольной промышленности в развитии человеческой цивилизации. Когда уголёк изрядно подрос, едва не высываясь из воды красным боком, я остановил Ягу:

– Достаточно, иначе будет даром греть воздух. Сколько времени ему понадобится на кипячение такого количества литров?

Бабка сделала страдальческое лицо и просто попросила нашего младшего сотрудника сунуть лапоть в воду. Митька осторожнейше, дабы не опрокинуть распорядительную пенсионерку, сполз на сиденье трона и ещё осторожнее проверил носком левой ноги температуру:

– Тёпленькая!

– Тогда ждём.

И ждали мы не меньше часа... Представляю, какой большой дворец был у гражданина Бессмертного. Понятно, что в точке нагрева температура достигала наивысшего пика, но пока забурлило, пока за клубился пар, пока крики нечисти возобновились с удвоенной силой...

– Чёй-то жарко мне, вспотел весь! Сажу тут, как кура мочёная, уж и терпеть моченьки нет! Ну, Никита Иванович, ить всё одно ждём, дозвоьте хоть в горячей водице искупаться?! Душа просит!

– А-а... пропади оно всё пропадом – айда вместе!

Митяй легко ссадил бабку на подлокотник, и мы оба, под смущённое хихиканье отвернувшейся Яги, скинули одежду, с наслаждением бултыхнувшись в обжигающую ванну. Нет, свариться не сварились, но уж пропарились за все невзгоды сразу! Всё-таки баня – это наша национальная, русская система антидепрессанта и биостимулятора в одном флаконе. Из головы мигом выпарились все серьёзные мысли, тело казалось удивительно лёгким, на сердце не было ни боли, ни обид, ни разочарований. Мне стало совершенно не важно, победим ли мы Кощея, зато когда я вновь увижу Олёну, то предстану перед ней бодрым, вымытым и свежим! Если только, конечно, она не придёт вот прямо сейчас, сию минуту...

– Ой, прощенья просим... Может, мы не вовремя, батюшка сыскной воевода?! – Кокетливый девичий голосок застал нас врасплох...

Это всё из-за густого пара, иначе бы мы их, разумеется, сразу увидели. К нам бесшумно подплывал... гроб! Ей-богу, настоящий гроб, крепкий, лакированный, борта высокие, по бокам ручки в виде оскалившихся черепов. Хотя чего удивляться: что под рукой оказалось, на том и приплыли. Можно было в тазу или в сундуке, например, или даже в том же котле для варки кошек...

– Говорить буду я! Господин Ивашов, вынужден... э-э... сообщить вам неприятное известие – Кощей в гневе!

– Олёна, ой! Вы извините, что я так... Это Митька предложил, вот и... Бабушка, ну вы мне хоть головной убор киньте!

– Не отвлекайтесь, господин участковый, – рыдающим голосом взвыл бывший директор цирка. – Что вы тут опять... э-э... устроили?! Хозяин сказал, что казнит вас всех сию же минуту!

– За что? – нагло улыбнулся я, стоя по грудь в воде и надевая милицейскую фуражку. – Был приказ убрать воду...

– Но вы её кипятите?!!

– Мы её вы-па-ри-ва-ем! – по слогам объяснил я. Митька с Ягой согласно кивнули.

Труссарди покраснел так, словно его вот-вот хватит удар, Олёна, стоявшая с шестом сзади, не удержавшись, прыснула в кулачок. Я продолжал ломать комедию:

– Если вашего работодателя что-то не устраивает, так пусть приходит разбираться сам. Мы ведь об этом уже говорили?! Ну, так вот – сам придёт, сам выскажется, сам и казнит, если сможет... Короче, где он?

– Он покарает вас!

– Мы верим. Так всё-таки где Кощей?

– Сидит на столбе в комнате для... э-э... жертвоприношений, – нехотя признался тяжело дышащий курьер. – Он не может спуститься, потому что...

– Знаем. Заставлять его принимать ванну мы не будем, но хоть пропарится как следует. При его жизни в подвальных помещениях это крайне полезная форма профилактики множества заболеваний!

Труссарди взревел и выхватил длинный сицилийский нож.

– Убью, ищейка... э-э... милицейская!

– Ради бога. – Мы с Митькой призывно распахнули объятия. – Нырять к нам, поплаваем!

В общем, этот скользкий тип нырять, разумеется, отказался, вместо этого минут десять осыпал нас угрозами и проклятиями. Потом вовремя встретился взглядом с Ягой и резко захлопнул пасть.

– Как я понимаю из всего вышесказанного, вы пришли торжественно сообщить нам, что мы справились и со второй службой. Впереди переход на третий уровень?

– Вы прощены. Работа выполнена. Если вы... э-э... сообразовите прекратить кипячение дворца, то... э-э... можете отправляться на заслуженный отдых. Завтра с утра вам... э-э... огласят третье условие!

– Что ж, отлично, – добродушно кивнул я. – Но спать в залитом помещении нам не хочется. Мы переночуем снаружи, на Лысой горе.

Труссарди что-то пробормотал насчёт возможного Кощеева недовольства, но особенно спорить не стал. Олёна, умело орудуя шестом, развернула гроб в обратном направлении. В какой-то момент обернулась и послала воздушный поцелуй. Только я этого не увидел, поскольку попросил Ягу отвернуться и вылезал из воды. Митька потом рассказывал, что со спины я Олёне даже понравился, потому что она не засмушалась, а, наоборот, восхищённо округлила глаза...

Кстати, по зрелом размышлении оказалось, что одевался я зря. Всё равно ведь пришлось лезть в ту же воду и пилить через весь дворец к выходу. Неугасимый уголёк хозяйственная бабка успешно уменьшила и, заставив Митяя достать его, опять сунула за пазуху. Единственное утешение – брести в нагретой воде гораздо приятнее, чем в холодной. Яга дождалась, пока наш младший сотрудник оденется, и, вновь взгромоздясь ему на шею, проделала весь путь, не замочив лаптей.

Стальные ворота испуганно распластались, прижавшись к потолку, в тоннеле не было ни одного монстра, все мороки куда-то резко слиняли. Создавалось впечатление, что дворец вымер. Впечатление, конечно, обманчивое, но на тот момент нам тоже не хотелось лишних встреч и нервотрёпки.

Когда выбрались на поверхность, в небе над Лысой горой одиноко горела ущербная луна. Шамаханов вроде бы не было видно. Наш костёр на вершине горы полыхал удивительно ярко и весело... Все радовались, веселились, и даже глуховатое бурчание Митькиного живота никому не портило настроения.

– Ох и умыли мы его нонче, – кажется, уже в третий раз, залихватски выгибая бровушку, подмигивала Яга. – Это ж надо – ровно кошка пуганая, на столбе жертвенном сидеть! Небось слёзно о помощи просить гордыня не позволяет, а сам Кощеюшка ни в холодную, ни в горячую воду и под расстрелом не полезет...

– Тогда как он завтра будет давать нам третье задание?

– Дык уйдёт вода в землю, не сразу, а тока всё одно уйдёт

постепенно. Небось к утру призовёт злодей слуг преступных, велит подать коня к столбу, да на том коне и выедет. Али ещё чего придумает, на столбе-то, поди, больше заняться нечем, умственной деятельности окромя...

– Логично, – признал я, помешивая палкой угли костра, от формы всё ещё валил пар, но это ненадолго. – Мить, ты не спишь там?

– Никак нет, портки сушу. Спереди высохло вроде, а зад ещё парит.

– Тогда отодвинься от огня, уже горелым пахнет...

– Да что вы... сразу-то... сказать не могли, да?!

Пока он оббивал тлеющие штаны, я подмигнул Яге и перевёл тему:

– Мить, слушай, а вот почему ты в зеркале голых девушек заказывал?

– Тайны мироздания распознать хотел.

– Как это? – опешил я, и бабка внимательно оттопырила левое ухо.

– Первопричинность пребывания человека на земле, его связь с природой, символический выход из воды как из колыбели всего живого, отвлечённое единение с каждым объектом окружающего мира, естественность и простота помыслов индивидуума в соприкосновении с кратковременностью реальности... – пустился перечислять он, потом споткнулся, косо посмотрел на меня и подозрительно прищурился: – А вы чего подумали?!

Я открыл и закрыл рот. Надо же... выходит, мы и вправду судим о людях в меру своей испорченности. Бабка отвернулась и, судя по вздрагивающим плечикам, просто втихую хихикала над тем, как меня посадил в лужу мой же младший сотрудник. Обязательно поругаюсь с Кнутом Гамсуновичем по возвращении. Удружил посол немецкий! Был Митька как Митька, нормальный деревенский увалень с непропорциональными величинами силы и интеллекта, а теперь что? Я же скоро от этого психолога сам шарахаться начну...

– Есть хочется, – жалобно вздохнул он, с тоской оглядев верный крендель. – А без оружия тоже никак...

– Истинный философ довольствуется духовной пищей, – съязвил-таки я. Парень опять вздохнул, готовя опровержение, но...

– Тсс! Помолчите оба, – шикнула насторожившаяся Яга. – Никак идёт кто? Шаги лёгкие, девичьи...

– Тогда это ко мне. – Я встал, отряхнул песок с брюк и развернулся навстречу появляющейся из темноты фигуре.

Олёна шла, нисколько не скрываясь, всё в том же балахоне с капюшоном, а в руках у неё тяжело покачивалось лукошко, прикрытое платочком.

– Позвольте у огня погреться?

– Милости просим, – гостеприимно откликнулась наша эксперт-криминалистка и потянула носом. – Да ты ли не к бабушке за дальний лес собралась? Чую, в корзинке пироги да маслице, а то ить по дорогам ночью огромные волки шастают. Маменька не заругает?

– Я сирота, – привычно улыбнулась девушка и, без церемоний сев к костру, начала вынимать содержимое лукошка. – Вот и пироги, и масло, и сала кусок, утка печёная, яблок пара, туесок с молоком, луковка, соль. Угощайтесь, не отравлено!

Мы ей верили, и уговаривать дважды не пришлось никого. Вроде бы всего было вдоволь, однако и нам за весь день маковой росинки не перепало, поэтому буквально через пять минут ужин скончался на глазах. Олёнушка только-только успела пожелать всем приятного аппетита и добавить, что сама-то сыта, отказавшись даже от яблока. В результате Митя схрупал их оба с хвостиками и семечками! Нам даже стало неудобно: теперь она подумает, что его в милиции голодом морят...

– Большое спасибо, – от лица всего отделения поблагодарил я. – А вам за это... ничего не будет?

– Да ведь знают все, – спокойно призналась она. – Кощей слугам своим приближённым семью смертями пригрозил, если вас на колени не поставят. Так я корзинку собрала и пошла первой. Они думают, что в еду яд подсыпан...

– Они – это кто?

– Директор цирковой, фокусник его же да силач их, пёс верный. Наверное, через часок придут проверять. А как увидят, что вы живёхонькие, так своими руками убить попробуют.

– Проще было бы позвать толпу шамаханов, – зачем-то посоветовал я.

– Ушла Орда, с обеда в степь направилась, им по весне табуны лошадок косматых пасти надо. А Кощей и в одиночку свой дом охранить может. Когда со столба слезет, конечно...

Мы болтали о чём-то ещё, смеялись, шутили, рассказывали забавные случаи из жизни – время летело незаметно! Наверное, поэтому мы и пропустили явление новых, неожиданных гостей... Их было двое, они шагнули в освещённый костром круг без предупреждения. Высокий, тощий фокусник, обманчиво безоружный и подчёркнуто уверенный в себе. А за его спиной тот самый здоровенный атлет, что охранял вход в скомороший балаган. Митька уже пару раз бил ему морду, поэтому сегодня силач в одной руке держал здоровенную дубину, а в другой – приличный кусок цепи. Толщина звеньев поражала – нечто среднее между якорной и если надо слона привязать.

– У вас проблемы, – хором заявили они.

Плохо, когда люди одновременно лишены и чувства юмора, и умения реально оценивать ситуацию. У нас проблемы?! Кто бы говорил...

* * *

– Осторожно, этот человек не просто фокусник, он владеет магией!

– Да что ж ты так орёшь, девонька! – аж дёрнулась бабка, приседая от неожиданности. – Я ить, чай, не совсем глухая ещё и ухом левым очень даже преотличнейше слышу. Так ты колдун, что ль, милоч?

– С отличием окончил университет Чернокнижия в Вероне, стажировался в Мексике, получил признание в Чехии и Баварии, свободно владею семнадцатью языками, ныне практикую в русских землях на службе самого Кощея Бессмертного! – исчерпывающе доложил фокусник, гордо вскидывая узкий подбородок.

– То-то мне рожа твоя ещё в цирке не понравилась... Ну, дак по каким правилам будешь драться с бабушкой?

– Шары огненные вы метать умеете, а как насчёт чего-нибудь посложнее... – Колдун вытянул руки, и каждый его палец неожиданно оскалился головкой ядовитой змеи! Десять гадючьих жал, грозно шипя, развернулись в нашу сторону.

Противный холодок пробежал у меня между лопаток, я инстинктивно прикрыл собой девушку. Но опытная криминалистка просто сплюнула на песок:

– Морок! Да вона и сам глянь, змейка на левой руке свечкой горячей стала. Туши быстрее, выпускник веронский, не ровён час, обожжёшься!

Бабка ещё не закончила фразу, а дипломированный колдун уже прыгал на одном месте, безуспешно пытаясь стряхнуть пламя с кончиков пальцев. Его товарищ, видимо, решил воспользоваться заминкой и взять реванш. Одним эффектным махом он захлестнул цепью Митькины плечи и резко дёрнул на себя! Олёна ахнула... А зря, право слово... Приятно, конечно, что она за всех нас так переживает, но именно в этом вопросе у нас всё, как правило, под контролем. Мой сытый напарник стоял непоколебимо, словно бронзовый монумент, и драка могла иметь лишь один исход...

– Давайте отойдём на минуточку. Здесь мы будем только мешать.

Девушка несколько ошарашенно кивнула, и мы, пройдя метров пять, уселись прямо на песок, лишь изредка поворачиваясь – глянуть на баталии, разворачивающиеся за нашими спинами.

- Кощей меня всё равно не отдаст.
- Значит, я вас украду.
- А неужели милиции красть можно?

Я слегка покраснел.

Чародей осыпал бабку фонтаном колючих искр, падая наземь, они прожигали песчаник. В ответ наша специалистка нехотя обернулась кругом – и колдуна поставило на голову! Добрых минуты три он так и не мог принять нормальное положение. Широкий подол балахона сполз ему на грудь, открывая тощие волосатые ноги и красные, в обтяжку, рейтузы...

– Мы выполнили две службы, вы не в курсе, что с нас потребуют на третье?

– Отчего же, задание известное... К тебе выведут пять кобылиц, пять овечек да пять утиц – и каждый раз нужно будет быстро узнать, которая из них я.

– Плохо... Честно говоря, я абсолютно не разбираюсь в домашней скотине...

Олёна не слегка покраснела.

Митяй, рыча, как диснеевский гризли, яростно отбивался от наседавшего циркача. Обрывки цепи попирались ногами драчунов, неистребимый крендель успешно выдерживал удары бандитской дубины...

– Может быть, вы подадите мне какой-нибудь знак?

– Может, и подам... если обзывать больше не будешь.

– Да бросьте вы?! Кто обзывался, когда, как? – Я всё равно почувствовал себя виноватым.

Фокусник с дипломом раскинул руки в стороны, и рукава чёрного балахона вдруг стали крыльями. Громадный чёрный ворон, раскрыв хищный клюв, вытаращился на маленькую старушку. Яга молниеносным движением выудила откуда-то из-под подола настоящую рогатку и поковбойски, с колена, выстрелила птице прямо в глаз! Интересно, где она раздобыла резинку? Тоже небось Кнут Гамсунович достал, из Европы...

– Итак, какая система опознавательных знаков, говорите, я запомню.

– Запоминай! Из всех кобыл только мне на заднее копыто мушка сядет. Из всех овечек только у меня к хвосту соломинка прилипнет. Из всех утиц у меня одной на груди пёрышко встопорщится.

– Угу... на копыте... на хвосте... на груди... На какой именно?

Она покосилась на меня с явным сомнением в моей сообразительности и с чувством стыда за то, что не может объяснить доходчивее.

Силач сломал дубину об Митьку, мой напарник этого не заметил и, кажется, выбил противнику сразу зубов пять. Крендель в его руках – вещь

более страшная, чем ракетная установка. Как я уже говорил, исход битвы был предreshён заранее. Колдун только-только начал плести новое заклинание, как цирковой атлет, всем телом просвистев в воздухе, обрушился ему на голову. И без того ушибленную, если помните...

Упаковывать преступников в малогабаритную багажную кладь Митя умел как никто. Бабке осталось лишь чуточку увеличить в размере Олёнино лукошко. Ну вот теперь-то уж все позабавились от души!

– Уже уходите? А я... как раз хотел спросить, какие у вас планы на завтрашний вечер?

– Ой, да я и не знаю даже... Не думала ещё, а что, есть какие-то предложения?

– Нет, но... я думал, просто походим погуляем...

– Никитка, прощайся давай, – прервала нашу идиллию запыхавшаяся бабка. – Вот на заре, как третью службу Кощеюшке справишь, так и болтай, скока время свободное позволит. А в сей час, уж не обессудь, мы тут по делу и при исполнении.

– И то правда, пойду я. – Олёна улыбнулась и быстро поцеловала меня в щёку. – Как солнце взойдёт, приходи к воротам, да что мною сказано было – помни...

– А со злодеями драчливыми чего делать прикажете? – подал голос Митяй.

Все посмотрели на меня. Правильно, кто тут начальник...

– Я так понимаю, тоннель открыт? Давайте просто толкнём корзину, пусть катится по склону вниз. Попадёт в дыру, так пролетит ещё метров сто по ступенькам!

– Грозный человек сыскной воевода, но справедливый, – честно признали все.

Олёнушка с удовольствием приложила свои руки к общему делу, и безобразно верещащее лукошко кубарем полетело в тартарары! Что сказать... Они первые начали, а мы если что и превысили, так исключительно в педагогических целях!

* * *

Спали мало, зато спокойно. Даже часовых не выставляли – никто на нас ночью не злоумышлял. Я-то, ещё зевая, думал про себя: а какого чёрта устраивать эти смотрины на заре, в четыре часа утра?! Ведь рань несусветная: ни выспаться, ни умыться, ни позавтракать толком... Когда

угли костра наконец погасли и за шиворот стал пробираться предрассветный холодок, сон пропал напрочь! Волшебный уголёк бабка зажилила, так что пришлось вставать и, стуча зубами, спускаться с горы вниз за хворостом. Митяй побежал следом, выворотил какой-то сухостой, кубометров в пять, и поволок разводить костёр. Пока бегали, пока грелись, незаметно вышло солнышко... Птицы в Кощеевом царстве не поют, цветы не распускаются, шмели не жужжат, но солнце запретить даже такой злодей не в силах!

Настроение поднялось как на дрожжах! Ну и пусть гражданин Бессмертный лелеет чёрные планы, пусть он наверняка обманет нас, пусть попробует, пусть... С наркотиками в Лукошкине у него ничего не вышло, я царя знаю – пока Горох всю емкость на город не израсходует, не успокоится. Особо протестующим прикажет вливать по две порции! Девушки спасены, честь милицейского мундира тоже, два успешно проведённых «теракта» против Кощея в его же собственном доме – тоже наша заслуга! Чем бы это всё ни кончилось, отступать некуда, мы будем давить на него до победы...

– Никита Иванович, а с ужину вчерашнего сухарика али луковки не завалилось нигде? А то ить худею на глазах, вона как пузо впало, и рёбра торчат напоказ...

– Понимаю, сочувствую, закончим дело, получишь увольнительную, и опять в отпуск. Будешь у маменьки на деревне обедаться. Вернёшься таким толстым, что мы тебя и не узнаем!..

– Эх, вашими бы устами да водку пить, – мечтательно вздохнул он, но вроде бы успокоился. – Спускаемся, что ль... Вона бабуля уже и глазик один подрала, со вторым помочь али как?

Яга, естественно, вскочила на ноги без посторонних усилий, с хрустом прогнулась в спине, подвигала обеими руками нижнюю челюсть и медленно выпрямила хромую ногу. Она у неё вовсе не «костяная», это скорее фигура речи. Просто перенесла какую-то серьёзную травму в зрелые годы, кость не так срослась, сустав потерял подвижность, вот в народе и говорили «костяная», то есть негнущаяся...

– Никитушка, а не секрет, о чём вы там с кралей своей чернявой шептались? Вроде ведь не слова любовные, у меня на них слух особый...

– Олёна говорила о третьем задании. – Я бегло, в общих чертах, пересказал, что именно нам сегодня светит в плане службы. Бабка понимающе кивала, видимо, ей это было не в диковинку. Да и я читал нечто похожее в детстве. В самом узнавании ничего особенно сложного нет, главный вопрос – что потом? Ну, узнаю я её, укажу все три раза, а Кощей

возьмёт упрётся рогом и не отдаст! Вот просто не отдаст, и всё, он злодей, с него взятки гладки, что тогда?! Драться, плакать, топать ногами, жаловаться в инстанции?

После недолгих споров было принято решение отправить Митьку в лес за ступой. Она тут рядышком, если в трёх соснах не заблудится, то приведёт. Мысль о том, что четыре человека туда всё равно не поместятся, посетила меня гораздо позднее. Я даже сделал ей выговор за опоздание, да что толку...

Вход в Кощеево царство был по-прежнему открыт – либо специально для нас, либо после вчерашнего потопа запереть забыли. Но самое приятное – на первой ступеньке сидела моя Олёна, тоже усталая и невыспавшаяся, но такая любимая...

– Здравствуйте, опергруппа лукошкинская! А я вас тут ещё с полуночи дожидаясь. Здесь и прикорнула, внутри-то мокро всё. Вроде вода не вся стекла, по колено доселе плещется.

– А Кощеюшка-то где? – по делу поинтересовалась наша самая старая (нет, заслуженная!) оперативница.

– Да вот, должен с минуты на минуту быть. Уж снизу-то стук да гром слышался, значит, доспехи новые надевает, заколдованные...

– Какие-какие? – улыбнулся я.

Она вздохнула и ответила без улыбки:

– Заколдованные. Если рукою железною ухватит кого, то уж не вырвешься, а его ударишь, так любой меч пополам расколется!

– Что-то типа доспехов космических роботов-трансформеров?

Яга выразительно подмигнула Олёне: дескать, не обращай внимания, это у сыскного воеводы от великого ума. Я мысленно махнул, обижаться бессмысленно.

– Ты только, сыскной воевода, главного не забудь, всё исполни, как я сказала. Кощей переигрывать не станет, а моя жизнь тогда на весь век в его цепях окажется.

– Не волнуйтесь, всё помню. Кобыла – с мухой, овечка – с соломинкой, утка – с пером на груди, так?

– Так, так, так! – злорадно раздалось из тоннеля, и коварный господин Труссарди вынырнул наружу. Наверняка этот гад подслушивал, прячась в какой-нибудь нише, а сейчас он встал перед нами, держа в обеих руках по длинному дульному пистолету.

– Не двигаться, Никита Иванович и... э-э... ты, девочка, тоже! Ваша бодрая старушка не успеет промолвить и слово, как я... э-э... спущу курок.

– Что вам надо? – Я пытался тянуть время, хотя прекрасно знал его

ответ.

– Мой наниматель щедро платит за... э-э... полезную информацию, – гнусно ухмыльнулся он. – Вы хотели сыграть с ним в нечестную игру? Ничего не выйдет... Слышите, он уже идёт!

– Ах ты сволочь закордонная, – не выдержала Яга, засучивая рукава. – Я те покажу, как пожилых людей на прицел брать! Я те...

Труссарди хладнокровно направил дуло ей в лоб, и бабка заткнулась на полуслове. Мы с Олёной замерли, едва дыша от злости, – он действительно успеет сделать по крайней мере один выстрел, а я не готов никем пожертвовать...

– Вы разумный человек, сыскной воевода, стойте и не двигайтесь, если хоть кто-то из этих... э-э... милых дам вам дорог. О, этот свист свидетельствует о приближении... э-э... ой!

Бум!!!

Какое там «ой»... Ступа Бабы Яги с покрасневшимся от упоения Митькой нарезала круги вокруг Лысой горы! Никто не виноват, что бывший директор балагана оказался «случайно» у неё на пути. Международный преступник пропахал метра два носом в песок, разрядив туда же оба пистолета.

– Вяжи его, участковый! Да поспешай, и вправду Кощеюшка со свитой шествует! А ты ступу сажай! Сажай, кому говорю! Да не мельтеши помелом, осторожненько, мягонько... Охти ж мне, ирод, чуть ногу не отдал! От я тебя этим же помелом щас...

Пока Яга разбиралась с незадачливым «пилотом», мы с Олёной успешно связали пришибленного Труссарди. В качестве кляпа я затолкал ему в рот какую-то бумажку и туго затянул Олёниной лентой.

Гражданин Бессмертный явился во всей красе и блеске! Аура самоуверенности покрывала его с головой, он точно знал, ЧЕМ именно закончится третье испытание, и подготовился ко всему. Что ж, нам остаётся только импровизировать...

* * *

– Фу, фу, фу! Русским духом пахнет!

– А чего сразу я?! – неискренне возмутился Митька, ёжась под нашими упрекающими взглядами. – Этому козлу безносому причудилось невесть что, а на меня поклёп! Да я, может, и не виноват вовсе, я, может, до дому терплю...

– Успокойся, Митя. Гражданин Бессмертный не имел в виду ничего плохого, это просто стандартная форма начала диалога. Ничего личного.

– А-а-а, ну пущай тады продолжает. Продолжайте, злодей-батюшка!

Кощей рассеянно кивнул, потом вспомнил, что всё-таки он здесь первая скрипка, и продолжил:

– Слуги мои верные, вот и настал последний день милиции лукошкинской! За вину одного со всех голову сниму. А ну, держи ответ, сыскной воевода!

В общем-то всё это, конечно, было чистой воды показухой. Кощей из тоннеля выехал всё на том же коне-«велосипеде», в сопровождении от силы десяти разнокалиберных уродцев. Остальные промочили ноги и маялись насморком. Правда, среди пришедших была четвёрка достаточно могучих на вид чудовищ, с чем приходилось считаться. Сам великий и ужасный на этот раз меч с собою не таскал, наверняка надеялся на волшебные доспехи.

– Участковы-ы-й!!!

– А? Что?! Прошу прощения, задумался. Так за что мне там надо ответ держать?

– За всё! – тонко рявкнул Кощей, похоже, проблемы с голосом у него надолго. – Кто посмел людишек моих почём зря избить да в корзинку затолкать?!

– Положа руку на сердце, я в этом не участвовал!

– А вона в уголочке шпион мой тайный, слуга испытанный, с закрытыми глазами связанный лежит, тоже не ваша работа?

– Этот? – оглянулся я, слава богу, Труссарди ещё не пришёл в себя. – Он напал на нас из-за угла, без предупреждения, размахивал заряженными пистолетами и вообще вёл себя странно. В его годы лучше лечиться нарзаном... Но он отдохнёт и сам вам всё расскажет, а пока – не приступим ли?

– Ну, берегись, сыскной воевода, я ведь всё равно до правды докопаюсь!

Кощей ещё поугрожал для приличия, но в целом сразу было видно, что ему тоже хочется поиграть в угадайку. В конце концов, злодей впервые за столько лет получил в противники целое отделение милиции и не мог упустить такого шанса. Он медленно кивнул Олёне, и та, шагнув на небольшую площадку перед входом, замерла, склонив голову.

– Вот тебе воля моя, Никита Иванович, три раза девка перед тобой личину сменит. Угадаешь – твоя она на веки вечные, и препятствий ей в том чинить не стану! Не угадаешь хоть раз – ходить ей в бесовках до самой смерти, а твоей голове на шесте торчать! А товарищу моему в супе быть

сваренному! А Яге-предательнице на дыбе висеть, хрустя косточками! А городу Лукошкину...

– Эй, эй, минуточку! Мы так не договаривались, – поспешно напомнил я. – Не надо смешивать прокисшее с протухшим. Вы, я, она – остальные не участвуют и не подсказывают. Можете начинать...

«Дрямбс!» – Хозяин дома хлопнул в дребезжащие железные перчатки. Олёна плашмя упала наземь и пропала, а на её месте из ниоткуда возникли пять вороных кобылиц! Идентичных, словно их рисовали под копирку или печатали на ксероксе.

– Ну вот, умник милицейский, выбирай себе суженую...

Пока он старательно хихикал, взгляды всех присутствующих сошлись на мне, как на звезде экрана. Я внимательно оглядел всех лошадок и понял, что мухи на заднем копыте не видно ни у одной. Хм, непорядок... Надо подойти поближе и присмотреться. Очень надеюсь, что Олёнушка ничего не перепутала. Я зашёл к кобылам с тыла и, едва не опускаясь на четвереньки, тщательно осмотрел их задние ноги. Кощей и все присутствующие следили за мной с плохо скрываемым недоумением...

– Ага! Есть! Вот эта! – Я наконец-то заметил искомую муху и, выпрямившись, радостно хлопнул одну из кобыл по крупу. Как не словил копытом в ответ, до сих пор не понимаю... В ту же секунду лошади пропали, а передо мной стояла красная, как свекла, Олёнушка, нервно потирая ушибленное место!

– Угадал... Дуракам везёт, – тихо прошипел Бессмертный. – А вот как на второй раз управисься? Давай, девка!

Одно незаметное глазу движение, и у моих ног умильно задрали нежные мордашки пять клонированных овечек. Все были такими милыми, кудрявыми, ухоженными и трогательно беззащитными, что хотелось тут же сесть на вегетарианскую диету, а любые встречные шашлычные закрыть напрочь!

– Ищи, сыскной воевода, да помни – я с тебя глаз не спускаю! Ежели только замечу чего... сам знаешь!

Я пожал плечами и, не тратя времени, начал поочерёдно разворачивать каждую овечку к себе хвостом. Митька покраснел и начал что-то шептать на ухо бабке. Та раздражённо отмахнулась, велев ему «такие глупости про начальство при себе держать, эго навывдумывал!». Овца с прилипшей к хвостику соломинкой оказалась в очереди четвёртой. На всякий пожарный я проверил и пятую, а убедившись, что не она, точно указал пальцем:

– Вот эту хочу!

Овечки мигом исчезли, и воплотившаяся Олёна вопросительно

покосилась на Кощея. Тот долго молчал, что-то порываясь сказать, но не находил слов...

– Да... и впрямь жениться тебе пора, участковый... – кое-как определился он. – Давай-ка в последний раз, против судьбы не попрёшь.

Дрямбс!!

Ну, с уточками вообще проблем не было, просто присел на корточки и обстоятельно осмотрел каждую. Выбрал одну, с топорщившимся пёрышком. Почти ткнул её пальцем в грудь, но вовремя опомнился и отдернул руку. Поднял утку, аккуратно держа её под бока:

– Эта!

Еле уловимое дуновение разреженного воздуха, и счастливая Олёна рухнула в мои объятия. Я едва не сел на песок, в облике утки у неё был несколько иной вес...

– Угадал! И впрямь угадал... – призадумался Кощей. – Может, ты девку энту сердцем чуешь? А может, она тебе знак какой тайный подаёт...

– Прошу прощенья, но это уже не принципиальный вопрос. Все три задания мною выполнены, освобождённую девушку мы забираем с собой. Митя, марш в ступу!

– Дак чего, нешто всё уже? Коротковатенькое представленьеце будет... А ежели её попросить вежливо, к примеру, в свинью какую перекинуться, а вы ещё раз угадаете?

– Митя, – почти прорычал я, – бегом в ступу! Бабушку в охапку, и линяйте, пока не началось...

– Никитушка, да как же мы тебя, сокола, одного на растерзание оставим? – упёрлась Яга. – Дружно жили, дак и помрём друженько! Всё веселей, чем с боровом энтим в ступе бултыхаться. Её ить из-за него набок перевешивает...

Гражданин Бессмертный повернул голову в нашу сторону, и в прорезях шлема блеснуло оранжевое. Мои сотрудники мигом прекратили собачиться и, послушно взявшись за руки, прыгнули в ступу. Митька повалился на самое дно так, что над бортом торчала только его голова и лапти, а бабка уверенно встала ему на пузо.

– Господин... хозяин... я... э-э... сейчас... – Мерзавец Труссарди как-то разжевал бумажный кляп, мужественно проглотил его и, яростно вертя шеей, стянул ленту. – Вас... э-э... обманули! Эта дрянь ему всё рассказала! Он был предупреждён, он знал, точно знал!

– Опергруппа, на взлёт! Я приказываю! – Мне пришлось орать так, что горло едва выдержало. Помело в руках Яги дрогнуло, но сделало первое движение...

– Ни-ки-ту-ш-ка! Держись, мы за подмогою-у...

Толку с этой подмоги... Летите, ребята. Мы с вами славно поработали, как говорится, пора и честь знать. Чудовища Кошечевы наконец-то опомнились и зарычали... Олёна так прижалась ко мне, словно жутко хотела умереть вместе. Однако у меня были иные намерения...

– Не успеет к тебе подмога прийти, сыскной воевода, – медленно, взвешивая каждое слово, протянул мстительный злодей. – За обман дерзкий, за подставу милицейскую, за измену бесовскую – жалую вас смертью страшною! Но... из сострадания чисто мужского к возрасту твоему холостому разрешу один поцелуй. А потом казнить, казнить, казнить обоих!!!

Я осторожно коснулся кончиками пальцев подбородка девушки. Она подняла на меня ласковые чёрные глаза и без тени упрёка тихо прошептала:

– Вот и всё наше счастье, участковый... Хотела я к тебе сама прибежать, да не смогла. А ты за мной пошёл, так только зазря голову сложил... Почему не все сказки ладно заканчиваются?

– В смысле, жили они долго и счастливо и умерли в один день? Нам это не грозит, наша сказка только начинается, – улыбнулся я. – Есть одна идея, не факт, что сработает, но... Вы свистеть умеете?

– А то!

– Эй, хватит шептаться-то, – приподнявшись на стременах, напомнил Кощей. – Ну-ка, быстренько чмокнулись, и в пыточную! Да рыдайте погромче, я слёзы люблю...

– Детской исправительной колонии на вас не было в своё время, – удручённо вздохнул я и подмигнул Олёне. Она, не задавая вопросов, резко и отрывисто свистнула.

– Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой! – рявкнул я, топая ногой.

Тишина... Никто ничего не понял. Я, привстав на цыпочки, попытался повгладываться в даль – увы, весь обзор заслонял столетний лес. На слух тоже глухо, ожидаемой дроби копыт ни в какую не слышалось. Олёнушка молча погладила меня по плечу, мне тоже очень жаль...

– Ты чего это кричал, сыскной воевода? Али от страха ума лишился. Так и не горюй, боишься правильно, ибо смертушка твоя до-олгонькой будет...

Что ж... по крайней мере, я попытался. На секунду нас накрыла сиреневая тень, а потом в небе раздалось счастливое конское ржание! Хм, а я-то уже и не надеялся...

Наша госпожа лошадушка встала гордая, как Пегас, нос к носу с обалдевшим кощеевским конём. Если в нём ещё сохранилась хотя бы одна живая искорка, игнорировать такую красавицу он не сможет точно. Белоснежная, с ухоженной шерстью, великолепной гривой, с аккуратно заплетенным в разнообразные косички (Митькина работа!) роскошным хвостом, сногшибательной фигурой и огромными глазами с поволокой – Сивка-бурка воистину была воплощением предела мечтаний любого мужчины! Не поймите меня неправильно, но даже я краснел, когда она кокетливо опускала ресницы...

– Это что ж за чудо такое?! – дрожащим от восхищения голосом протянул Кощей. – Вот и говори после этого, что врут сказки... Ну удружил, участковый! За то дарю тебе смерть быструю да лёгкую, а девку твою, глядишь, и вовсе помилую...

– Вообще-то данная лошадь приписана к хозчасти нашего отделения милиции и здесь находится исключительно по служебной надобности! – строго отрезал я, лихорадочно размышляя, как же на неё влезть. Коварная нахалка прилетела из конюшни в чём была, то есть без седла, стремян и поводьев... За что держаться, чем рулить и на чём сидеть, непонятно... Ладно, попробуем как есть.

Я крепко взялся за гриву над холкой и, резко забрасывая правую ногу вверх, не очень элегантно плюхнулся на широкую спину кобылы. Та и бровью не повела...

– Олёна, прыгайте сзади.

Должен признать, что у неё это получилось гораздо лучше, чем у меня. И это несмотря на то что она в балахоне, а я в брюках.

– Наверное, победа действительно была не совсем честной, но согласитесь, и вы играли не по правилам. Поэтому, даже если аннулировать третий тур, мы победили со счётом два-один! Девушка свободна и едет со мной в Лукошкино. А вам, гражданин Бессмертный, я бы искренне посоветовал не расслабляться и подать явку с повинной.

– Больно скор ты, Никита Иванович. – Злодей быстро наклонился в намерении железными пальцами схватить Сивку-бурку за ухо и... лучше бы он этого не делал. Я не разбираюсь в чудесах, я в них живу! Меня эта зверюга один раз так уже подловила...

Хозяин Лысой горы и глазом моргнуть не успел, как неведомая сила засосала его в лошадиное ухо и выкинула с другой стороны, богато приодев

– Умею.

– Ну вот! – преувеличенно радостно воскликнул я, уже не зная, что сказать. Наверное, надо было схватить её за плечи, развернуть к себе, признаться в любви и просить руки и сердца... Надо бы... но я не мог. Я спас её, вырвал из Кощеевой кабалы и... Ну, в общем, любые предложения с моей стороны выглядели бы недостойным давлением, она была бы обязана согласиться... Понимаете, обязана! А я хотел иначе...

Откуда-то издалека послышался невнятный шум. Я взбежал на бугорок, глянул в сторону города и едва не сел... Из ворот столицы стройными рядами выходила царская конница, за ней пешие стрелецкие полки, следом пушки, за ними обозы, потом народное ополчение... И всё это под знамёнами, священными хоругвями, с рёвом труб и барабанным боем! Натуральный военный поход, по всем правилам и с соблюдением традиций. Интересно, что же такого тут успело произойти за моё отсутствие? Крымский хан напал, поляки вторглись, враги коллегиально на Родину покусились? Правильный ответ нашёлся почти сразу...

– Господи, это же они меня спасать идут!

– Не может быть... Против Кощея?!

– Запросто, – уверенно подтвердил я. – Вы нашего Гороха не знаете! Он когда во гневе, ему сам чёрт не брат. Не царь, а живая легенда нашего отделения...

Олёна скептически прищурилась:

– Помню я эту легенду в Весёлом доме, глаза горят, слюна капает: «Отойди, участковый, мы тут сами, да ещё с усами!»

– Было, – признал я, – но прошло. Весёлый дом – это центр светлых воспоминаний его юности. В остальном государь – кремь! Но пора его останавливать...

На этот раз Сивка-бурка вела себя самым похвальным образом: неспешной рысью, заботливо, в пять минут вынесла нас навстречу растягивающемуся по дороге войску. Наше явление встретили троекратным «ура!» и швырянием вверх головных уборов. Весть о том, что «сыскной воевода жив-здоров, да ещё с девицей-красой заявился», пронеслась, как свежее цунами. Военный настрой пропал мигом, уступив место предвкушению праздника. Они все почему-то сразу решили, что участковый женится...

Проблемы встали только с государем. Горох сердечно обнял меня, демонстративно не слыша скрипа зубов ближайших бояр, и, облобызав в обе щеки, повелел всем идти дальше «Кощея злопакого воевать!». Мы спорили с ним до хрипоты не меньше полчаса. Всё войско, давно поняв,

что к чему, тихонько развернулось и потопало в город, а мы всё ещё орали друг на друга:

– Всенепременно воевать злодея! В каждом месте, всяким оружием и днём, и ночью, и с переду, и с заду...

– Это старый, больной, одинокий чело... нечеловек! стыдно! На беспомощного бандита-пенсионера целое войско нагнали.

– А кто тебя с потрохами съесть хотел? В плену держал, муками и пытками грозился без передыху...

– Но я же здесь! Жив-здоров, чего пузыриться?!

– А то, что Ягу, бабку экспертную, бесценную, да Митеньку Лобова, героя отпетого, навек потеряли неотмщёнными, это тебе как, не поперёк?

– Да они в ступе улетели, ещё до нашего ухода! Если в пути топлива хватит, скоро будут в Лукошкине.

– Ну и тьфу на тебя, Никита Иванович! В одиночку пойду на Кощеево царство, а не вернусь, помолись за царя-мученика...

– И медаль посмертно от неблагодарного отделения! – вконец сорвался я, подумал и добавил: – Может, выпьем вечером?

– С ума сошёл? У меня же жена...

– И ей нальём!

– Ей? Она ж много не выпьет... – сделав брови домиком, прикинул царь. – Тогда лучше ты к нам. Опергруппу тоже захвати, отметим у меня в горнице, тихо, по-домашнему.

– Огурцы взять?

– Спрашиваешь!

За разговорами, незаметно доехали до ворот родной столицы. Олёна тихохонько сидела сзади меня, ни во что не вмешиваясь. Государь рассказал, как он вчера наводил шороху «шамаханским зельем». Всё излечение происходило, как и многое на Руси, в добровольно-принудительном порядке. Однако за ночь никто не умер, сыпью не покрылся, двух или трёх граждан пронесло по-слабому, но в целом – полный успех предприятия.

Скомороший балаган по-прежнему стоит на Колокольной площади. Артисты вышли из запоя и дружно пообещали завтра же дать очередное представление, с той же бесплатной раздачей карамельного гороху. Но на этот раз вся карамель тщательно проверялась бдительными еремеевцами.

Дьяк Филимон Груздев волей матушки императрицы был сдан на перевоспитание в Немецкую слободу. Кто кого доведёт до ручки, русская безалаберность немецкую дотошность или наоборот, можно гадать часами. Вон на того же Митьку, например, Кнут Гамсунович влияет очень

положительно, хотя Яга по-прежнему зовёт его Плётковичем... Я как-то не сразу осознал, что дело закрыто, и закрыто по всем правилам – ни один европейский суд не прицарапается. Государыня должна быть нами довольна, справедливость восстановлена, злодеи (в большинстве) наказаны, значит, действительно можно отдохнуть и расслабиться.

В отделение въехали в тот самый момент, когда сверху опускалась ступа Бабы Яги. На мгновение прильнув к моей груди, старушка пустила скупую слезу и, застыдясь, убежала в дом, готовить на стол, «ить голодные же все, а самовар не скипел!». Митя нудел всем и каждому, «скока мук пришлось снести полётом в форме буквы „зю“! А бабка тока притворяется махонькой да худенькой, однако ж за три часа так пузо оттоптала, что следы лаптей видны – гляньте, кто не верит?!». Это мало кому было интересно, и непонятый бедняга отправился излить душу в конюшню к госпоже лошадушке.

В общем, всё нормально, всё как всегда. Настроение испортила Олёна. Как испортила? Сказала правду, она же в этом не виновата:

– Бежать-то я бежала, а только на закате Кощей силой законною меня к себе призовёт. Купчая бумага у него в тайном месте хранится, и добыть её мы не смогли. Недолгое наше с тобой счастье, участковый...

Я с улыбкой сунул руку в нагрудный карман, достал сложенные листы бумаги, развернул... Договор с господином Труссарди был налицо, квитанция об оплате его услуг тоже, а купчая на Олёну пропала бесследно. Господи боже, неужели придётся начинать всё сначала?!

* * *

– Ты тока не кручинься зазря, Никитушка, уж мы, чай, придумаем, как горю твоему помочь, – утешала чуть выпившая Яга, пока царь в своём кабинете старательно подливал всем облепиховку. – Ну хошь, я прямо тут на эту тему мозговым штурмом всё Лукошкино взбулгачу?!

– Мне, знаешь, тоже войско назад повернуть нехлопотно. Тока завтра с утречка клич кликнуть, что Кощей вдругорядь у сыскаго воеводы невесту покрал! Тут уж даже бабы стеной пойдут...

– А впереди надо тётку Матрёну ставить, – поддерживая Гороха, мечтательно добавил Митька. – Она натура сильная, страсти неумеренной, уж ежели и погибнет, так непременно смертью храбрых! Опять же кто как не она такую долю заслужила, ить что над капустою творит... выговорить страшно!

Я тупо молчал, никого не слушая, уставясь в непочатый бокал максимально сконцентрированным взглядом. Бесконтактное передвижение предметов по столу пока не давалось, но, с другой стороны, здорово отвлекало от грустных мыслей. Я ведь сам, своими руками держал эту клятую купчую, я сунул её именно в этот карман (хотя перепроверил по два раза все!), я знаю, что она должна быть, но... её нет! Царица Лидия, ещё с час назад, увела с собой Олёну, переодеться и причесаться. Впрочем, даже в мятом-перемятом, бесформенном балахоне она казалась мне безумно красивой, а сейчас... Время идёт, вон он закат, пламенеет за окошком, и всё заканчивается как-то неправильно.

– А фот и есть ми! – торжественно пропела государыня, появляясь в дверях. – Прошу отлюбить и нажаловать майн фройляйн Хелёнушка!

Девушка, вошедшая вслед за ней, была мне незнакома. Немецкое платье с глубоким вырезом на груди, чёрные волосы уложены в высокую причёску, в ушах длинные серьги с голубыми камнями, в изящных ручках складной веер, и стук тонких каблучков музыкально разносился на весь терем. Мы разинули рты...

– Это... вы?

– Не знаю, наверное... Ты у нас сыскной воевода. Так я это или не я? – по-детски рассмеялась Олёна.

Никогда не думал, что она может быть НАСТОЛЬКО красивой. Сам царь покусывал губу от зависти, а уж впечатлительный Митяй вообще онемел на месте. Бабка взглянула на нас, бросилась к окошку и даже всплакнула – последний прощальный луч заката таял в неумолимых сумерках.

– Мне пора...

– Я верну вас... тебя.

– Ну вот, а то всё выкаешь, ровно тётке какой строгой. – Она прильнула к моему плечу. Мы стояли молча и тихо, все вокруг тоже чувствовали прощальную значимость момента.

– Как это произойдёт?

– Я просто исчезну, а когда открою глаза, окажусь у Кощея в темнице. Ты не грусти обо мне. Просто помни, что была такая бесовка, которая взяла и влюбилась в дяденьку милиционера. Как дурочка...

– Я тоже хорош, гражданин участковый, влип в любовь к преступному элементу! – Мои пальцы чуть коснулись её щеки, лба, пробежались по густым волосам, едва не коснувшись... стоп! Минуточку! Здесь должны были быть рога! Я точно помню, маленькие такие, но острые и крепкие рожки, и ещё (где-то там...) хвост. Она же бесовка, тогда почему...

– Олёна! Олёнушка, не сработало! Он не сможет тебя больше забрать – ты не его! Ты не бесовка, любимая! Я вспомнил, вспомнил, куда сунул твою купчую. Я всё-всё-всё вспомнил!

Подхватив её на руки, я закружился по горнице в сумасшедшей радости. Заражённые моим весельем, все очнулись и, хохоча, запрыгали вокруг. Олёна, заливаясь слезами, так и не могла поверить, уже пятый или десятый раз проверяя факт отсутствия неизменных рожек. Ох, я надеюсь, хвостик тоже пропал? Но спрашивать в данный момент было как-то неудобно... Лучше по-тихому, после свадьбы.

– Бабуля, кажется, на этот раз я непременно...

– Женись, Никитушка! – хором пожелали все.

Я покосился на Олёну, она кивнула.

– Я могу расценивать это как согласие?

– Только если возьмёшь меня в свою опергруппу...

Присутствующие дружно загоготали. Нет, нет, так нельзя! Мало мне царя в отделении, царицы, так ещё и... Всё – киндер, кюхе, кирхе! Они же верёвки из меня вьют, персонажи сказочные. А я люблю их всех...

– Ладно, уговорили...

P.S. Интересно, а что скажет Кощей, когда узнает, что ту самую купчую сжевал в виде кляпа его верный слуга, господин Труссарди? Увижу, спрошу при случае... Потому что с этим бессмертным уголовником мы ещё обязательно встретимся. Обещаю!